

Я. Г. Риер

ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ

Могилев 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. КУЛЕШОВА»

Я. Г. Риер

**ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ**

МОНОГРАФИЯ

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2016

Электронный аналог печатного издания

Риер Я.Г.

Локальные цивилизации средневековья: генезис и особенности. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 200 с.

ISBN 978-985-568-238-8

Монография является вторым, существенно расширенным и дополненным изданием книги Я. Г. Риера «Цивилизации средневековья и порога нового времени: опыт структурного анализа» (Могилев, 2003) и посвящена сравнительному анализу истории средневековых обществ. Новое обращение к указанному тексту вызвано бурными событиями начала XXI в., обострившими общественный, а значит, и научный интерес к истокам современного мира со всеми его противоречиями, коренящимися в многообразии и разном уровне развития нынешних цивилизаций. За прошедшие 13 лет развились и теоретические концепции локальных цивилизаций. В предлагаемой монографии анализируются сильные и слабые стороны этой теории и на примере анализа становления цивилизаций Европы и Востока на рубеже древности и средневековья доказывается ее эвристическое значение. Особое внимание уделяется изучению факторов возникновения различий, породивших цивилизационное разнообразие. Выясняются причины асинхронности ритмов развития локальных цивилизаций и влияние сложившихся особенностей на дальнейшие исторические процессы, вплоть до современности. В связи с этим анализируются проблемы хронологии средневековья, периодизации его этапов и место и значение данной эпохи в человеческой истории.

Книга адресована историкам и тем, кто ищет в прошлом ответы на актуальные вопросы современности.

УДК 63.3(04)

ББК 930.85

Риер Я.Г. Локальные цивилизации средневековья: генезис и особенности развития. – [Электронный ресурс] : монография. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на HDD 15 Mb, Windows XP и выше, Adobe Acrobat Reader; DVD-Rom, мышь. – 3 экз.

212022, г. Могилев,
ул. Космонавтов, 1
Тел.: 8-0222-28-31-51
E-mail: alexpzn@mail.ru
<http://www.msu.mogilev.by>

- © Риер Я.Г., 2016
- © МГУ имени А.А.Кулешова, 2016
- © МГУ имени А.А.Кулешова, электронный аналог, 2016

ISBN 978-985-568-245-6
(электронное издание)

К ЧИТАТЕЛЮ

Со времени издания моей книжки о цивилизациях [Риер, 2003] прошло уже более 10 лет. Не столь значительное время для нового обращения к проблемам от полу- до полуторатысячетной давности. Но бурные события начала нового века побуждают вновь и вновь возвращаться к истокам современных общественно-политических и экономических процессов. Однако историческая память большинства из тех, кто обращается к анализу происходящего, к поискам в нем причинно-следственных связей и закономерностей, обычно ограничивается последними пятью столетиями, так называемым Новым временем, эпохой становления и развития капитализма. С тех лет начал свои построения о современных цивилизациях актуальный и поныне С. Хантингтон, на эту же эпоху опирается и мир-системный анализ Э. Валлерстайна. Большинство обращающихся к истории политологов и социологов если «опускаются» далее вглубь веков, то фрагментарно, выборочно. Пожалуй, лишь нынешний ближневосточный кризис актуализировал внимание к более раннему, средневековому периоду человеческой истории. Но целостное представление о той эпохе, как и прежде, остается дискуссионным. Причем именно последние годы добавили к спорам и новые грани.

Ставший популярным в конце XX в., особенно на постсоветском пространстве, *цивилизационный подход* к историческим процессам начал подвергаться критике и даже отвергаться. Оставаясь сторонником указанного подхода, считая его вполне приемлемым для анализа, структурирования и понимания прошлого, хотел бы дополнить концепцию, изложенную в начале «нулевых» годов новыми аргументами.

Предлагаемая книга не только имеет новое название, но, опираясь на прежнюю, сохраняя ее структуру и основной текст, ряд вопросов уточняет и дополняет. Существенно расширена, естественно, и литературная база монографии.

В истории не должно быть бесспорных и неизменных истин.

Лев Карсавин

Историк не тот, кто знает, а тот, кто ищет.

Люсьен Февр

Основная цель историка – помочь самопознанию своих современников.

Юлий Бессмертный

Однажды Гегель ненароком

и вероятно наугад

назвал историю пророком,

предсказывающим назад.

Борис Пастернак

Смысл истории – в существовании структур, а не в характере декора.

Иосиф Бродский

Сравнительный метод может многое; его обобщение и совершенствование я считаю одной из самых насущных задач, которые стоят сегодня перед исторической наукой.

Марк Блок

Не существует никакой истории, кроме универсальной.

Питер О'Брайен

Человек – это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей.

Эрих Фромм

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. В предлагаемой книге представлена концепция, сложившаяся в процессе 40-летнего опыта изучения истории средних веков и преподавания ее в университете.

В современной историографии сосуществуют несколько направлений исторических исследований. Одно из них сложилось еще под влиянием контовского позитивизма, ориентированного, как известно, на изучение конкретных, реальных явлений, на подчинение воображения наблюдению [Конт, с. 16–46]. Это привело, в противовес традиционной повествовательной истории, к созданию ряда школ, направленных на решения частных исследовательских задач, а в XX в. – и к стремлению выработать общие концепции исторического развития [Каганович, с. 166]. Но, как известно, в задачу историков входит выявление не только общих закономерностей, но и особенностей происходивших событий [Хейзинга, с. 24]. Стремление расширить фактологический фундамент исторических знаний привело к появлению широко известной школы «Анналов» со знаменитым пожеланием М. Блока о том, что историк должен быть подобен людоеду из сказки: где пахнет человеком, там его место.

Но увлечение новыми подходами, частными, индивидуальными явлениями, привело, как известно, многих современных последователей М. Блока и Л. Февра к уходу от целостного восприятия истории. В 60-е гг. возникло иное направление исторических исследований – так называемое постмодернистское. Оно сложилось как поворот к единоличному и личностному, к уникальным феноменам, к микроистории – истории в конкретном проявлении [Бессмертный, 1995, с. 9; Хвостова, с. 189]. В таком подходе отразилось «разочарование в глобальных объяснительных схемах и универсальных концепциях» [Шутова, с. 62]. В определенной степени постмодернизм в историографии – это возвращение к повествовательной истории, но уже на новой основе, расширенной интересом к повседневности, к «простому» человеку и обыденному событию. По словам Умберто Эко, постмодернизм – это ответ модернизму, возврат к традиции, сюжету в истории, но на новом интеллектуальном уровне [Эко, с. 101–102]. Однако постоянное расширение поля исследования привело к его дроблению, расчленению и в конечном счете к преимущественному изучению микросюжета, исторического анекдота, отдельных, не связанных между собой фрагментов, «осколков» [Дюби, 1991, с. 57; Рэвяка, Фядосік, с. 8, 52]. Это, безусловно, более подходит к художественной интерпретации истории – для исторической беллетристики, ставшей в наши дни очень популярной. Постмодернистские критики исторической науки, склонные стирать границы между нею и художественным вымыслом, выдают своего рода индульгенцию подобным произвольным интерпретаторам [Гуревич, 1999а, с. 14; Шушарин, с. 12–13].

Привычки постмодернистов преувеличивать частности (1000 гвоздей не хватило для победы) происходят от их стремления метафоризировать события. Они, с одной стороны, не учитывают причинно-следственные связи, заключающиеся внутри события, с другой – неправильно трактуют начальное состояние хаотической системы, историческое описание события как причину его дальнейшего поведения, в то время как подлинными, определяющими факторами являются структурные свойства системы, вытекающие не из описания, а из исторического анализа [Андреев; Бородкин; Левандовский, с. 90–91].

Однако несомненную пользу постмодернизм в исторических исследованиях принес. Г.М. Спигел справедливо заметила, что надо отвергнуть постмодернистское расщепление истории, но взять из него попытки услышать голоса прошлого, индивидуального в нем [Спигел, с. 219]. Ведь новые антропологические и социологические подходы позволяют реконструировать то, как индивиды строят социальный мир [Шартье; Алюніна]. В стремлении объединить достижения обоих направлений и в социальной истории в 80-е гг. XX в. происходит поворот от социально-структурной к социально-культурной истории [Репина, 1990, 1996, 1998].

Выход из постмодернизма был найден также в **синергетике** – от взятой в 90-х гг. XX в. из математического моделирования идеи *детерминированного хаоса*, где акцент надо делать на первую часть понятия [Андреев, Бородкин, Левандовский, с. 78]. То есть закономерности существуют, но мы их не понимаем и потому представляем события хаотичными. Первоначально это наименование

научного направления обозначало отрасль физики, занимающуюся физико-химическими процессами, где распространена форма развития в виде становления саморегулируемых систем (работы физика Ильи Пригожина и др.) [Ионов, 2007, с. 77; Семенникова, 2000, с. 10–11]. Позднее и общественное развитие стали трактовать как становление саморегулируемых систем. Предполагалось, что причинные связи в общественных системах также носят статистический характер, что подвигло некоторых интересующихся историей «естественников» на изучение прошлого с помощью математического моделирования. На этой основе возникла, например, **клиометрия**, предложенная биологом П.В. Турчиным, который даже рекомендовал использовать его методику для прогнозирования общественных процессов [Турчин].

Но, как выяснилось, такой подход упростил и даже исказил исторические реалии, что показал анализ работы этого автора [Риер, 2014]. Ибо развитие социума не подчиняется статистическим закономерностям [Хвостова, с. 190]. Вернее, они столь многообразны, что не поддаются полному вычленению и статистическому анализу. Ведь если некая физическая частица движется строго по заданным ей законам, человеку свойственен разум, и он может вести себя и рационально, и иррационально [Фядосік, с. 58]. То есть он может по-разному реагировать на одни и те же внешние условия и раздражители. В результате наукам об обществе так и не удается создать модели, адекватные реальностям.

Поэтому остаются актуальными методы, принятые, прежде всего, в самой исторической науке. Среди них и структурный анализ исторических процессов. Из частных случаев нельзя составить общее представление об истории. Еще Ш. Монтескье заметил, что, если случайный исход битвы разрушил государство, значит, была причина того, что упадок этого государства зависел от одной битвы [Кар, 1996, с. 225]. И задача историка – искать эти причины, что требует отвлечься от «событийной истории» и обратиться к «истории глобальной», к «истории длительной временной протяженности» [Бродель, с. 15–18]. Думается, прав Л.П. Карсавин, отмечавший еще в начале XX в., что основные проблемы истории решаются лучше синтетическими, хотя и рискованными попытками, отвлечением от частных случаев, от лабораторного опыта с микроскопическими результатами [Карсавин, 1918, с. 2]. При таком подходе историк не включается в событийную действительность и выбирает позицию «квазинаблюдателя» [Вжозек, с. 69]. Необходимость такого подхода обосновывается философами и социологами [Коллингвуд, с. 13, 207; Хантингтон, с. 50].

Конечно, надо осознавать, что отбор фактов для концепции всегда субъективен, зависит от мировоззрения автора. За поисками причин стоят поиски ценностей [Кар, 1996, с. 231]. Но ведь, полагаю, не надо доказывать, что история – это наши представления о прошлом [Сідарцоў, с. 5], уровень приближения к истине [Фельштинский, с. 172], «продукт деятельности историка, а не простое отражение объективной реальности» [Уваров, с. 329]. Как несколько провокационно заметил Фернан Бродель, история – это сон историка.

Конечно, всегда есть риск, что новые системы взглядов и некоторые гипотезы могут в дальнейшем не подтвердиться или уточниться. *«Но ждать нельзя. Растущие функциональная неграмотность и профессиональная не-*

компетентность делают необходимым создание таких учебников, которые помогут миллионам осмыслить происходящие перемены, быстрее адаптироваться к ним» [Яковец, с. 6]¹. Этот призыв относится не только к учебникам, которые не должны обгонять теоретическое осмысление истории. Поэтому выработка концепций и активные дискуссии по ним не менее необходимы².

Именно эти цели и преследует предлагаемая монография. Автор исходит из того, что изучение истории есть, прежде всего, изучение причин. Мир историка – его рабочая модель, а не фото реального мира, который охватить невозможно [Кар, 1996, с. 212–227]. Поэтому определенная генерализация необходима. Научное изучение истории, отмечал Питирим Сорокин, не должно останавливаться перед эмпирической «пестротой» факторов общественного развития, а должно разложить этот пестрый и сложный клубок взаимодействия различных факторов на ряд причинных связей или зависимостей [Сорокин, с. 523]. К тому же, картина минувших эпох – плод взаимодействия внеисторических знаний исследователя с потоком информации, почерпнутой им из источников. Историки не открывают общих законов – их навязывают им философы и социологи [Гуревич, 1999а, с. 11]. Если социальные и психологические науки обычно нацелены на воссоздание, прежде всего, общих признаков и тенденций, то историческое исследование направлено на изучение прошлого во всей его сложности и полноте. Данное утверждение, конечно, не означает того, что история обходит стороной общее и закономерное в процессе развития человеческого общества. Но историческая наука обычно отображает таковые закономерности благодаря описанию сущности единичных явлений без прямого обращения к логике. Хотя исторический метод нельзя абсолютизировать и отрывать от логического [Вин, с. 230].

Однако историки работают не посредством аксиом или однозначно решаемых теорем, а выдвигают гипотезы, которые они стремятся обосновать с максимально возможной степенью убедительности, отдавая себе отчет в том, что эти утверждения рано или поздно могут быть замещены, либо поставлены, под сомнение, либо даже пересмотрены, заменены новыми объяснительными моделями. Вместе с ходом истории изменяются ее видение и истолкование, но оно отнюдь не произвольно, порождено не свободной фантазией историка, а запросами современного ему общества. Хотя важна и собственная интуиция исследователя [Гуревич, 1999а, с. 11–14]. Но, в отличие от постмодернистских подходов, всегда надо помнить, что исторический факт – это фрагмент реальности, а не образ или видение в голове исследователя [Марзалюк, 2000а, с. 144]. Источник всегда должен оставаться прочной основой любого исследования.

Обращаясь же конкретно к средневековью, уместно вспомнить слова Н.И. Конрада: всемирная история должна смотреть на события средних веков не с какой-либо «той» или «этой» стороны, а как бы сверху; ее задача состо-

¹ А это чрезвычайно важно хотя бы потому, что образ других народов и себя зависит от того, как в детстве нас учили истории, – это остается на всю жизнь [Ферро, 1992, с. 8].

² Не лишне помнить и призыв медиевистам показать, «как связано средневековье с тем временем, в котором мы живем» [Экссле, 1999, с. 283].

ит в раскрытии истории каждого народа в общем историческом процессе [Конрад, 98–100]. **Наиболее приемлемым для решения такой задачи, полагаю, является сравнительное изучение основных структур выбранной эпохи, в данном случае – средневековой**¹. При этом согласен с тем, что исторически складывавшиеся общественные структуры во многом определяли облик цивилизаций, независимо от воли и сознания людей управляли хозяйственными механизмами, создавали свои связи и формы миропонимания [См. Шартье]. Такой подход вполне укладывается в понятие структурализма, основанного на принципе системного целого [Визгрин, 40].

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ. Не вдаваясь в общую историографию проблемы, хотелось бы остановиться на некоторых подходах, важных для последующего изложения.

Проблема **цивилизаций**, их сущности и, главное, множественности, стала актуальной в советской, затем и постсоветской историографии лишь в последнее десятилетие XX в. Она обсуждалась на конференциях, в журналах и сборниках, затем перекочевала в монографии, учебные программы и издания, в публицистику². Первоначально, естественно, основной упор делался на поиски определения *цивилизации*, роли этого понятия как инструмента научного познания истории человечества. Возникло множество определений, развернутых и кратких, что даже породило мнение о недостаточной изученности самого явления и сомнения в возможности использования термина.

Представляется, такая множественность, аморфность определений цивилизаций отражает именно многогранность самого явления, охватывающего столь широкие, разноплановые и глубинные грани человеческого существования, что выработать по-школярски четкое определение, которое можно давать для заучивания, невозможно в принципе. Поиск такого определения в нашей литературе связан лишь многолетней привычкой пользования четко оформленным марксистско-ленинским методологическим аппаратом [Алаев, Коротаев]. С изживанием этой привычки появляются и признания многозначности и неопределенности понятия [Ерасов, 1995; Ерасов, 2000, с. 49; Фядосік с. 57; Шемякин]³.

¹ Справедливо замечание А.Я. Гуревича: «*Мы сравниваем для того, чтобы резче проявить особенности сопоставляемых феноменов*» [Одиссей, с. 42].

² См., напр., статьи М.А. Барга, Б.С. Ерасова, И.Н. Ионова, В.Ж. Келле, В. Мак-Нила, В.И. Миськевича, Л.И. Новиковой, О.И. Ханкевич, А.А. Хачатурян, В.А. Федосика, И.Г. Яковенко и др., книги И.М. Дьяконова, И.Б. Орловой, Л.И. Семенниковой, Ю.В. Яковца, его же многотомник совместно с Б.Н. Кузьком [Гістарычны альманах; Дьяконов; Иванов, 2007; Метадалагічныя праблемы; Орлова; Семенникова, 1998; Семенникова, 2000; Сравнительное изучение...; Усебеларуская канферэнцыя; Формации; Цивилизация, 1988; Цивилизации в "третьем мире"; Цивилизации, 1992; Цивилизации, 1993; Яковец; Кузык, Яковец]. Цивилизации как концепт рассматривались в последнее время и в диссертациях [Прокофьева; Самусенко].

³ Следует упомянуть и о политизированных околонучных манипуляциях с *цивилизациями* [Калашников]. Указанный автор создал причудливую смесь из представлений о

Все это было, понятно, связано с несостоятельностью, вернее, искусственностью долгие десятилетия господствовавшей в советской историографии формационной концепции исторического развития. Возникшая методологическая свобода породила у постсоветских историков стремление найти новую опору в их представлениях о путях мирового развития, с неизбежным обращением к богатству мировой историографии, в которой идеи множественности цивилизаций существовали уже не одно десятилетие. И даже более того.

Еще древние греки в борьбе с персами осознали особость своего жизненного уклада, свое отличие от восточных народов, что позднее переросло в представление об отличии Запада и Востока вообще. На концептуальном уровне к дихотомии Запад–Восток обратились западноевропейские просветители в XVIII в. (в условиях начавшегося бурного развития Запада). Они и заострили внимание на специфике западной цивилизации. К середине XIX в. (с накоплением информации и усилением межрегиональных связей) начинают вырабатываться и концепции цивилизационного развития¹. Одной из первых среди них стала теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, изложенная им в обширном исследовании, первым изданием опубликованном в 1868 г. [Данилевский]. Такие типы автор соотнес с определенными цивилизациями, подчеркивая обособленность каждой и, отсюда, – необходимость особого пути для России². Он же оспорил существовавшие представления об эталонности западноевропейской цивилизации. Эти же идеи развивал затем К.Н. Леонтьев [Абрамов]. Впрочем, *«новаторство Данилевского в основном ограничивалось областью теории, поскольку компаративный анализ России и Европы был реализован под сильным воздействием славянофильских идей»* [Хачатурян, с. 291]³.

Идеи Данилевского вызвали полемику уже вскоре после публикации. Написанное окончившим Царскосельский лицей биологом и географом под впечатлением унижительного поражения России в Крымской войне от коалиции западноевропейских государств, сочинение обосновывало несоответствие судеб России и Запада. Сторонники автора эту идею подхватили, развивают и поныне, что отражает и переиздание его труда в конце прошлого века. Критики же упрекали автора и в биологизации общественных отношений. Не отвлекаясь на анализ довольно обширной литературы о Н.Я. Данилевском и его воззрениях, приведу лаконичную и, на наш взгляд, четкую его характеристику: *«Большинство современных исследователей склоняется к тому, что Данилевский спроектировал теоретические построения, используемые как доказательство несостоятельности эволюционной теории Дарвина, на социально-историческую действительность. Еще Соловьев указывал на тождественность классификации, положенной в основу теории культурно-исторических типов, и классификации, свойственной естественным*

единой цивилизации (в общефилософском и социально-философском смысле) и концепции культурно-исторических типов.

¹ Термин *цивилизация* был введен в 1768 г. А. Фергюссоном для обозначения периода после дикости и варварства [Келле, с. 8–9; Свод, с. 209]. Надо упомянуть и О. Мирабо-старшего, впервые обратившего внимание на различные стороны смысла этого понятия [Ионов, 2000, с. 28–29]. Подробнее о развитии представлений о понятии *цивилизация* см.: [Язык, Яковец, 2006; Уткин, с. 521–524].

² Детальнее об этих взглядах – ниже.

³ Краткий конспективный обзор концепции Н.Я. Данилевского см.: [Шиманская].

наукам, называя подход своего оппонента разновидностью «зоологического национализма». Многие западные исследователи обратили внимание на суждение Бердяева, упрекавшего Данилевского в насаждении принципов биологической таксономии в истории» [Мартынюк; Риер, 2000а, с. 175–176].

Позднее к проблеме места и судьбы европейской цивилизации обратился О. Шпенглер, возвестивший в 1918 г. о «закате Европы» [Шпенглер]. Вывод, на который автора подвигла трагедия Первой мировой войны, даже многие современники сочли спорным. П.М. Бицилли заметил, что Шпенглер смерть культуры понял буквально [Бицилли, 1996, с. 197]. Недавно он был назван одним из первых «европессимистов» [Уткин, с. 523]. Но еще Томас Манн заметил, что Шпенглер не пессимист, он фаталист, и продолжил: он талантливый, им можно гордиться. Но он сноб, отнесший себя к пророкам, которые, к всеобщей досаде, поучают других, не имея на это никаких оснований [Манн]. Он увидел закат той, привычной ему Европы, критиковал развивавшийся капитализм с консервативных, аристократических позиций [Красильщиков, с. 111]. Критики обвиняли его в банальных и грубых аналогиях между культурой и биологией [Мучник, с. 65]. Строго говоря, как и сочинение Данилевского, «Закат Европы» носил не столько научный, сколько публицистический характер. Но, по замечанию Й. Хейзинги, книга Шпенглера – это сигнал тревоги для европейцев [Тавризян, с. 96].

В те же межвоенные годы с анализом европейских цивилизаций выступил белорусский историк И. Кончевский, незаслуженно забытый отечественной историографией [Канчэўскі]. В поисках цивилизационной принадлежности белорусов он, в отличие от Шпенглера, с поразительной точностью и образностью представил характерные черты западно- и восточноевропейской цивилизаций, место среди них (вернее, между ними) отдельных славянских народов. Причем, обосновывая необходимость для белорусов создать собственную культурную модель, Кончевский, в отличие от воинствующего русофила Данилевского, проявил столь необходимую для ученого объективность и сдержанность. К сожалению, и в 20-е гг. прошлого столетия идеи белорусской самобытности оказались не к месту и не повлияли на историческую мысль. В соответствующих разделах мы вернемся к концепции этого автора, ибо она представляется весьма обоснованной, в том числе и последующими событиями XX в.

Лишь в кругах белорусской эмиграции идеи Кончевского получили дальнейшую разработку. Прежде всего, это относится к воззрениям Л. Акиншевича, подчеркивавшего самобытность цивилизаций. Полемизируя со сторонниками наличия общих закономерностей и единого пути человеческого развития, он писал, что при более глубоком знакомстве с историей отдельных людских сообществ, все более выразительно выступают черты неравномерности, своеобразия исторического развития отдельных групп народов. Становится ясно, что все трудней находить путь совместного развития всех этих человеческих сообществ. Даже Маркс и Энгельс выделили «азиатский способ производства». Но особенности относятся не только к Востоку [Акіншэвіч, с. 447].

Заметным вкладом в изучение цивилизаций стало вызвавшее широкий интерес капитальное исследование А. Тойнби, создавшего теорию круговорота локальных цивилизаций. Он выделил 21 замкнутую цивилизацию, каждая из

которых переживала генезис, рост, надлом, разложение, гибель, а затем происходила смена цивилизаций. Он был за концептуальную историю. Но, как христианский мыслитель, Тойнби считал, что история – дело рук творца [Тойнби, с. 8–15]. Он разделял критическое отношение Маркса к старомодной истории королей, сражений и политических революций, но полагал, что Маркс ошибался, видя основой всего экономику, ибо нет такого аспекта человеческой жизни, который может быть единым ключом к истории. А если таковой и есть, то искать его следует в сфере подсознательных религиозных чувств, в глубинах человеческой души. Поэтому Тойнби строит историю человечества как историю параллельно развивающихся цивилизаций, под которыми имеются в виду части человечества, объединенные общей религией [Монгайт, с. 145–146]. Встреченная с интересом, концепция Тойнби вызвала затем серьезную критику. Л. Февр назвал его фокусником, который с легкостью жонглирует народами, обществами и цивилизациями прошлого и настоящего, тасуя и перетасовывая Европу и Африку, Азию и Америку [Тойнби, с. 6]. Голландский ученый П. Гейл писал, что последние 4 тома «Исследования истории» Тойнби – это «дальнейшее расширение сумасбродной расточительности ученых примеров, написанных привлекательно и впечатляюще, хотя чаще выбранных очень небрежно и абсолютно ничего не доказывающих». И сам Тойнби в дальнейшем ощутил некоторую слабость своей концепции. В письме Н.И. Конраду он заметил: «Я почувствовал, что структура человеческой истории менее монадна, чем я предполагал» [Монгайт, с. 146–147]. В итоге попытка дать всеобъемлющее толкование цивилизационного развития оказалась неудачной¹. Но само представление о локальных цивилизациях с середины XX в. широко вошло в конкретные исторические исследования. Теоретические же рассуждения о цивилизациях стали в основном уделом философов.

В советской же историографии осознание догматичности, научной неадекватности господствовавшей формационной схемы исторического процесса долгие десятилетия прорывалось лишь периодически вспыхивавшими дискуссиями о так называемом *азиатском способе производства*². И лишь в 80-е гг., первоначально в исследованиях о древности и средневековье, то есть более удаленных от идеологического контроля, стали появляться цивилизационные подходы. 90-е гг., как отмечалось, стали временем повального интереса к цивилизациям. Помимо упоминавшихся теоретических публикаций появляются и попытки выработать на основе цивилизационного подхода общесторические схемы. Укажем, прежде всего, на концепцию известного востоковеда

¹ Как язвительно заметил Л.Н. Гумилев, «...грандиозные, хотя, пожалуй, неудачные, конструкции Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Тойнби стали поводом для того, чтобы вообще отказаться от построения исторических моделей» [Гумилев, с. 20]. Впрочем, такая критичность не помешала ему же выработать собственную схему мирового развития, скрепленную иррациональной идеей *пассионарности* [Гумилев, с. 269–276].

² В циклическую схему «формационной теории» это понятие не вписывалось [Алаев, 2000, с. 159]. В рамках цивилизационной парадигмы «азиатский способ производства» представляется специфичным составным элементом локальных цивилизаций Востока [Александров, с. 184–190].

И.М. Дьяконова, сделавшего, как он написал, абрис исторического процесса, краткий очерк всей истории человечества с вполне определенными механизмами фазовых периодов [Дьяконов, с. 3]. Но, зная об опыте Тойнби и его критике, при наличии массы ценных наблюдений и обобщений, на которые мы будем опираться в соответствующих разделах, автор не уберется от создания законченной схемы всемирно-исторического процесса. Очевидно же, что не просто обилие, но и безбрежность исторического материала делают такие схемы слишком умозрительными, порой искусственными, ибо критерии отбираются субъективно; при разных ритмах развития локальных цивилизаций есть опасность смешения сходных явлений, но происходивших в разных, трудно сравнимых условиях. Вероятно, структурный анализ цивилизаций все же не следует укладывать в жесткие конструкции¹.

Более приемлемым представляются подходы авторов российских учебных пособий о цивилизациях – Л.И. Семенниковой и Ю.В. Яковца. Возможно, именно характер изданий потребовал от авторов не увлекаться абстракциями и деталями, а показать особенности цивилизаций в их развитии на наиболее характерных фактах. Справедливо констатируются преимущества цивилизационного подхода: универсальность, многовариантность, компаративистский характер, подчеркивается показательность отсутствия определения цивилизации [Семенникова, с. 7]. Но, преодолевая социально-экономический подход к истории, Яковец подчеркнул, что исходит из приоритетности духовного развития человека, которое считает основой динамики общества [Яковец, с. 7]. К такому пониманию цивилизации склоняется и белорусский археолог Г.В. Штыхов, который, признавая, что цивилизации возникают в результате разнообразной деятельности людей, отметил, что сущность каждой цивилизации проявляется в духовных основах и ценностях. Это сообщает им устойчивость на длительный исторический период [Гісторыя Беларусі, т. 1, 2000, с.124–125]. В таком подходе ощущается идущее еще от Данилевского представление о цивилизациях как культурных явлениях, или, по определению философа В.С. Степина, надбиологических программ человеческой деятельности [См. Мотрошилова, с. 50]. Думается, феномен *цивилизации* охватывает значительно больший круг факторов, в том числе и естественно-географических, и биологических, о чем – далее.

При этом следует согласиться с тем, что *«само понятие цивилизации... как и любое другое в науке, есть понятие условное, наводящее, но необходимое для понимания истории и – шире – человеческой действительности как таковой»* [Рацковский, 2008, с. 107; Флиер, 2000, с. 32–33; Флиер, 2011]. Различные представления о *цивилизации/ цивилизациях* отражают именно многоликость и многообразие человеческой истории, не отменяя, естественно, то общее, что выделило человеческое сообщество в особое – социально организованное – явление.

Признание наличия множественности локальных цивилизаций и направлений их движения² в условиях современного кризиса привело в России к воз-

¹ Не случайно с 90-х гг. прошедшего столетия *«машина» создания новых цивилизационных схем стала заметно пробуксовывать* [Бойцов, с. 161; Ионов, 2000, с. 20].

² Даже не развития, а именно движения, ибо оно может быть и регрессивным. Вполне согласен с В.А. Федосиком, утверждающим, что исторический процесс *развивается*

рождению интереса к **евразийству**. Оно понимается как особый способ существования российской цивилизации, как антитеза либеральным политическим воззрениям и практики с помощью истории и историософии. Как справедливо было замечено, всплеск интереса к идеям евразийства возник тогда, когда российские исследователи в очередной раз показали несостоятельность механического копирования западной модели развития [Аванесова].

Евразийство, как известно, возникло в 1921 г. в Софии, где 4 молодых эмигранта издали сборник «Исход на Восток», и до 1925 г. существовало в основном среди русских эмигрантов в странах Центральной Европы. Евразийцы выступили против Запада как определяющего для России геополитического элемента, против европоцентризма старой русской политической элиты. Не случайно евразийство возникло в эмиграции. В комфортабельном быту Петербурга и Москвы дореволюционная русская интеллигенция еще могла предполагать, что живет в Европе. Но когда исторический ветер разметал ее по европейским городам, она не почувствовала родственного окружения [Уткин, с. 316].

В 1925–1929 гг. центр течения переместился в Париж, а в 30-е гг. среди адептов евразийства начался раскол, и к концу десятилетия оно распалось [Хоружий, с. 78–79]. Об истории и концепциях евразийства в последние годы написано много: переизданы работы основателей движения и его первых критиков, даются современные оценки [Акимова; Бицилли, 1993; Дурновцев, Маникин; Кизеветтер; Люкс; Панарин, 1993; Риер, 1998, с. 63; Риер, 2000а; Ронин; Симоненко; Флоровский; Уткин, с. 317–327; Шнирельман; Яхно]. Мы еще вспомним о нем в разделе о восточноевропейской цивилизации. Здесь же отметим, что еще в 1927 г. один из первоначальных сторонников евразийства, П.М. Бицилли, написал, что евразийство как и немецкий расизм, как расово-культурное самоопределение и выявление своего лица – это случайное и наугад выбранное копание в подвалах истории в надежде откопать там что-нибудь новенькое, еще не испробованное. Вот и открыли Чингисхана [Бицилли, 1966, с. 195; Дурновцев, Манихин, с. 13]. По сути, евразийство, может, и неосознанно для его создателей, оказалось своеобразной модификацией давно возникшего учения о ведущей роли государственной власти, известного как *этатизм*. Оно представлено во множестве философских школ – от Древнего Китая и Античной Греции до немецкой философии XIX–XX вв. [Кржевов, с. 77].

В 1928 г. о духовной неудаче евразийства писал один из создателей движения – Г.В. Флоровский [Флоровский, с. 237]. В дальнейшем евразийцы запятнали себя близостью с итальянскими и даже немецкими фашистами [Люкс, с. 110; Панарин, 1993, с. 11]¹. Их обвиняли в вульгарном, ненаучном понимании истории, в использовании подтасованного фактического материала [Акимова, с. 37; Ронин, с. 121]. Сказалась излишняя, хотя и извиняемая для того вре-

циклично, в рамках двух основных типов отношений: господства-подчинения («восточный» тип) и гражданского общества (полисный – «западный» тип) [Гстарычны альманах, с. 72]. Хотя само слово *развитие* в данном контексте вряд ли удачно.

¹ Теперь появились свидетельства, что с конца 20-х гг. их использовали как «крышу» спецслужбы Советского Союза [Семенникова, 2000, с. 35; Шушарин, с. 178].

мени политизированность создателей концепции [Трепавлов, с. 165]. Не учитывались и особенности других восточнославянских народов [Шнирельман, с. 9–15]. В итоге, как жестко, но справедливо заметил Б.С. Ерасов, евразийство стало попыткой преодолеть благородное влияние европейских идей уходом в азиатчину, в чем оказалось подобным большевизму, с которым и сомкнулось [Ерасов, 1996, с. 185]. Оно – итог духовного шока части русской интеллигенции из-за коммунистического захвата власти [Игнатов, с. 49]¹. К концу 30-х гг. прошлого века «классическое евразийство» себя исчерпало [Бассин, с. 14].

Современный ренессанс евразийства в российской историографии, к сожалению, также основан, прежде всего, на политических, а не на научных воззрениях его сторонников. В 70-е гг. с идеями близости средневековой Руси и кочевого мира выступили склонный к парадоксальной публицистике этнолог Л.Н. Гумилев и казахский писатель О. Сулейменов. Их вольное обращение с первоисточниками и умозрительные выводы вызвали резкую критику в академических кругах [Трепавлов; Иванов].

«Диковинная методология Л.Н. Гумилева», представления о космических влияниях на этносы, его отрицание монгольского разгрома Руси неоднократно подвергались критическому анализу [Иванов]. По словам В.А. Шнирельмана, Гумилев, создавая свою теорию межэтнических контактов, опирался не на «научные данные по нормативной и поведенческой антропологии, а на «трамвайный анекдот», основанный на расхожих стереотипах» [Этнографическое обозрение, с. 10]. Но именно такая форма изложения (названная позднее *беллетризованной историей*) обеспечила среди читающей публики популярность не только теории, но и фантазий Льва Николаевича. Интересны, хотя и небесспорны, мысли о противоречии воззрений Гумилева и православия [Елопов]. Тем не менее, «работы Л.Н. Гумилева уже сыграли свою роль в расширении стереотипов, которые мешали свободному развитию исторической науки... Человеку (даже выдающемуся) свойственно ошибаться, а процесс познания – бесконечен» [Данилевский, 2001, с. 336–344]. Называвший себя «последним евразийцем» Гумилев (не столько евразиец, сколько тюрко- и монголофил) внес существенный вклад в познание этнических процессов, особенно в их связях с природной средой [Бассин; Беляков].

Неоевразийство близко, прежде всего, людям искусства, не очень начитанным в историософской литературе [Игнатов, с. 60]. Но с начала 90-х гг. интерес к евразийству из публицистики все же переключался в научную литературу, в которой «неоевразийцы», игнорируя широко известную критику, продолжают черпать из старых источников [Риер, 1998; Риер, 2000а]. В этом проявляется очевидное доминирование идеологического, мировоззренческого стереотипа над требованиями научной объективности. Однако нежелание видеть бесплодность евразийства как научной концепции заставляет его сторонников идти по кругу. Как заметил Ф.И. Гиренок, назвавший евразийство старостью русской философии: если идти некуда – возникает естественное желание вернуться назад [Гиренок]. Единственное, что можно принять из евразийства – необходимость учитывать восточное влияние в российской истории [Семенникова, 2000, с. 35]. Но это понятно и без евразийской концепции.

Добавим, что, «с точки зрения географа, теория евразийства построена на множестве подмен и отождествлений, весьма поверхностном географическом мышле-

¹ Показательно, что на волне националистических амбиций возник и венгерский аналог евразийства – *туранизм* [Ратобыльская].

нии... Абсолютизированный таким образом культурный ландшафт, который у классиков евразийства толком не описан (его описание сразу разрушит схему), редуцируется к природному ландшафту, каковой по умолчанию признается неизменным, что отнюдь не очевидно; динамике природного ландшафта Евразии, включая гипотезу антропогенного происхождения значительной части «евразийских степей» было посвящено немало работ уже во времена первых евразийцев, и географ П.Н. Савицкий должен был их знать... Многословные тексты евразийцев, с множеством повторяющихся от текста к тексту и от автора к автору примеров, почти лишены карт... Настойчивая апелляция евразийцев к определенному картографическому образу России – не вычитывание содержания из карты, а вчитывание (вкладывание) в нее определенного содержания...» [Каганский].

Завершая о евразийстве, можно привести слова российского писателя и художника Максима Кантора: «В современной (русской. – Я.Р.) государственной политике евразийская концепция стремительно эволюционирует в «русский фашизм», о котором предупреждали и Бердяев, и Лихачев, и Соловьев. Русские люди самонадеянно кичатся тем, что однажды они разбили фашизм, а потому у них есть прививка от фашизма. Это совсем не так. Фашизм образуется из реваншизма, из тоски по империи, из единения нации и правителя, из единства народа, достигнутого травлей несогласных. А главное – из мистической миссии. Именно мистическая миссия нации... и есть условие возникновения фашизма... Романтическая концепция евразийства не соответствует истории» [[http://polit.ru/article/2014/07/18/...](http://polit.ru/article/2014/07/18/)]. И еще: «Евразия есть продукт интеллектуального номадизма первых евразийцев (впрочем, как и всех последующих)...» [Турарбекова, с. 17].

Нынешний интерес к цивилизациям и неубедительность нового издания евразийских концепций требуют дальнейших исследований исторического процесса, поисков, прежде всего, истоков цивилизационных различий, а также причин разнотемповости развития человеческих сообществ. Актуальным также остается и выяснение соотношения локальных и так называемых всемирно-исторических закономерностей в истории¹.

Без разработки указанных проблем невозможно разрешать и более частные, но весьма существенные для регионов вопросы цивилизационной идентификации так называемых переходных обществ. Если практически все бывшие европейские соцстраны, выбрав западную ориентацию, продемонстрировали свою близость западноевропейской цивилизации, то проблемы постсоветских государств, как и Югославии, демонстрируют их цивилизационную неопределенность: в обществах этих стран существует разлом, противоречия в миропо-

¹ Их наличие признают далеко не все исследователи. Но, например, британский историк Г. Кенигсбергер, утверждая, что всеобщего закона исторического развития просто не существует, тут же заявляет: «Скорее, мы попытаемся показать, что история человеческих обществ подчинена определенному порядку...» [Кенигсбергер, с. 26]. Думается, надо различать наиболее общие принципы существования человеческого сообщества и его реальные формы, весьма разнообразные, не сводимые к единообразно действующим законам, как в природе.

нимании, в целях и ценностях жизни¹. И так же как успешное лечение болезни невозможно без выяснения причин возникновения недуга, так и разрешение кризиса указанных стран требует анализа глубинных, коренных, основополагающих черт их общественной жизни. Такой анализ, естественно, предполагает обращения к их истории в сравнении с соседями, близкими и дальними.

Вместе с тем, полагаем (и об этом свидетельствует историография изучения цивилизаций), не следует пытаться – по примеру средневековых европейских схоластов, авторов многочисленных «Сумм...», – охватить все многообразие общественного развития. Следует ограничиваться определенными хронологическими рамками. Я выбрал средневековье, которое, как известно, было «детством» большинства современных цивилизаций².

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ, ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ. Как известно, понятие о *средневековье* возникло в Западной Европе и первоначально обозначало отрезок именно западноевропейской истории от крушения Римской империи до эпохи Возрождения³. Концом средневековья обычно считали переломные, а то и просто яркие события: открытие Америки Колумбом (1492 г.), или начало Реформации в Германии (1517 г.), или падение Константинополя (1453 г.). Были и другие точки отсчета. Последующую эпоху относили к Новому времени. Как видно, грани этих двух периодов человеческой истории оказались весьма нечеткими. Еще более размытым оказалось представление о хронологии средних веков при переносе европейской периодизации на историю других регионов. Прежде всего, это относится к странам Азии, которые с легкой руки позднесредневековых европейских путешественников получили обобщающее обозначение – Восток. Но европейские представления об исторических периодах не совпадали с традициями и ритмами жизни восточных обществ, весьма, кстати, многоликих. Там не было столь заметных, как в Европе, смен эпох. И лишь высокомерие бурно развивавшейся капиталистической Западной Европы, видевшей Восток отсталым объектом колониальной экспансии, привело к закреплению европоцентризма в представлении об историческом процессе – в переносе понятий *средние века*, как, кстати, *Древний мир* и *Новое время* – на всемирную историю.

¹ Очень важна такая цивилизационная идентификация для Беларуси, которая долгое время в российской историографии воспринималась с позиций западнорусизма, а теперь есть попытки втянуть ее в евразийский конгломерат [Краснов; Риер, 1998, с. 59–61]. Проблема выяснения места белорусов как особого сообщества в историческом процессе рассматривалась, что отмечалось выше, Кончевским и историками белорусской диаспоры. Современная белорусская историография еще только нащупывает подходы к данной проблематике [Вялікае княства...; У Цюрыху...]. К постановке проблемы места Беларуси в средневековых цивилизациях обращался и автор [Риер, 1998; Риер, 1999; Риер, 1999a].

² Первая попытка анализа средневековых цивилизаций была предпринята нами в учебном пособии [Риер, 1997].

³ Справедливо замечание французского культуролога о том, что понятие *средневековье* порождено возмущением итальянских гуманистов к послеримскому европейскому прошлому [Гене, с. 11].

С середины XVIII в., с распространением в европейской науке идей прогресса, представление о человеческой истории как процессе развития от примитивных социальных форм к более совершенным стали разрабатываться историками. Большинство из них исходили из идей античных мыслителей Дикарха Мессинского и Лукреция о трех стадиях общественного развития: охотническо-собираательской, скотоводческой (пастушеской) и земледельческой. В средние века такие идеи не воспринимались из-за господства религиозных представлений о сотворении и развитии мира [Илюшечкин, 1987, с. 74; Эксле, 2001].

В сочинениях второй половины XVIII в. появляется и определение средневековой эпохи как *феодальной* (от Ш. Монтескье). Первоначально феодальными называли особые отношения, возникшие в политическом устройстве и правовых нормах западноевропейских стран. В начале XIX в. французский мыслитель-утопист А. Сен-Симон на материале все той же западноевропейской истории выработал стадиальную концепцию человеческого развития, в которой выделил и феодальную, отнеся к ней некоторые средневековые страны Западной Европы. Эта концепция, а также теория общественных формаций Г. Гегеля оказали существенное влияние на всю европейскую историческую науку XIX в. Их использовал и К. Маркс, когда при создании своей теории общества обратился к истории докапиталистических способов производства [Илюшечкин, 1993, с. 18–24; Илюшечкин, 1994]. Он и его последователи рассматривали историю человечества как закономерную, прогрессивную смену господствующих типов производственных отношений, или, иначе, социально-экономических формаций. Отсюда средние века рассматривались как история возникновения, развития и упадка особого, специфического феодального строя. Под феодализмом понимались особые общественные отношения, сложившиеся в средневековом обществе. Понятия «феодализм» и «средние века» стали у марксистов синонимами. Отсюда хронологические рамки средневековья во всемирном масштабе определялись ими существованием феодализма.

Поначалу эти философско-политэкономические воззрения особо не заинтересовали историков. Но в 30-е гг. XX в. на их основе советские ученые разработали периодизацию средневековья, вписав ее в марксистское понимание истории. В этой периодизации сохранялся европоцентристский подход. В основу было положено существование европейского, точнее западноевропейского феодализма, зародившегося, по тогдашнему мнению, в V–VI вв. В Центральной и Восточной Европе феодализм датировали с VIII–X до XIX вв., в Азии – с III–IX до XIX вв.

Но уже при становлении указанного формационного подхода стали выявляться его слабости и противоречия. История Востока, как отмечалось, плохо укладывалась в созданную схему, ибо рабовладельческие и феодальные черты там переплетались долгие столетия¹. Для выхода из тупика Ю.М. Коби-

¹ Как считают некоторые исследователи, теория формаций для параллельного изучения Европы и Востока изначально не предназначалась. Но уже в ранней советской историографии эта теория чисто механически была приложена к неевропейской истории

щанов, отталкиваясь от воззрений конца XIX – начала 30-х гг. XX в. выдвинул идею первичной, или «большой феодальной формации» [Илюшечкин, 1994, с. 236]. Но эта идея не выходила за рамки формационной парадигмы. В немарксистской историографии, как известно, формационная схема не была принята из-за ее односторонности, преувеличения роли экономики и социальных отношений в обществе¹. Формационный подход делил мир по-манихейски, на светлый и темный [Панарин, 1995, с. 70], хотя марксистский интерес к социальной истории оказал существенное влияние на развитие исторической науки XX в., в частности, на Школу Анналов.

В дальнейшем и советские историки стали все чаще выявлять отмеченные недостатки формационного подхода. Дело даже не столько в его опоре лишь на европейскую историю. Главное, что он грешил абсолютизацией удельного веса закономерностей развития, классовой борьбы, социальных революций и преуменьшением других факторов [Черняк, с. 68], не учитывал многообразия в развитии человеческого общества, в котором нередко и политика, и сознание, и даже бытовые привычки людей влияли на экономику. Ибо не экономика, писал еще в начале XX в. С. Булгаков, создала типы человеческой жизни, а сам человек, который решает свои потребности, в том числе и с помощью экономики [Булгаков, с. 257–258]. Постепенно все больше ученых стало склоняться к тому, что историческое развитие – многофакторный процесс, который учитывает так называемый *цивилизационный подход* к периодизации и систематизации истории.

Среди многочисленных определений цивилизаций часто преобладает идущий еще с XIX в. культурный, духовный аспект человеческого существования [Гуревич, 1998, с. 17; Орлова, с. 18–22; Тойнби; Хантингтон; Шпенглер]².

Но такой подход представляется односторонним и ограниченным, не позволяющим адекватно представить историю человечества во всем ее многообразии, сужающим эвристические возможности цивилизационной теории³.

[История Востока, т. II, с. 602–603], что и вызвало в 30–60-е гг. XX в. уже упоминавшуюся, периодически разгоравшуюся длительную дискуссию о так называемом «азиатском способе производства».

¹ Заметим, что учение о формациях было разработано на древнеавилонском материале востоковедами: Э. Мейером в Германии (XIX в.) и В.В. Струве в СССР. Но если на Западе теорию Мейера посчитали курьезом, то теория Струве легла в основу советской исторической науки.

² Примечательно толкование цивилизации у писателя М. Пришвина: «*Культура – это связь людей, цивилизация – сила вещей*». Цивилизация – сила внешнего принуждения культуре. Она действует через стандарт, культура создает детали [Пришвин, с. 178]. Или о соотношении понятий: «*В своей основе культура есть непременно творческая область деятельности, в то время как цивилизация, даже если она «обходится» без творчества, является системой сохранения результатов развития культуры*» [Оруджев, Кузнецова, с. 85].

³ Справедливо замечание известного востоковеда, что надо отойти не столько от преувеличения и фетишизации экономического фактора, сколько вообще от монистического взгляда на историю [Алаев, 2000, с. 558–559]. Можно принять и «генерализованное» определение: «*цивилизация – это общественная макросистема, обладающая*

Представляется, что **цивилизации** – это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавших условия жизни людей¹. При таком подходе в равной степени, в отличие от формационного, сочетаются антропологические (биологические) и социальные явления.

В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой пласты – географическая среда, система хозяйства, социальная организация, религия, господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, ментальность, при изучении которых нельзя заранее устанавливать субординацию между ними [Алаев, 2000, с. 563; Дилигенский, с. 33; Ерасов, 2000, с. 49; Келле; Семенникова, 1998, с. 15; Сравнительное изучение..., с. 5; Черняк, с. 71]. Цивилизация как понятие шире формации, так как, учитывая социально-экономические отношения, выходит за рамки экономической доминанты, включает и природный фактор, и культуру, которая является *«продуктом развития цивилизации»*. Концепция цивилизаций лучше учитывает и региональные различия. То есть теория цивилизации призвана помочь общественной мысли справиться с осознанием смысла и содержания множественности и разнвариантности движения – Б.С. Ерасов [Цивилизации, 1992, с. 11; Миницкий, с. 62; Харичев]. При этом справедливо и замечание о том, что *«составляют цивилизацию не обязательно народы, близкие по лику и культуре (как полагал один из основоположников теории – Н.Я. Данилевский). Целый ряд цивилизаций (особенно современных) включает в свой состав народы самого разного происхождения. Точно так же для цивилизации не обязательно доминирование какой-либо одной религиозной конфессии»* [Шаповалов, с. 41].

В отличие от стадильных теорий исторического процесса цивилизационный подход предполагает «горизонтальное» изучение истории, что позволяет преодолеть недостатки того же формационного подхода, основанного на истории Запада, а также развивать сравнительное изучение локальных цивилизаций [Крадин, 2007, с. 90–91]. Сравнительные, компаративные исследования позволяют лучше понять локальные и региональные процессы в общеисто-

целостностью, собственным механизмом жизнедеятельности, и сориентированная во времени и пространстве» [Семенникова, 2000, с. 14]. Приемлема и формулировка И.Л. Фадеевой, подразумевающей под данным термином *«устойчивый, самовоспроизводящийся тип социальной организации одного или нескольких обществ, связанных сходными политическими, экономическими, семейными, психологическими и правовыми традициями, которые передавались в течение длительного исторического периода от одних этносов к другим, позже появившимся на исторической арене»*. Она же справедливо заметила: *«Цивилизация формирует человека, а он создает конкретный тип экономики»* [Фадеева, 2001, с. 244].

«Может быть, «цивилизации» – это просто разные наборы, неповторимые сочетания уровней развития в разных сферах деятельности и жизнеобеспечения социума» [Алаев, 2000, с. 565] или особые, различающиеся *«культурные комплексы»* [<http://polit.ru/article/2007...>]. Такое понимание этого феномена известно и у этнологов [Маке, с. 9–13; Левин, Чебоксаров]. М.А. Чешков назвал такой подход к понятию цивилизаций *«антропологической» человеческой доминантой, коренящейся и воспроизводящейся в конкретном опыте жизни, повседневных забот, страданий, хозяйствования, мышления, веры и любви конкретных людей»* [Рашковский, 2008а, с. 78].

рическом контексте, т. е. разобраться в причинах и особенностях многообразия путей развития человеческих сообществ [О'Брайен, с. 23; Хвостова, 1997, с. 64]. «*«Цивилизационная» модель миропонимания предполагает, что цивилизация является критерием развития и самобытности любого общества*» [Кириллина, Родригес, с. 171]. Оптимальным при таком подходе является выделение *локальных цивилизаций*¹.

Нельзя, конечно, не отметить, что само понятие *цивилизаций* вызывает споры из-за своей известной «размытости» [Кириллина, Родригес, с. 171]. Но с утверждением тех же авторов, что «*«Цивилизационный» подход предполагает лишь циклическое время, делая упор на повторяемость определенных конкретных характеристик общественного развития, и исключает всякое иное, в частности линейное, представление об историческом времени*» [там же], нельзя согласиться. Ведь и в рамках цикличности происходило развитие, что мы увидим в последующем изложении. Кроме того, линейность исторического процесса демонстрируется и примерами смены одних цивилизаций другими на одной и той же территории. Впрочем, указанные авторы признают, «*что цивилизация, помимо духовной и материальной культуры общества, вбирает в себя всю совокупность институтов политической надстройки, служащих как бы мостиком между духовной культурой и экономическим базисом, результатом взаимодействия социальных связей и социальных ценностей данного общества. Именно этот компонент приводит к замене формации цивилизацией. Но в целом цивилизация, нередко складывающаяся на протяжении ряда формационных эпох, обладает большей устойчивостью, преемственностью, непрерывностью накопления информации, в то время как для формационного начала характерны переменчивость и конфликтность*» [Кириллина, Родригес, с. 172].

Нечеткость понятийного аппарата в цивилизационной теории отмечает А.Н. Поляков. Но справедливо замечает при этом, что «*цивилизация, в отличие от общественно-экономической формации, – не абстракция, а действительно существующее явление, не умозрительная конструкция, а реальный объект*» [Поляков, 2007, с. 52]. Однако в своих конкретных исследованиях по древнерусской истории демонстрирует результат отмеченной им же нечеткости понятий. Его представления о критериях и особенностях цивилизации Древней Руси [Поляков, 2010] выглядят местами эклектичными, а местами надуманными. Об этом уже было написано ранее [Риер, 2014а].

В расплывчатости самого термина видит слабое место цивилизационного подхода С.А. Нефедов, ссылаясь при этом, в том числе, на американского социолога Джека Голдстоуна [Нефедов, с. 124]. Но именно *расплывчатостью, размытостью* и определяются возможности данного подхода². Именно, подчеркиваю, *подхода*, а не концепции и, тем более, теории. В последнем случае «цивилизационников» действительно можно упрекать за нечеткость понятий-

¹ Общефилософское обоснование такого подхода на примере России см.: [Левченко; <http://polit.ru/article/2011/10/27/...>].

² Историографический обзор становления и развития цивилизационной теории и концепции *локальных цивилизаций* см.: [Кузык, Яковец, 2006, с. 24–101].

ного аппарата, что следует, по нашему убеждению, из принципиальной невозможности выработать *всеобъемлющую теорию исторического процесса*. Ибо, в отличие от изучаемых естественными науками общих законов природы, человеческое общество невозможно уложить в строго определенные, математически описываемые рамки. Ведь поведение людей определяется не только свойствами материи, но и лежащими вне материальных законов чувствами, эмоциями, которые, возможно, и имеют физическую и химическую природу, но вызываются столь сложными и многообразными взаимодействиями, что точному научному анализу пока не подвластно.

Вполне обоснованным представляется мнение Г.П. Прокофьевой: *«Анализ научной литературы дает основания утверждать, что многозначность и расплывчатость понятия «цивилизация» обусловлены его универсальностью. Универсальным понятиям трудно дать определение корректно, целесообразно рассматривать их в постоянном сопоставлении с другими понятиями и категориями. Цивилизация как объект исследования обнаруживает себя через сложные и разнообразные сущности, и она не может быть сведена к их простой сумме»* [Прокофьева]. На трудно поддающиеся теоретическим формулировкам многие цивилизационные парадоксы российской истории указывал И.Н. Данилевский [Рашковский, 2008а, с. 70].

Здесь уместно вспомнить о давнем споре между гуманитариями и естественниками. Среди последних, как известно, распространено убеждение, что существуют науки естественные и противоестественные, т. е. гуманитарные. Этот подход ярко проявился и в комментариях к упомянутой выше статье М. Кантора. В одном из них написано следующее: *«...Автор, Максим Кантор, описывает реальную действительность. Это позиция гуманитария. Ученый поступит иначе: сначала выдумает описание (абстракцию), а затем будет искать возможности применять это описание-абстракцию к действительности. Чем нехорош гуманитарный метод – применительно к обществу, народу, государству? По каждому народу, для каждого государства, для каждого общества делается свое, только к нему примененное описание. А метод не может быть уникальным – иначе это не метод. Нужна абстракция, равно применимая ко всем народам, всем государствам, всем обществам. Нужна МОДЕЛЬ...»* [<http://polit.ru/article/2014/07/18>].

Но социум не механизм, работающий в строго определенных параметрах. Его природа намного сложнее. Моделирование здесь – та самая бумага из известной поговорки: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». *«Эволюция человечества представляет собой недетерминированный и непредсказуемый процесс... По этой причине мы обречены путать необходимое со случайным...»* [Крадин, 1992, с. 10]. Поэтому историки чаще всего скептически относятся к моделированию общественных процессов, в том числе и к демографическим циклам самого Нефедова, который почему-то локальные цивилизации рассматривает, прежде всего, как развивающиеся системы [Нефедов, с. 125–126], тогда как в основе каждой из них, что будет показано далее, лежат именно статичные, стабильные, мало подверженные изменениям факторы: природная среда и производные от нее хозяйственные и поведенческие типы.

Важным достижением цивилизационного подхода является именно признание роли географической среды и антрополого-демографического фактора на формирование «лица» цивилизаций, их региональных различий, специфики ритмов их существования, всего того, что раньше в советской историографии называлось географическим и демографическим детерминизмом [Вишнянский; Журов; Клименко, 2000, с. 6; Красильщиков, с. 7; Макаренко¹]. Как подмечено А. Вагановым, «идеальная среднегодовая температура для экономически успешного развития страны – 13 градусов по Цельсию. Государства, где этот климатический показатель выше, то есть более жаркие страны, почти неизбежно показывают и худшие экономические показатели, они чуть ли не обречены на сниженную производительность труда» [Ваганов].

Но главное, в отличие от формационного подхода, цивилизационный позволяет раскрыть смысл любой эпохи через человеческое измерение [Барг, 1993]². В целом, цивилизационное понимание истории – гипотеза, способная дать наиболее убедительное толкование общественного развития [Черняк, с. 373] при данном, подчеркнем, уровне наших знаний.

Однако нельзя обойти вниманием критику цивилизационного подхода, возникшую в ученой среде в ответ на распространение в российском политическом дискурсе концепции «особости исторического пути России». Ибо, как указывают критики, обоснование этой особости, исключительности российской истории, в том числе и прогрессивности евразийства как желательного пути развития, опирается именно на теорию локальных цивилизаций, которая не только разрушает представление о единстве исторического процесса, но и позволяет обосновывать особые права отдельных цивилизаций при достижении ими особого уровня (все той же *пассионарности* – по Гумилеву [Шнирельман, 2009]. А в применении к российской истории это «направлено на «подмораживание» ее развития по общечеловеческому пути, на ее изоляцию, и, по существу, служит обоснованием возврата к самодержавию и ксенофобии» [Алаев, 2002, с. 61].

Критично, хотя и по иным основаниям, отнесся к цивилизационному подходу И.Н. Ионов. В капитальном сочинении он предпринял подробнейшее изложение истории становления и развития цивилизационной теории и представил ее критику с точки зрения философии и социологии как продукта западного «сциентизма» (прагматичной учености, научности) с игнорированием более общих подходов к пониманию социума. Эта критичность, однако, хотя и вуальруется, но во многом определяется неприятием западной концепции цивилизаций. По мнению Ионова, учение о цивилизациях сложившееся на Западе,

¹ Характерно что один из авторов, имея в виду цивилизации, пишет о формациях, вкладывая новое содержание в старые, привычные термины [Макаренко, с. 136]. С другой стороны, не оперируя понятием *цивилизация*, невозможно определить роль окружающей среды и физической природы самого человека как первичных, естественных основ человеческого существования, что подчеркивал еще В.О. Ключевский. Ведь именно географический фактор, по его убеждению, и сформировал русскую цивилизацию [Новикова, 1988, с. 132–134].

² Ведь действительно, главным субъектом истории как процесса является личность [Шушарин, с. 8].

обосновывает его превосходство в мире, что позволяет назвать это учение проявлением «*нового расизма*», ибо Россия в круг успешных, передовых цивилизаций не входит и, более того, относится к варварской периферии [Ионов, 2007, с. 199–200 и др.].

К сожалению, несмотря на обширность рассмотренных материалов, как и Шнирельман, Ионов свое отношение к учению о цивилизациях основывает на политических выводах из него. В более ранней статье он писал: «*Исследования локальных цивилизаций приобрели политическую актуальность. Из области теоретической социологии и истории они постепенно перемещаются в область прикладной политологии*» [Ионов, 2000, с. 20]. Но это уже проблема не самой теории. Собственно, Ионов это и признает в другой монографии (в соавторстве) [Ионов, Хачатурян].

Автору данной монографии довелось высказаться по поводу такой политизации [Риер, 2012]. Здесь добавим, что отмеченная указанными авторами эксплуатация цивилизационного подхода для обоснования «особости» и исключительности западной или российской истории вовсе не свидетельствует об ошибочности самого цивилизационного подхода. Позволю банальное сопоставление: как известно, автомобиль может быть как средством передвижения, так и источником повышенной опасности. Политически конъюнктурные выводы из цивилизационной теории заслуживают, безусловно, критического анализа, но не следует с водой выплескивать и ребенка. При строго научном, не ангажированном подходе цивилизационная концепция работает и позволяет проследивать закономерности исторического процесса, в том числе, что важно, в использовании опыта прошлого для выявления наиболее перспективных форм общественного развития [Акимов, Яковлев, с. 114].

Вызывает возражение и мнение Л.В. Алаева о том, что «*критериев выделения цивилизаций не существует*» [Алаев, 2013, с. 8]. Это – механистический подход. В том-то и «фишка», что человеческое сообщество, да еще в динамике своего многовекового развития действительно невозможно сводить к набору строго формализованных критериев. Оно, это сообщество – не механизм. Отсюда и кажущаяся «*слабость конструкции цивилизационного подхода, спорность исходных постулатов предлагаемых теоретических построений. Цивилизационный подход все еще не обрел собственную методологию и требует дальнейшей разработки. Необходима также серьезная дискуссия о том, как сегодня устроен мир*» [Алаев, 2013, с. 14]. И далее. «*Цивилизационный подход, ставший сейчас знаменем сторонников полного переосмысления истории и своего рода паролем, которым обмениваются посвященные, не стал (пока?) теорией, которой можно было бы пользоваться при изучении и преподавании истории. Он не предлагает системы цивилизаций*» (выделено Алаевым. – Я.Р.) и потому не организует исторический материал. Более того, он выдвигает в качестве аналитического инструмента неопределимый фактор вроде «*цивилизационной специфики*», или «*духа цивилизации*», который, возможно, реально и существует, но не может быть познан научными методами» [Алаев, 2002, с. 52].

Представляющаяся известному востоковеду слабость конструкции отражает сложности познания истории. Наоборот, прочная конструкция наших

знаний о мире стала бы очередной догмой, мешающей дальнейшему познанию, как это и произошло с *учением о формациях*. Отсюда – множественность цивилизационных критериев и есть методология этой концепции, которая, естественно, требует дальнейшей разработки, как и серьезная дискуссия о современном устройстве мира. Но именно в этом и состоит задача истории как развивающейся науки, с чем, впрочем, и соглашается Алаев: «Возможно, что в нем (цивилизационном подходе. – Я.Р.) заложен некий *позитивный смысл, и он может быть полезен при изучении истории*» [Алаев, 2002, с. 61]. Остановимся на том, что цивилизационная концепция (или действительно лучше – подход) – открытая система с гибкими критериями. Надеемся, что если синергетика действительно применима и для социальных систем, то в перспективе цивилизационные критерии, как и вся концепция цивилизаций, выстроится в более стройную и адекватную реальностям теорию.

В соответствии с цивилизационным пониманием человеческого развития в современной историографии, исходя из географических, этнических, экономических, социальных, политических и культурных особенностей выделяется ряд цивилизаций Европы, Азии, Африки, Америки, одни из которых возникли в древности, другие – в средние века. Развитие и видоизменения в цивилизациях продолжались и в Новое время, продолжают и теперь; выделяются и переходные формы. Возникло понятие *локальные цивилизации*, в котором «каждая отдельная цивилизация реализует свою версию универсальных, общечеловеческих по понятию ценностей в рамках определенного, достаточно устойчивого региона или культурного круга» [Яковенко, 2000, с. 104]. При таком подходе, на основе которого, кстати, в Беларуси составлены новые школьные программы по истории, основной упор делается не только на изучение общих закономерностей исторического процесса, но и на анализ многочисленных региональных особенностей [Рыер, 1994; Риер, 1999в].

Но цивилизационный подход еще более усложняет **проблему периодизации**, в том числе и истории средних веков. Так, для Западной Европы по экономическим, а также отчасти политическим и идеологическим параметрам средними веками считаются V–XV вв.¹ Однако характерная для этой эпохи мо-

¹ Впрочем, даже в определении начала европейского средневековья не все однозначно. Такой известный рубеж, маркирующий падение античного общества и варваризацию Европы, как Великое переселение народов, В.П. Буданова предлагает начинать не с конфликта появившихся в Европе гуннов с готами Германариха (375 г.), а со II в., эпохи Марка Аврелия и Маркоманских войн, положивших начало массовому натиску варварского мира на дряхлевшую империю [Буданова, с. 140–141]. С другой стороны, не закончена дискуссия о хозяйственном и общественном континуитете от эпохи Цезаря до Карла Великого, начавшаяся еще со времен Ф. де Куранжа и А. Допша. Последнего, впрочем, мало кто поддержал [Письма..., с. 128]. Вспомним и А. Пиренна, предлагавшего в связи с этим начинать эпоху средневековья на Западе со времени противостояния арабов и Каролингов, т. е. с середины VIII в. [Leciejewicz, s. 8]. Конец же средневековья иногда относят даже к XIV в., мотивируя это, например, крушением концепции единого христианского общества, расколом папства и началом Возрождения [Расселл, 2001, с. 219].

нархическая власть продолжала существовать и позднее; то же относится и к месту религиозности в общественной и частной жизни. В современной медиевистике появилось понятие *долгое средневековье*, учитывающее медленную эволюцию экономической основы доиндустриальных обществ – сельского хозяйства, а также особого «средневекового» типа сознания и поведения людей – ментальности. Это сознание определялось господством христианства, сословных представлений, «эпохой лошади», и зародившись во II–III вв., сохранялось даже в Западной Европе до первой половины XIX в. Даже ренессансные и реформаторские идеи опирались на средневековое мировосприятие [Бибихин, с. 250–252, 360–361; Бродель, 1997, с. 164; История культуры..., 1999, с. 15; История ментальностей..., 1996, с. 59–61; Кин, с. 446; Ле Гофф, 1992, с. 5; Современная мировая..., с. 4; Le Goff, s. 15–16]. Специалисты по гендерной истории обратили внимание на то, что в XVI–XVII вв. еще сохранялось средневековое, патриархальное отношение к женщине [Буланаква; Пушкарева, 2001, с. 43]. Но все это относится именно к западной, точнее, к западноевропейской цивилизации¹. За ее пределами хронология эпохи, если рассматривать средневековье как господство особых форм землевладения и соответствующих социально-экономических порядков, еще более усложняется.

На большей части Центральной и Восточной Европе едва ли уместно отсчет средневековой истории начинать ранее IX в., а завершением ее можно считать XIX в. [Саганович, 1997; Саганович, 1999, с. 292]. Н.Л. Пушкарева называет XVI–XVII вв. в русской истории порогом Нового времени и рассматривает эту эпоху в единстве со средневековьем [Пушкарева, 1997, с. 100]². Восток же, как отмечалось, вообще требует особой хронологии, ибо он не знал столь резких скачков, свойственных европейским цивилизациям, и обстановка в восточных обществах не вписывалась в европейские «лекала». Отсюда постоянные дискуссии, в которых начало порядков, свойственных средневековью, относят к разным векам I тыс. н. э., а завершение эпохи – к XVI–XIX вв. и позднее (судя по современным исламским фундаменталистам, они живут еще даже не в классическом, а вообще в раннем средневековье) [Березный; Дьяконов, 1994, с. 71; Крюков, 1984, с. 3–6; Крюков, 1987, с. 3–5; Симонова-Гудзенко]³.

Очевидно, прав А.К. Дживелегов, давно уже написавший, что ни исходной, ни заключительной даты периода средних веков наука не знает: о них можно лишь условиться [Дживелегов, с. 6]. И вообще, как заметил Й. Хейзинга, периодизация в истории хотя и необходима, но всегда играет второстепенную роль, всегда неточна, в известной мере произвольна. Потребность в ней происходит не из занятия историей, а из общего стремления к упорядоченности [Хей-

¹ Показательно, что в современной российской историографии отмечается разницей в определении верхней границы западного средневековья. В одних изданиях, в соответствии с распространенной западноевропейской традицией, XIV–XV вв. отнесены к *позднему средневековью* [Бойцов, Шукуров, с. 407; Человек..., с. 238], в других XVI–XVII вв. названы *поздним средневековьем* или *ранним новым временем*, но включенным в учебник по истории средних веков [История..., 1998, с. 3].

² Подробно – в соответствующих разделах.

³ В недавно изданном третьем томе академической «Истории Востока» XVI–XVIII вв. названы рубежом средневековья и Нового времени [История Востока, т. 3].

зинга, 1992, с. 78–88]¹. Здесь уместно, вслед за О.Г. Большаковым, вспомнить ехидные замечания М. Блока по поводу любви эрудитов «тонко датировать» и согласиться с тем, что «преобразования социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки» [Блок, 1973, с. 98–99; Большаков, с. 6].

В соответствии с этими потребностями средневековую историю принято делить на три основных периода: раннее, развитое и позднее средневековье. Под ранним средневековьем понимается эпоха возникновения обществ с определенной спецификой (о которой пойдет речь ниже), становление основных параметров этих обществ (т. е. их генезис); развитое средневековье – время максимального развития этих параметров; позднее – кризис, изживание основных признаков средневековых обществ и складывание новых, буржуазных. Для европейских цивилизаций под *ранним средневековьем* обычно подразумевается вторая половина I тыс. (для восточных регионов – это и первые 100–200 лет II тыс.). *Развитое средневековье* хронологически менее определено даже для Европы. В большинстве исследований в Западной Европе оно охватывает X/XI–XIII вв. Для остальных европейских регионов хронологические рамки развитого средневековья определить сложнее из-за неравномерности развития отдельных земель и дискусионности многочисленных критериев тогдашних цивилизаций². Подробнее эта проблема будет рассмотрена далее. Здесь же отметим, что в странах Центральной и Северной Европы развитое средневековье скорее всего приходится на XI/XII–XV вв. В Восточной Европе к этой эпохе можно отнести и более поздние времена, – пожалуй, до XVIII в. К *позднему средневековью* в Западной Европе относят обычно XIV–XV вв. В Центральной и Северной Европе к ним можно отнести XVI–XVII вв., в Восточной – XVIII и отчасти XIX вв. В хронологии восточного средневековья, как отмечалось, еще больше различий. Но, в силу традиции, западноевропейское деление изучаемой эпохи часто применяют и для других регионов [История Востока, т. 2, 1999, с. 5, 638–639].

Истоки европоцентризма восходят, пожалуй, еще к средневековому католическому прозелитизму, дополненному западноевропейской экспансией, начавшейся с эпохи Великих географических открытий, технологическим динамизмом и развитием демократических порядков в Новое время³. Все это по-

¹ Известна и идеологичность периодизаций [Саганович, 1997, с. 3]. Например, Яковец призывает отказаться от широко распространенного подхода к логике исторического процесса, где первоначальное начало перехода к следующей исторической эпохе считается формированием очередной ступени в развитии производительных сил, отражающих уровень знаний и навыков человека, его целенаправленную волю и продукты человеческой деятельности. Он предлагает при периодизации истории исходить из первенства духовного, общественного начала в движении человечества от эпохи к эпохе, из примата осознанных потребностей, которые побуждают людей овладевать новыми знаниями и навыками [Яковец, с. 31–33].

² Например, одни авторы Византию до XIII в. относят к раннему средневековью [История..., 1997, с. 3], другие считают ее с XIII в. уже позднесредневековой [Оболенский, с. 253].

³ Замечание М. Ферро, что европоцентризм, как одна из форм этноцентризма, проявляющаяся в «глобализации» той или иной культурно-исторической общности, перенесении ее ценностных критериев на весь остальной мир, присущ не только Европе [Ферро,

зволюет многим, и не только на Западе, рассматривать тамошнюю цивилизацию как эталонную для остального человечества. Здесь уместно вспомнить недавнюю идею Ф. Фукуямы о конце истории, который он увидел в победе либерализма – одного из основ западной цивилизации. Сам автор, правда, отметил, что идея эта не нова. Наиболее известным ее пропагандистом был Маркс, опиравшийся на Гегеля [Фукуяма, с. 135]. Из того же исходил и С. Хантингтон в своей не менее популярной статье 1993 г. Но он, в отличие от Фукуямы, признавал нереальность парадигмы единого мира, где существует или в ближайшие годы возникнет универсальная цивилизация [Хантингтон, с. 51]¹.

Но как бы то ни было, европейское представление о членении истории, о средневековой эпохе укоренилось, так же как и соотнесение ее с феодализмом, понимание которого, впрочем, тоже далеко не однозначно².

СУЩНОСТЬ ФЕОДАЛИЗМА. Для начала представим общее и предварительное толкование этого понятия, которое будет уточнено и дополнено по мере дальнейшего изложения.

Феодализм возник при формировании крупного землевладения в условиях разложения первобытного общества или вследствие преобразований, которые происходили во впадшем в кризис рабовладении. Последний вариант был характерен для Позднего Рима, когда в условиях кризиса рабовладельческой экономики труд рабов в поместьях стал заменяться трудом колоннов. В отличие от рабов колонны имели определенные гарантии на земельные наделы и некоторую хозяйственную самостоятельность, что способствовало их заинтересованности в результатах своего труда.

Но в большей части средневековых обществ феодализм вырос из первобытности. В процессе развития крестьянских общин в них формировались зажиточные верхи, заинтересованные в сохранении своего положения. Одновременно происходила консолидация социальных верхушек общин, племен и их союзов. Из них выделялись правители со своим военным окружением. С ростом населения и консолидацией племен происходило своеобразное разделение труда на производственный и военно-административный. Производственная функция сделалась главным и решающим признаком простого люда, крестьян [Гуревич, 1990]. Военно-управленческая функция сосредоточилась в руках формирующейся знати, основой благосостояния которой была земля. Господствующее положение позволяло ей не только накапливать у себя свободный земельный фонд, но и на правах правителей или от их имени прибирать к рукам контроль за всей землей данного сообщества, превращавшегося тем самым в раннее государство. Сбор дани, налогов, административная

1993, с. 16], можно отнести лишь к современности (например, российский и советский мессионизм, исламский фундаментализм). В прошлом же именно западные европейцы первыми стали воспринимать свои ценности как глобальные, общечеловеческие. А корни этого – не только в западноевропейском динамизме, но и в христианстве.

¹ Политическая ситуация в мире с середины текущего десятилетия показала иллюзорность идеи Фукуямы, с чем он в последних статьях и интервью согласился.

² Справедливо замечание, что в современной науке конкретного и точного определения феодализма нет [Попов, с. 31–32].

и судебная деятельность постепенно укрепляли земельные права господствовавшего слоя, и он подчинял своему контролю земли, на которых вело хозяйство рядовое сельское население. Так образуются разнообразные системы земельных владений, речь о которых пойдет впереди.

Итак, и при крушении рабовладения, и при распаде первобытного общества формируется, с одной стороны, слой земельных собственников разного ранга, с другой – намного более многочисленный слой крестьян, постепенно терявших свои права на землю и попадавших в зависимость от землевладельцев. Из этих слоев вырастали два основных сословия феодального общества – землевладельцы и крестьяне, которые разделялись не только правами на землю, но и общественными обязанностями. Крестьяне трудились на земле, а управленческие и военные функции сосредотачивались у землевладельцев. Правители, обладая правами на подконтрольные земли, раздавали их своим приближенным и нередко – слугам (на условиях несения ими службы, прежде всего, военной). Крестьяне, проживавшие на этих землях, должны были обеспечивать новых владельцев. Земли, розданные на указанных условиях, в Западной Европе получили название **феоды**, а их владельцы стали называть феодалами¹. Отсюда и название строя, основанного на таком землевладении – *феодализм*. Власть при этой системе была приватизирована крупными земельными собственниками и обеспечивалась личной зависимостью получающих у них землю служилых людей. Часто эти личные связи закреплялись в договорах.

Иными словами, главное в феодализме – монопольные права на основной источник существования – землю². Именно эти права давали землевладельцам политическую власть, ибо иных способов жизнеобеспечения при тогдашней системе хозяйствования, уровне развития средств производства не было. Ремесла и торговля, даже на экономически более развитом Востоке (в раннем средневековье), играли вспомогательную роль [История Востока, с. 6–7]. Когда же деятельность, не связанная с землей, стала развиваться и занимать все более значимое место в экономической и общественной жизни, феодализм как система начал приходить в упадок.

Иное утверждал А.Я. Гуревич: *«Нет ничего проще, чем всюду и везде находить «феодализм», если руководствоваться упрощенным пониманием феодализма как строя крупного землевладения, эксплуатирующего земледельцев»*. И далее: *«Оснащенный такими критериями историк найдет феодализм и в древневосточных деспотиях... и в Римской империи (колонат), и в Китае, и в Индии, и в Иране, и в Византии, и в Русском государстве (кре-*

¹ Термин **феод** (*фьеф* – по франц., *лен* – по нем.), означавший – *поместье, владение*, появляется во французских документах в IX в. [Грановский]. *«Около 1000 г. под феодем все чаще понимаются именно земельные пожалования»*. В таком качестве феодеды распространились с XI в. в церковном землевладении, а с XII–XIII вв. – как условные пожалования – и среди дворян [Дубровский, с. 55–61].

² Л.В. Данилова писала, что глубинной основой феодализма является крупное землевладение с зависимыми крестьянами. При этом неважно, зависят ли они от частных землевладельцев, как в Западной Европе, или же от государства, как в России или на Востоке [Данилова, 1993, с. 40]. То есть главное – то, что крестьяне ограничены в правах на землю господствующим сословием.

постничество») [Гуревич, 1998, с. 16]. При таком подходе действительно получается, что феодализм был преимущественно в странах Западной Европы [Гуревич, 1998, с. 21; Гуревич, 1999б, с. 20–21]¹.

Полагаем, что это сужает наши представления о феодальных общественных порядках. Действительно, первоначально под феодализмом понимались публично-правовые вассально-ленные связи, сложившиеся на западе латинского мира [Пти-Дютайи, с. 8]. Лишь изучение внеевропейских обществ расширило представления о феодализме, и уже Блок высказался о подобии средневековых порядков Японии западноевропейским [Leciejewicz, s. 13]. Их элементы действительно присутствовали в различных цивилизациях и в разные эпохи [Алаев, 2000, с. 6–7]. И сам Арон Яковлевич Гуревич признал, что многие общества были многоукладными, гетерогенными, а *«соображения о том, что разорение и закабаление крестьян было магистральным путем развития раннефеодального развития»*, называет взятыми с потолка [Гуревич, 1998, с. 21; Гуревич, 1999, с.12; Гуревич, 1999б, с. 194–199].

Вообще же спор о «емкости» понятий отдаст схоластикой, против чего предостерегает и Гуревич. Человеческую историю, повторимся, едва ли возможно уложить в строго определенные параметры. Особенно это касается представлений о структурах. Логичнее, думается, пользоваться общепринятыми понятиями, но обязательно с комментариями, разъясняющими представления автора.

Тем не менее, дискуссии о сущности феодализма продолжают, особенно в российской историографии, в которой все еще происходит переоценка понятийного аппарата советской поры, что, собственно, вполне естественно, так как именно тогда сформировалось большинство нынешних историков, а на их взглядах училось и более молодое поколение. Поэтому, полагаю, вполне уместно рассмотреть отмеченный концепт подробнее.

Наиболее оригинальное, на наш взгляд, неортодоксальное понимание феномена феодализма в последнее время высказал Л.С. Васильев [Васильев, 2007, с. 26–47; Васильев, 2007а]. Исходя из традиции немарксистской историографии, исследователь называет феодальной систему, основанную на делении государства на *«королевский домен и феодалы владетельной знати – знак свидетельства слабости центральной власти»*. Как видно, известный востоковед и, прежде всего, китаист представил феодализм как систему удельного управления территориями при отсутствии сильной центральной власти. И самую раннюю форму такой системы он отметил в раннежозуском Китае. Позже такую же систему он увидел и в раннесредневековой Западной Европе, где она, как и в раннем Китае, возникла при неразвитых бюрократических структурах. Поскольку же изначально такая система была изучена именно в Европе (о Востоке тогда европейцы не знали), она, подчеркнул Васильев, была принята именно как присущая европейскому Западу после падения античного общества. И стала считаться классической, как западная модель феодализма. Л.С. Васильев же подчеркнул, что *«феодализм следует считать результатом отсутствия централизованной политической системы с хорошо налажен-*

¹ О подобных взглядах см. также [Кенигсбергер, с. 10–11].

ным чиновно-бюрократическим аппаратом». И далее: «проблема, связанная с наличием либо отсутствием феодализма как феномена никоим образом не связана ни с античностью, ни вообще с европейским (западным) вариантом исторического процесса. Феодализм – это вневременное и даже внесистемное, то есть необязательное явление в истории мировой цивилизации... В истории человечества феодализм встречался не слишком часто и, главное, всегда выступал лишь в виде вынужденной альтернативы в тех государствах, где еще не возникла хоть сколько-нибудь развитая и упорядоченная централизованная чиновничье-бюрократическая администрация... Феодализм в этой трактовке воспринимается и функционирует только тогда, когда централизованная власть и устойчивый аппарат администрации длительное время почему-либо отсутствуют, либо находится в зачаточном состоянии. Феодализм в этих случаях является альтернативой классической восточной структуры, основанной на власти-собственности и централизованной редистрибуции... Правители, не имея возможности создать эффективную администрацию и, соответственно, централизованную редистрибуцию, вынуждены были добровольно раздавать своим приближенным уделы. Это и вело к тому, что привычно именуется феодализмом... Отношения феодального типа, как в их наиболее полном и совершенном виде, так и, особенно, в урезанной форме, были свойственны лишь слаборазвитым либо почему-либо отстававшим в развитии обществам со структурой восточного типа или в чем-то сходной с последней, как то случалось в некоторых сравнительно поздних европейских государствах [Васильев, 2007б, с. 149–153].

Таким образом, Леонид Сергеевич разработал собственную концепцию формирования обществ, основанных на сочетании власти-собственности, которая опирается на единственный в доиндустриальное время ресурс – землю. Как очередная теоретическая конструкция, она вполне имеет право на жизнь. Но, учитывая традиции применения термина «феодализм», стоит ли умножать сущности, придумывая другую трактовку уже стабильного понятия, сформулированного именно на средневековых западноевропейских материалах? При таком подходе известному востоковеду, естественно, пришлось объяснить место в своей схеме именно западноевропейского феодализма, то есть ворваться в вотчину европейских медиевистов. Такой взгляд извне бывает полезен. Но и не лишен недостатков по той же причине.

Оценивая ранние варварские государства Европы (германские королевства. – Я.Р.), Васильев отметил, что они «генетически родственны Востоку», ибо «все пришедшие в Европу с Востока народы были полукочевыми этническими общностями, едва достигшими уровня племенных протогосударств. Они существовали в условиях политической децентрализации, причем в очень ранней модификации классической восточной структуры» [Васильев, 2007, с. 153]. Здесь, однако, неясно, как ранние германские королевства были связаны с восточными кочевниками. Гунны, конечно, ускорили процессы перемещения и создания протогосударственных образований у германцев на новых местах. Но какие «восточные структуры» они могли воспринять и усвоить от

гуннов? Децентрализация у германцев, как и в аналогичных по стадии государствах на Востоке, не заимствование, а результат именно стадийного схождения времен сложения государственности. Логическая цепочка, проведенная Васильевым, здесь не просматривается. Отсюда и его анализ генезиса европейского феодализма местами кажется экзотическим.

Размещенное на полутора страницах предельно краткое описание Васильевым «специфики европейского феодализма» [Васильев, 2007, с. 153–154] страдает эклектичным составлением вместе и института оммажа, и влияния античных традиций (*«включая традиции личной свободы граждан и рыночно-частнособственнических связей, не зависящих от давления властей»*), которые *«с особой силой влияли на городское население»*. И здесь же как пример возрождения античности – *«увеличение роли рыцарской куртуазности, тесно связанной с культом Прекрасной Дамы, которой рыцари посвящали свои подвиги»*. Непонятно, где в этом культе возрождение античности и, вообще, причем здесь куртуазность, которую обычно связывают с влиянием опыта крестовых походов европейцев на Ближний Восток. Критически разбирая концепцию всемирной истории Васильева, отметив в ней нестыковки и некоторые внутренние противоречия, другой известный востоковед Л.Б. Алаев назвал курьезным пассаж об оммаже и куртуазности [Алаев, 2009, с. 216].

Затем Васильев возвращается к возникновению европейского феодализма, но уже в связи с упадком римского централизованного государства, что должно подтверждать его концепцию установления нового строя в условиях децентрализации. И, далее: *«типичная»* для раннесредневековых европейских королевств раздробленность *«сближает западноевропейский феодализм с восточным, в частности жюуским»*. Повторимся. Не сближает, а в подобных условиях порождает подобные структуры!

Но, продолжает Васильев, влияние античных традиций отличает западноевропейский феодализм от всех остальных. А *«убыстрению темпов эволюции на постренессансном Западе»* содействовало *«возрождение античных рыночно-частнособственнических и демократическо-правовых гражданских традиций»*. Это, подчеркивает автор, *«ключевая проблема всей темы о феномене феодализма»*. Именно в этом и есть *«сущность того нового взгляда на феодализм, который предлагается читателю»*.

И далее Леонид Сергеевич переходит к тому, с чем, собственно, и связан весь пафос его концепции. И начинает с так называемого *«восточного феодализма»* – термина, который он считает порождением догматической марксистской теории формаций. Он подчеркивает, что *«все те сравнительно редкие случаи существования феодализма, о которых история может дать хоть сколько-нибудь весомые свидетельства, связаны с Востоком и являются порождением восточных структур. Античность феодализма не породила»*. С последней фразой, думаю, никто и не спорит. А утверждение, что *«феодализм всегда был и в принципе мог быть лишь порождением классической восточной структуры»*, относится, разумеется, к собственному концепту Васильева: *«феодализм появлялся и исчезал в зависимости от наличия либо отсутствия централизованной администрации и поэтому, естественно,*

хронологически не совпадал и просто не мог совпадать с эпохой европейского средневековья». Следовательно, об особом «восточном феодализме» нет и речи. При его понимании феодализма здесь и спорить не о чем. Но автор и далее «накручивает аргументы», спорит с марксистской концепцией феодального общества [Васильев, 2007, с. 155–156]. Однако то, что было актуально в 90-е гг. прошлого века, теперь уже – бой с фантомом.

Не бесспорны и размышления Васильева о феодальной экономике [Васильев, 2007, с. 157–160]. Сложно согласиться с утверждением о «распространенных по всей Европе черт позднеимперского колоната». И, далее: «В западноевропейских городах, где жило преимущественно римское население, все было иначе (по сравнению с Востоком. – Я.Р.). Там сохранялись нормы, свойственные античности». А новые, собственно, средневековые города – как они связаны с античностью? Или это отголосок былой теории античного континуитета в старой европейской урбанистике?

Важно отметить, что, подчеркивая римское наследие как основу формирования капитализма в Европе, автор совершенно игнорирует германский фактор, роль аллодаи дружинных порядков в формировании особых черт западноевропейского средневековья. Отсюда и вопрос о причинах «принципиальной разницы» между Востоком и Западом, причинах того, что «только тот путь, который прошли западноевропейские средневековые государства, оказался удачным», остается, по сути, без ответа.

Васильев пишет, что в Европе «деревня существовала в рамках традиционного восточного стандарта, пусть ослабленного из-за полупервобытного примитивизма. Но со временем провинция оказалась под влиянием успехов античного стандарта, культивируемого в городах либо в городских республиках, прежде всего североитальянских». Вот тут Васильев либо что-то пропустил в своем изложении, либо напутал. Средневековая деревня никак не унаследовала античный стандарт, тем более с североитальянских городов-государств. Отсюда вывод, что «Возрождение (Ренессанс) стало не только феноменом, уникальным по многим своим параметрам, но и знаком, символом, сигналом того, что восточный стандарт в средневековой Западной Европе в значительной мере преодолен», не проясняет сути. А следующий пассаж вообще запутывает: «Из сказанного следует вывод, что феодализм как социально-политический феномен был присущ нескольким различным обществам Востока и Запада, причем он встречался и в древности, и в средние века. Но только один раз – в средневековой Западной Европе – в силу различных обстоятельств, включая и экономические институты, он обрел классическую форму, отличающуюся наличием всех основных признаков». Так стоило ли «огород городить», если в результате феодализм, по Васильеву, как классический остался все на том же Западе.

А дальше Леонид Сергеевич снова спорит с марксизмом: «Безоговорочное использование столь привычного, удобного и вроде бы всем понятного термина «феодализм» применительно к обозначению всех средневековых обществ ведет к непониманию, к извращению сути исторического процесса... вслед за некоей условностью в терминологии – и в зависимости от

нее – идет оценка сущности явления. *Феодальная формация* (подчеркнуто мной. – Я.Р.) в системе подобного мировосприятия буквально силой навязывается Востоку». То есть, получается, что именно для этого опровержения Васильев и выработал свое понимание содержания феодализма, который «не имеет никакого отношения и к фундаментальной структуре того либо иного общества. Феодальная система как таковая является лишь вынужденной формой политического строя, социальных и экономических отношений, характерных для слабого государства (на Западе или на Востоке) в уникальных обстоятельствах».

Ну что ж. О терминах не спорят, о них договариваются. Но, чтобы «не умножать сущности», может, стоило бы оставить в покое феодализм и подобрать для данной концепции другое название, как это, кстати, сделал Васильев с понятием «*власть – собственность*». А Герро резонно заметил: «*Медиевисты упраздняют одни понятия или вводят другие, руководствуясь не логикой рационального исследования, а приверженностью или антипатией к той или иной черте своего общества*» [Герро, с. 98].

Надо отметить, что в рамках современной историографической традиции концепция Васильева выглядит экзотической и пока не обрела последователей, по крайней мере, в публикациях. В анализе природы и сущности феодализма преобладают европоцентристские подходы. Может и потому, что именно в Европе сформировалась общепринятая в мире периодизация истории, в которой и средневековье, и феодализм были выделены на западноевропейском материале, и даже такими критиками традиционных подходов, как Васильев, подсознательно воспринимаются как эталонные (классические).

Феодализм продолжают выводить из симбиоза германских и римских порядков, причем не только в советской, но и в западной историографии, где, однако, именно марксисты формулируют его в привычной нам терминологии. За пределами германо-романского синтеза феодализм, в таком понимании, не возникал [Андерсон, с. 110, 143, 152, 206; Герро, с. 92–99]. Как европейский «продукт», феодализм специфичен, в том числе и феноменом свободных городов, который не загоняли Европу в тупик, в отличие от феодализма восточного [Баткин, 1999, с. 226–228].

Свое понимание феодализма развивал и Гуревич, заметив, что «*вокруг этих терминов (средневековье и феодализм) скопилось множество произвольных суждений и толкований, они настолько плотно вошли в исторический и обиходный лексикон, что избавиться от них невозможно, а потребность уточнить их содержание возникает лишь в виде исключения*» [Гуревич, 2002, с. 262]. Мысль справедлива, кроме, разве что, ее завершения. В свете изложенного выше уточнять содержание нужно не в виде исключения. Далее автор отметил, что «*большая часть историков, обсуждавших вопрос о существовании феодализма, сосредоточивалась на рассмотрении отношений в высших слоях общества; вассалитет и ленные связи занимали центральное место в их исследованиях. Однако такие ученые, как М. Блок, были склонны распространять понятие «феодальное общество» отчасти и на подвластное господам крестьянство*». Позднее – у Ж. Дюби «*акценты в его (Блока. –*

Я.Р.) трактовке феодализма явственно перемещаются с уровня социального на уровень идеологии и ментальности... Ему же принадлежит мысль о том, что ключ к разгадке феодализма следовало бы искать в сферах социально-психологических установок средневекового менталитета» [Гуревич, 2002, с. 264–265].

Дальнейшие исследования, особенно конца прошлого века, которые проанализировал Гуревич, позволили ему заметить, что «социально-политическая действительность средневековья, заметно утратив смысловую монолитность, все яснее обнаруживает существенное многообразие и несводимость к простым и универсальным формулам. Если попытаться охватить умственным взором социальные отношения в разных регионах Европы и на разных этапах средневековья, то не предстанет ли Запад куда менее феодальным, чем это казалось предшествующим поколениям историков? Очень важно не упускать из виду, что сделавшееся вскоре ключевым понятие «феодализм» возникает в трудах западных мыслителей не ранее середины XVIII столетия и еще позднее проникает в собственно историографию, превратившись в этикетку, произвольно и универсально прилагаемую к огромному предшествовавшему периоду». Теперь «немалые основания для предположения о принципиальной многоукладности средневекового общества, всецело феодальная природа которого кажется скорее результатом неоправданной односторонней стилизации, нежели отражением действительного положения дел». Поэтому «удивительно, что понятие «феодализм», выкованное мыслителями XVIII в., без особых возражений и радикальных модификаций было унаследовано современной социологией и исторической наукой» [Гуревич, 2002, с. 270–272].

При этом А.Я. представляет феодализм исключительно европейским феноменом. Но как идеологеме он предсказывает ему ту же долю, «какую историю уготовила учению о формациях... Привычно изображать феодальное общество в виде стройной пирамиды: основание ее образуют простонародье, мелкие подданные и вассалы более крупных сеньоров, которые, в свою очередь, служат могущественным господам-баронам, непосредственно подчиненным главе иерархии – монарху... На самом деле эта стройная конструкция была далека от конкретной реальности, несравненно более сложной и даже запутанной» [Гуревич, 2002, с. 275–279]. Проанализировав современные подходы европейских медиевистов, автор заключает: «Я полагаю допустимым говорить о «средневековом феодализме» преимущественно применительно к одной только Западной Европе». И, вслед за Дюби: «Что такое феодализм? Это – средневековый менталитет» [Гуревич, 2002, с. 290]. Естественно, западноевропейский.

Здесь добавляется еще один элемент дискуссии. Нередко в литературе смешиваются понятия «феодализм» и «средневековье». Как заметила А.А. Сванидзе, Гуревич отказывается буквально их совмещать, отводя феодализму только сферу сеньории и вассально-ленных отношений. Средневековые же явления представлены многими вкладками, которые не вписываются в рамки феодализма [Сванидзе, 2006, с. 254]¹.

¹ О том же: «Хотя феодализм – основная социальная система средневековья, между ними (т.е. системой и эпохой) нет полного совпадения, во всяком случае во

Учитывая приведенные выше точки зрения, указанные концепции не только западного, но и восточного феодализма, данный вывод Гуревича можно встроить в общий ряд взглядов, учитывая, естественно, все аргументы авторитетного автора. Но пафос рассуждений Арона Яковлевича и в другом: *«Я не настолько наивен, чтобы питать малейшую иллюзию относительно того, что в обозримом будущем историки, социологи или философы откажутся от привычки употреблять понятия «феодализм» и «средние века». Такое их употребление, вернее сказать – злоупотребление ими, пустило слишком глубокие корни... в интересах науки было бы вовсе не вредно, если бы исследователи, склонные использовать общие традиционные концепции и терминологию, поступали более ответственно и вдумчиво, не поддаваясь магическому влечению превращать универсалии в реалии и вновь присягать на верность тем «-измам», которые достались им по наследству от предшествовавших столетий»* [Гуревич, 2002, с. 292]. Позже, еще раз обратившись к феодализму, Гуревич отметил, что *«проблема феодального средневековья – понятия и предмета исторического исследования – весьма мало тревожит наших медиевистов, вследствие чего многие продолжают придерживаться довольно-таки заскорузлых взглядов и суждений»* [Гуревич, 2006, с. 13].

В таком контексте очень драматично воспринимаются слова: *«историки не могут разобраться, что такое феодализм – имя собственное или нарицательное? Существует один «феодализм» или же их множество?»*. И если так, *«при столь противоречивых и несогласуемых мнениях трудно продолжать конструктивную дискуссию и гораздо легче перестать употреблять слово, чтобы не запутаться окончательно»* [Селунская, 2006, с. 115–116]. Такой скепсис был рожден книгой английского медиевиста Сьюзан Рэйнолдс *«Фьеф и вассалы»*, вышедшей в конце прошлого века. Исследовательница при анализе особенностей вассалитета в средневековой Западной Европе подвергла сомнению ряд привычных понятий [Reynolds]. Это вызвало бурные отклики не только частного, но и общего характера – о понимании феодализма. Проанализировав основные положения указанной и более ранних работ Рейнолдс, Н.А. Селунская совершенно справедливо заключила, что *«отрицание общих понятий как заведомо несостоятельных не решает всех проблем... Хотя в данный момент не может быть и речи о сохранении широкого понятия «феодализм», правомерно отметить отдельные попытки частичного восстановления разрушенных позиций. Видимо, после периода отхода от использования концепта историкам предстоит обсудить возможность возрождения палитры понятия «феодализм»*» [Селунская, с. 128].

Основываясь на выводах английской исследовательницы, специалист по русскому средневековью А.А. Горский вообще заключил, что *«классическая*

времени: в середине I тысячелетия средневековье как эпоха уже «идет», феодализм же только зарождается. Добавим, что через тысячу лет будет наоборот: средневековье вроде бы потеснено Возрождением, ранним Новым временем, а феодальная система или ее серьезные реликты просуществуют еще не одно столетие» [Сванидзе, 2003, с. 387].

модель” феодализма – сеньориальный строй с развитой вассально-ленной системой – является собой практически фикцию». И, выступив против общепризнанного представления о различиях средневековых общественных порядков в Западной Европе и Руси, констатировал, касаясь истории Руси, что «необходимо рассмотреть зафиксированные в источниках реалии, исходя из понятий изучаемой эпохи, и только после этого пытаться подобрать научные дефиниции, определения для описания социального устройства в целом» [Горский, 2010, с. 65–66].

В этом он, конечно, прав. Хотя отвергать на основе только одного, хотя и новаторского исследования, многовековые представления о западном феодализме, тоже не на песке построенные, думается, преждевременно. Скорее, Рейнолдс не столько изменила, сколько усложнила и обогатила понимание соответствующей системы. Горскому же ее вывод позволил «говорить о принципиальном типологическом единстве общественного развития (всех. – Я.Р.) стран Европы в эпоху Средневековья... Развитие общественного строя Руси в эпоху средневековья шло по тому же пути, что и в других европейских странах». Хотя исследователь и признает, что «частная крупная земельная собственность вплоть до XIV столетия была на Руси распространена относительно мало» [Горский, 2010, с. 79–81]. То есть направление развития был близким, но другим по времени и форме. Подобных же взглядов придерживается и П.С. Стефанович, подчеркивающий, что на Руси средневековые общественные порядки формировались не через земельные пожалования, как на Западе, а через личные связи, не через вассалитет, а через подданство. И, вслед за Гуревичем, он отмечает, что если говорить «о феодализме, основанном на «неземельных фьефах»», то «само понятие феодализма выхолащивается, и феодальным при желании уже можно объявить едва ли не любое общество в истории человечества» [Стефанович, с. 153].

Представляется, что современные исследователи, обращаясь к все более остроумным и тонким методам анализа, концентрируясь на деталях, излишне умножают сущности в отдельных сферах, что вызывает в памяти мудрую мысль Кузьмы Прудкова: «узкий специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя». Марк Блок, например, воспринимал «феодальное общество» как весь комплекс социальных отношений. Теперь же, в том числе и по Гуревичу, в феодализме видят, прежде всего, определенную систему юридических институтов, источник которых – знать. И, соответственно, феодальное общество – это связи, прежде всего личные, в окружении той самой знати [Решин, с. 12–16]. Или, еще категоричнее: «Феодализм – западноевропейский феномен V–XV вв.» [Цатурова, Алтухова, с. 268].

Но доводя до логического завершения такой подход, получим, что в то же самое время крестьяне жили в другой системе. При этом в частных исследованиях о рассматриваемой эпохе многие европейские авторы нередко, чтобы избежать недоразумений, термины «феодализм» и «феодальное общество» вообще не употребляют [Щеглов, с. 129].

Однако, если отказаться от западноевропейской монополии на феодализм как локальный, только ей присущий феномен, его все же можно найти на Востоке, пусть и под другими названиями. Например, этнолог Ю.П. Семенов при описании ранних общественных структур Востока выделил феномен, названный им «политархия». Это строй, для которого характерно *«совпадение... господствующего класса с государственным аппаратом, [совпадение. – Я.Р.] системы распределения прибавочного продукта... с политической иерархией... с должностями в системе управления»* [Семенов, с. 58]. Здесь мы видим те черты, которые характерны для всех сообществ, основанных на владении основным источником существования доиндустриального времени – землей. Но ведь это и есть общее основание феодальных порядков. Об этом же писал и Горский: *«В IX–X веках на Руси формируется общество, в котором в роли элиты выступал военно-служилый слой во главе с князьями... Отношения господства-подчинения между военной верхушкой и рядовым земледельческим населением были доминантными в русском средневековом обществе...»* [Горский, 2010, с. 79–80].

Такое представление соответствует подходу А.Тойнби, который заметил, что феодализм существовал приблизительно в одно и то же время и в Византии, и в мусульманском мире, и в Японии. Но возник там не по тем же причинам, что в Западной Европе. Все эти системы он называет феодальными и подчеркивает, что они должны рассматриваться как совершенно разные институты [Тойнби, с. 30]. Можно с позиций исследователей локальных процессов упрекать английского ученого в упрощении и даже в дилетантизме [Риер, 2003, с. 8–9]. Но его беспокоит глобальное видение исторического развития. И в данном контексте конкретизировать широко распространенные сроки вплоть до деталей, думается, контрпродуктивно.

На этом пути мы действительно теряем не только понимание феодализма, но и взаимопонимание, единый язык. Верно заметил П.Ю. Уваров: *«В конце 80-х годов подросло новое поколение медиевистов, которые начинают свергать с пьедестала своих учителей»* и старые теории (здесь имеется в виду концепция «феодальной революции» Дюби) уступают место *«сумме более частных и не очень связанных друг с другом объяснений»* [<http://polit.ru/lectures/2010/03/23...>]. Так недалеко и до Вавилонской башни в данном конкретном сегменте исторических представлений. Поэтому представляется вполне обоснованным подход Н.А. Хачатурян, которая отметила в недавней дискуссии, что западный феодализм – это крупная земельная собственность. А началась она с аллода, от него через бенефиций перешла к крупной собственности и зависимым держаниям. Преимущество на Западе вассалитет был рожден частными земельными правами. Восточный же вариант феодализма отличался верховной государственной собственностью на землю. Но только в средние века мелкий и зависимый производитель был системообразующим элементом общественных отношений. И это по-прежнему можно называть феодализмом [Хачатурян, 2007, с. 24, 35].

Проанализировав ситуацию, Уваров заключил, что сейчас настало время выбора: *«Либо признать, что время абстракций, общих понятий и «больших нарративов», действительно, безвозвратно прошло и настала эпоха*

узких специалистов и микросюжетов. Либо отбросить все обветшавшие и перегруженные противоречивыми коннотациями понятия и придумать новые. Либо задуматься над тем, можно ли приспособить старые понятия к нуждам современного уровня исследований. А если можно, то как? Каждый из трех путей имеет свои преимущества и недостатки. Но сегодня мы сконцентрируемся на третьем пути» [Уваров, 2006, с. 9].

Власть над землей и эксплуатацию, которая возникает из этого как признак феодализма, рассматривает А.И. Першиц [Першиц, с. 27]. Существование восточного феодализма продолжает отстаивать Алаев, подчеркивая, что *«из восточного феодализма вылупился феодализм обыкновенный»* [Алаев, 2007, с. 288]. При этом именно на Востоке и был настоящий феодализм. *«Западная Европа сумела сравнительно быстро преодолеть вязкую систему феодализма потому, что сохранила (или выработала) ряд общественных институтов, несистемных по отношению к господствующим отношениям в целом»* [Алаев, 2007, с. 213].

Такие представления совмещают феодализм с азиатским способом производства, чему возражает, например, Я.Б. Рашковский. Он замечает, что существованию феодализма на Востоке противоречит отсутствие там такого важного института феодализма, как *«вассалитет»*, с помощью которого *«закладывалась одна из основ формирования гражданского общества в Западной Европе. А на средневековом Востоке мы видим другое социально-институциональное устройство общества»*. Почему, спрашивает Рашковский, *«центральной темой всех дискуссий о типе общественного строя на средневековом Востоке является вопрос об институте собственности, характере поземельных отношений. Анализ социальных отношений не менее важен»* [Пешков и др., с. 176–178]. Совсем другого подхода к феодализму придерживается исследователь русского средневековья А.М. Поляков: *«Для феодальной системы, если рассматривать ее как тип цивилизации, отношения с непосредственным производителем не имеют значения. Не крупная земельная собственность как таковая и не труд крестьян, присваиваемый землевладельцем, превращал его в феодала... Основной ячейкой феодального уклада является феод»* [Поляков, 2007, с. 61]. Как видно, и в данном контексте требуется постоянное авторское толкование понятия.

На этом пока закончим анализировать проблемы понимания феномена феодализма. Из приведенных соображений видна не только многогранность явления, но и неоднозначность его понимания, вытекающая от сложности процессов, которые оно охватывает. Учитывая укоренение данного термина, хотелось бы присоединиться к тем, кто выступает за наиболее расширительное его толкование.

Моим представлениям, например, ближе понимание *феодализма* как общественного устройства, основанного на соединении в одном лице власти и собственности (по Л.С. Васильеву). А соотношение этих элементов определяет локальные варианты – цивилизационные модели. Причем не только средневековые. Поэтому и в наше время, в том числе и на постсоветском пространстве, например, в олигархиях, можно видеть феодальные черты.

Но именно поэтому, повторимся, каждому исследователю обращение к рассматриваемому концепту (феномену, явлению, термину и т. д.) необходимо начинать с четкой формулировки его понимания автором. Это, надеемся, снизит накал чисто схоластической полемики. Полностью солидарены с Горским: *«Споры о «феодализме» до сих пор характеризовались тем, что отправной точкой в них служили не реалии общественного устройства, а научные термины, дефиниции. Было некогда выработано представление о феодализме, и все XX столетие ушло на выяснение – отклонения от него надо считать феодализмом или нет? Куда плодотворнее противоположный путь – попытаться обобщить реалии, выявленные путем конкретных исследований, а затем договориться о дефинициях... Поэтому нет оснований полагать, что на Западе Европы был «феодализм», а на Востоке нет. Либо следует применять условный термин «феодализм» ко всем европейским средневековым обществам, включая русское, либо искать другой термин, но опять таки общий для всех европейских стран»* [Горский, 2010, с. 79–81]. Последнее, полагаем, излишне, так как запутает всех.

Другим аргументом расширительного толкования феодализма представляется констатация общности мирового исторического процесса, естественно, при всех локальных его вариантах.

В процессе консолидации знати и закрепления за ней военно-административных функций формировалось и **государство** как специфическая организация усложнявшегося общественного устройства. В наиболее обобщенном представлении государство – это системообразующая структура, имеющая особые полномочия, или *«набор учреждений, созданный для того, чтобы обеспечивать функционирование общества...»* [Пиотровский, с. 57].

Существует множество определений государства, что, как заметил голландский антрополог Хенри Дж.М. Классен, связано с идеологическими воззрениями. Сам он, стараясь быть нейтральным, назвал государство особым видом социальной организации, выражающим специфический тип общественного строя. Оно является отражением социальных, экономических и политических отношений, существующих в данном обществе, и идей, касающихся силы, власти, принуждения, правосудия и собственности [Классен, 2006, с. 72].

В советской литературе был распространен взгляд на государство как на орудие эксплуатации и угнетения, что связано, прежде всего, с односторонней ленинской трактовкой этого института. Публичность, всеобщность, правовые функции государства и т. п. оказались вне поля зрения В.И. Ленина. Ему было чуждо понимание того, что государство – это исторически сложившаяся организованная сила, определенная политическая структура, действующая в интересах всего общества [Бойцов, с. 163; Илющечкин, 1993, с. 18–20; Розин]. Именно такими оказывались ранние государства, в частности, варварские королевства V–VII вв. в Западной Европе. В них складывавшееся правящее сословие еще не совмещало функции управления с эксплуатацией основной массы населения, которое оставалось свободным и участвовало в управлении через собиравшиеся народные собрания (точнее – собрания вооруженного народа).

Власть опиралась еще на родовые обычаи [Думанов, Смирнова; Медведев, с. 10–11]. Лишь с массовым оседанием дружинного слоя на землю – с созданием феодального сословия – политические функции военного окружения правителей стали срастаться с владельческими, к праву управлять добавилось право эксплуатировать отданное во власть феодалов трудовое население, что в Западной Европе началось с VIII в.

Аналогичные процессы происходили и при формировании государственности в других регионах Европы, на Ближнем Востоке у арабов, но в иные сроки. В древних цивилизациях Среднего и Дальнего Востока подобные же процессы тоже имели место на ранних этапах их истории. То есть можно считать, что эксплуататорская функция государственной организации не принадлежит к системообразующим для этого явления и возникла уже в процессе его развития.

В данном контексте показательна дискуссия о государстве в древнем Риме, прошедшая на страницах «Вестника древней истории» в 1989–1990 гг. Примечательно, что практически все участники возникшей полемики ни разу не вспомнили о государстве как «общественном договоре», хотя некоторые и выражали сомнение в принятой советской историографией односторонней трактовке государства. Например, А.А. Вагасин возразил против представлений о государстве на древнем Востоке как, прежде всего, аппарате насилия и подчеркнул его значение в «охране» подданных. Следует выделить и точку зрения Гуревича, подчеркнувшего, что уже у раннесредневековых европейцев возникло представление об *ordo* (порядке, упорядоченном устройстве) как функции правителей. Но и он выводит государство из углубления социальных противоречий, подчеркивая, впрочем, что таково современное понимание государства, которое нельзя однозначно применять к докапиталистическому прошлому [Гуревич, 1990; Гюнтер, 1990; Вагасин; Копагросси; Кошеленко, 1990; Штаерман, 1989; Штаерман, 1990].

В контексте уточнения применяемых терминов и понятий заметим, что в нашей литературе основные сословия феодального общества – феодалов и крестьян – часто называют **классами**. Думается, это не совсем точно. Ибо основной признак класса – отношение к собственности¹. Но, как известно, феодальная земельная собственность была многообразной и всегда условной. Внутри сословия феодалов были люди и группы с разными правами на землю. Также и среди крестьян существовали категории с разными правами на надель. Порой доходы зажиточных крестьян могли превышать доходы мелких феодалов, особенно в позднем средневековье. Много куда более богатых, чем даже средних по достатку феодалов, было среди средневековых бюргеров. Но и крестьяне, и горожане считались в средние века единым низшим (податным) сословием, а дворянин, порой бравший в займы у своего слуги на мелкие расходы, оставался в общественном сознании господином

¹ Владение (или не владение) такой ее частью, которая позволяет (или не позволяет) получать доходы, достаточные для осуществления основных жизненных потребностей.

для любого богатого, но не «благородного» по происхождению. Место в обществе определялось не по имущественному положению, не по доходам, а по сословному статусу, по наличию «благородных» или «подлых» предков. Лишь с развитием капитализма денежные доходы, богатство, а не происхождение, стали определять общественное положение людей и появилось классовое самосознание. Так что понятие «класс» для средневекового общества чужеродно¹.

Термин же **сословие** точнее. Он означает наличие определенных групп населения с четко очерченными правами и обязанностями, переходящими по наследству. Причем статус каждого сословия хорошо осознавался тогдашними людьми и закреплялся в традициях. Сословность, как известно, характерная черта средневековых обществ.

Здесь также следует заметить, что и крестьянство как таковое для средневековья явление не изначальное. Появилось оно в процессе своеобразного общественного разделения труда, концентрации у знати военно-административных, управленческих функций и превращения остальных жителей в профессиональных сельских тружеников. Это происходило, как известно, в процессе возникновения варварских протогосударств – в V–VI вв. в Западной Европе, в VIII–IX вв. – в Центральной и Восточной.

А.И. Неусыхин не считал крестьянами не только древних германцев, но и салических франков, так как они еще занимались военным делом и у них еще не произошло хозяйственной дифференциации [Неусыхин, 1929; Неусыхин, 1956, с. 7–23; Неусыхин, 1974, с. 377–389; История крестьянства, 1985, т. 1, с. 90–127]. Не столь категоричен в отношении франков А.Я. Гуревич: с одной стороны, они, крестьяне, ибо сельское хозяйство стало для них основной деятельностью, с другой – крестьянский труд еще не обособился у них от функций управления, что произошло позже [Гуревич, 1970, с. 169–181; Гуревич, 1990, с. 37–38; История крестьянства, 1985, т. 1, с. 118–128]. Ю.Н. Каняшин исходит из того, что у франков по «Салической правде» уже существовали усадьбы с хозяйственными постройками, мельницы в частном владении, и делает вывод, что у них уже были профессиональные крестьяне, аграрная деятельность которых определяла источники их существования, хотя они и участвовали в местном управлении [Каняшин, 1993, с. 57]. Представляется, в этих мнениях отражена длительность и диалектичность процесса сложения крестьянства от хозяйственного обособления и формирования специфической трудовой этики до полного вытеснения их из общественной жизни. То есть крестьянство как сословие окончательно оформилось с возникновением антагонистичного ему дворянства. Но сделал крестьян таковыми именно их сельскохозяйственный труд. Это отмечал и Я.Д. Серовайский, писавший, что начальной вехой истории европейского крестьянства являлись изменения не во внутриобщественных отношениях, а в системе «общество – природа», обусловившие профессионализацию земледельческого труда [Серовайский, 1990, с. 321]. Тем более что в определенных условиях крестьяне сохраняли и некоторые обще-

¹ Следует согласиться с мнением, что понятие *класс* – лишь современная абстракция, неприменимая к добуржуазным обществам [Гюнтер; Илюшечкин, 1986, с. 46–48].

ственные функции (особенно в местном самоуправлении, там в Европе, где не сложилось крепостничество).

При таких же обстоятельствах крестьянство появилось, вернее, вычленилось, у арабов (VI–VIII вв.) и в других обществах, сложившихся в средние века. В старых цивилизациях, сохранившихся с древности, крестьянство, естественно, уже имело свою длительную историю.

Завершая рассуждения о сущности феодализма, отметим, что, конечно, в условиях цивилизационного разнообразия он был многолик. Но находить его в разных обществах, думается, можно по наличию крупного землевладения, сросшегося с политической властью. А в остальном – он мог быть государственным, как на Востоке, и частновладельческим, как в Западной Европе. Надо также иметь в виду, что, как и любая социологическая абстракция, феодализм не охватывает всего многообразия жизни средневековых сообществ. Но он удобный инструмент для их изучения, выявления существенных черт в многообразии, для анализа динамики исторического развития, ибо во многих современных обществах существуют черты, которые удобнее называть именно феодальными, а не средневековыми. «Средневековье» – это хронологическое, нейтральное понятие, феодализм же ориентирует на определенные исторические структуры, к анализу которых мы и приступаем.

Разноразмерность глав в монографии определена степенью изученности рассмотренных регионов. Западная Европа или Византия изучены не то чтобы лучше Восточной Европы, но оценки их развития не вызывают таких дискуссий в нашей литературе, как восточноевропейская цивилизация. Так же и в разделе, посвященном Востоку, выделены лишь основные проблемы, актуальные для выбранной формы анализа. Чтобы сделать ясной концепцию, автор стремился не отвлекаться на частности, хотя, естественно, такой подход обедняет изложение и, возможно, снижает доказательность отдельных положений. Но, хотелось бы подчеркнуть, представляется не очередная схема, а рассуждения о моделях развития, навеянные, естественно, современными историческими процессами и связанными с ними оценками прошлого.

И завершить Введение хотелось бы мыслью швейцарского медиевиста Жана Флори, как нельзя кстати совпадающей с предлагаемой читателю работой: *«Специалисты по тому или иному периоду, которого мы коснулись лишь кратко, по тому или иному аспекту цивилизации, который мы только упомянули, найдут, несомненно, в нашей работе пробелы и несовершенства. Лучшая наша защита – обширность изучаемого периода и количество привлеченных источников»* [Флори, 1999, с. 26–27]. Тем не менее автор, безусловно, несет ответственность за все, что предлагается читателю в данной книге. Как заметил в аналогичной ситуации английский медиевист Морис Кин, *«... я и теперь жду, когда еще какое-то количество... ошибок «выползет из-под обшивки»; в любом случае это исключительно моя вина, что они до сих пор там скрываются»* [Кин, с. 5].

Как мудро заметил современный российский историк Алексей Миллер, «если вы думаете, что история – это учитель жизни, забудьте об этом. История еще никогда никого ничему не научила. Процесс говорения и обсуждения истории, соприкосновения и столкновения разных точек зрения – вот он и учит. Чему он учит? Во-первых, слушать друг друга. Выявлять друг у друга побудительные мотивы, что кому дорого, кто как жульничает в интерпретации истории, и так далее. Это тот случай, когда важен процесс. Мы никогда в масштабе общества не приходим – и не должны приходиться – к общему, единому пониманию истории» [<http://polit.ru/article/2009...>].

Раздел I ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРОПЫ

Глава 1 ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Истоки: античность

Во Введении уже обращалось внимание на сложившуюся в современной историографии концепцию множественности цивилизаций. Повторимся, что, хотя у этой концепции есть оппоненты, на данном этапе она, представляется, с наибольшей полнотой отражает наши знания, отвечает на вопросы специалистов и общественный интерес. После такой оговорки обратимся к рассмотрению путей формирования средневековых европейских цивилизаций.

В отличие от всего остального мира Европа, точнее ее средиземноморская часть, стала колыбелью уникальной античной цивилизации¹. Исключительность ее заключалась в том, что благодаря стечению целого ряда географических и экономических обстоятельств здесь уже в древности сложились интенсивные рыночные отношения, что неизбежно привело к установлению прав частной собственности, в том числе и на землю. Это право предопределило, среди других особенностей, и специфическое развитие рабства в регионе. Больше нигде в мире рабство не стало ведущим экономическим укладом. В чем же причины этой уникальности?

Известный востоковед Л.С. Васильев писал, что причины происшедшей в Древней Греции социальной мутации – смены господствовавших в гомеровское время традиционных восточного типа мелких государственных образований с их всевластными царьками, полисной системой, в которой роль правителей была заметно урезана в пользу демократии, – не ясны и практически неразрешимы [Васильев, 1998, с. 33]. С ним согласен и другой специалист по истории Востока (и частый оппонент Васильева) – Л.Б. Алаев [Алаев, 2000, с. 563]. Все же попробуем причины «этих мутаций» поискать.

¹ Как заметил Ж. Шено, лишь в Средиземноморье дорийское вторжение в начале I тыс. до н.э. быстро и грубо разрушило традиционные порядки [Chesneaux, p. 53].

Общепризнанно, что доиндустриальные и, особенно, древние общества были чрезвычайно зависимы от того природного окружения, в котором они формировались и развивались. Известно, что географические особенности древней Греции – колыбели античной цивилизации – не требовали для продовольственного обеспечения населения создания крупных земледельческих хозяйств со сложными ирригационными системами, характерными для других очагов древнейших цивилизаций. Мелкоконтурные гористые ландшафты с концентрацией разнообразных почвенных и растительных условий (от высокогорных пастбищ до небольших плодородных долин с субтропической растительностью) на компактных территориях способствовали и даже делали необходимым ведение поликультурного сельского хозяйства. Ограниченность пригодных для использования площадей и близость богатыми ресурсами моря стимулировали вовлечение в мореходство значительной части сельского населения. Раннее развитие у дорийцев железоделательной индустрии, наряду с проблемой нехватки сельскохозяйственных угодий, способствовало и общему прогрессу ремесленного производства. Ибо известно, что именно металлургия и металлообработка рано потребовали профессионального ремесла, отделенного от других видов деятельности. В результате у греков в исторически короткий отрезок времени (в начале I тыс. до н.э.) формируется многоотраслевое хозяйство, что способствует ускоренному росту населения с последующим освоением прилегающих территорий. Последнее, в свою очередь, стимулировало и развитие торговли, причем не только внутренней, локальной, но и внешней, с другими народами, что вело к формированию активного денежного обращения, возникшего здесь впервые в мире около 700 г. до н.э. [Кульпин, 1993, с. 92–96; Кульпин, 2014; Ханкевич].

В принципе, подобные явления были в различной степени характерны и для других древних цивилизаций. Но описанное их сочетание, благодаря специфическим природным условиям, отмечено именно в древней Греции, что и способствовало ее динамичному развитию.

Заметим, что первый научный анализ того, как географическая среда влияла (а в значительной степени и формировала) на социально-экономический «пейзаж» древних обществ, принадлежал географу, социологу и левому публицисту Л.И. Мечникову, который в середине XIX в. обратил внимание на специфику «морских цивилизаций», которым являлось античное общество. В посмертно изданной книге он проследил тесную связь цивилизационного развития с природной средой [Мечников]. Природа в данном случае привлекла его внимание как причина формирования различий в человеческой истории. К середине

XX в. влияние окружающей среды на социально-политические порядки уже не вызывало сомнений у специалистов. Дискуссии велись лишь о политическом подтексте: только ли природа обуславливала специфику политического устройства? Здесь можно вспомнить исследования немецкого коммуниста в молодости, разочаровавшегося в марксизме, в том числе после посещения СССР в 30-е гг., позднее американского синоведа и социолога К. Виттфогеля и французского египтолога Ж. Пиренна о связи «речных цивилизаций» с деспотиями и «морских» демократических обществ [Pirenne; Wittfogel].

Итак, рост торговли и денежного обращения в Древней Греции отеснил от центра развивавшейся политической жизни традиционную земельную аристократию, усилил влияние торговцев и ремесленников. В этом – **ключевой момент формирования античной цивилизации** в отличие от цивилизаций Востока¹. Ведущее значение приобретают не просто богатства (недвижимость, сокровища), а экономическая активность. Недостаток продовольствия (из-за ограниченности земледельческих угодий) стимулировал и активизацию обмена с зерновой периферией – вплоть до африканского и черноморского побережий. Но ресурсов для колонизации и хозяйственного освоения этих земель у греков не хватало. Сил для военного закабаления туземцев тоже не было. И ставшие в силу необходимости предприимчивыми греки обратились к налаживанию внешней торговли, чтобы закупать продовольствие в обмен на ремесленные изделия. Отсюда – стимулирование не просто самостоятельности, но и творческой активности личности [Коротаев; Кошеленко, 1884; Красильщиков, с. 8, 47; Павленко; Эволюция античных обществ]. Благо, налаженные внешнеторговые связи существовали в Средиземноморье уже со времен древних финикийцев, у которых, кстати, греки заимствовали и буквенное письмо – алфавит, более удобный, чем существовавшие в регионе ранее клинопись и иероглифы.

В результате появился дополнительный импульс не только для развития ремесел, но и для всей общественной и даже политической жизни эллинов. Развивалось морское и портовое дело, расширялся кругозор людей, многообразнее становились их интересы и источники существования. Но, главное, в греческом обществе впервые возник и экономически укрепился неаграрный уклад, сложился слой людей,

¹ Характерно, что сами греки и заметили разницу, введя особые обозначения: **Европа** – от семит. *Эрэб* – *Запад*, как и **Азия** – от *Асу* – *Восток*. Некоторые лингвисты считают, что слова «Европа» и «Азия» происходят от финикийского слова «закат» и ассирийского «рассвет» соответственно. Это похоже на латинские понятия «occidens» и «oriens», или просто запад и восток [<http://www.inosmi.ru/europe...>].

чие благополучие было связано не с землей (которая буквально привязывала труженика к месту и консервативному образу жизни), а с ремесленной и торговой деятельностью, с рыночной экономикой¹. А это меняло и социальные порядки.

Развитие производства на продажу и, соответственно, торговли обособляли человека от общины. Самодостаточным становился индивидуальный, частный труд. И в начале VI в. до н.э. в Греции, опять-таки впервые в мире, возникает **частная собственность самостоятельных хозяев** [Васильев, 1990; Красильщиков, с. 8; Фадеева, 1998, с. 68–71; Ханкевич]². При этом превращение свободных соотечественников в рабов было запрещено, чем была заблокирована восточная модель развития [Фурсов, с. 29–31; Штаерман, 1989, с. 87]³. Поскольку свободные собственники имели независимые от старой, землевладельческой аристократии источники существования, традиционные позиции последней оказались подорванными. Все полноправные жители полиса получали в принципе равные экономические и политические права [Кочеленко, 1984; Кошеленко, 1990]⁴.

Параллельно с рассмотренными процессами происходило и укрепление моногамной семьи, из которой вычленялась индивидуальная собственность. В случае отсутствия прямых наследников законы Солона (VI в. до н.э.) допускали свободное завещание имущества [Фадеева, 1998, с. 68]. При этом в отличие от земледельческих обществ уже с раннего, архаического периода своей истории греки не платили

¹ Примечательно, что само понятие **экономика** появилось именно в древней Греции (ввел Ксенофонт, имея в виду искусство ведения домашнего хозяйства, в противоположность *хрематистике*– искусству наживать состояние) [Красильщиков, с. 57].

² Хотя эта собственность ограничивалась гражданскими правами и обязанностями жителя полиса, она сложилась и гарантировалась теми же полисными законами [Сюзюмов, с. 34–35; Штаерман, 1989, с. 79]. Е.М. Штаерман подчеркивала, что вопрос о римской частной собственности чрезвычайно запутан, что владение землей контролировалось общиной [Штаерман, 1990, с. 73]. Но, как справедливо возразил А.А. Вагасин, при всей специфичности античная форма собственности является частной [Вагасин; Филлипов]. Ведь и в современных странах с развитой рыночной экономикой частная собственность контролируется властью в интересах всего сообщества (в идеале, конечно), за нее платят налоги, ее перераспределение прописано в многочисленных законах. То есть и ныне неограниченной частной собственности на землю нет нигде, в том числе и на либеральном Западе. Представление об ином – примитивный миф, гуляющий по нашей публицистике.

³ Впрочем, как известно, и мусульман в исламских странах нельзя было обращать в рабов. Но там это не повлияло на общественные порядки, ибо важен общий контекст исторического развития, совокупность всех условий.

⁴ Конечно, не следует забывать, что гражданское общество в Древней Греции было ограничено только полисом, только свободными и только мужчинами [Рэвьяка, Фядосік, с. 9].

прямых (подушевых и поземельных) налогов, считая их признаком неполноправия, что «*послужило базой для специфической модели нераздельной, не обремененной обязательствами, свободно обращающейся на рынке частной собственности*» [Гайдар, 2004, с. 33]¹. Вместо этого они несли гражданские (военные и общественные) обязанности в своих полисах. Такой принцип стимулировал и накопление имущества, и деловую активность, ибо позволял свободно вести хозяйственную деятельность и распоряжаться доходами, не опасаясь фискального нажима со стороны властей. А «*лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства – твердые гарантии частной собственности*» [Гайдар, 1997, с. 24–25].

Так логика экономического развития, порожденная географической спецификой региона, создала и частную собственность, и демократию, без которой, как показывает наша современная история, основанная на такой собственности рыночная экономика не может успешно развиваться. Но и последующее развитие античного общества свидетельствовало о том же.

Когда же полисный строй себя изжил – общественные потребности переросли его узкие рамки – необходимость в постоянном притоке рабов для растущей экономики с ограниченными внутренними ресурсами стимулировала попытки создания мощного объединенного государства с сильной властью. Создается Афинская морская держава, затем – Архе Афинская (буквально – Афинская империя) – союз греческих полисов V в. до н.э. под афинской гегемонией. Но поражение в длительной Пелопонесской войне (431–404 г. до н.э.) привело к ослаблению традиционных древнегреческих лидеров и усилению до того аграрной окраины – Македонии, сумевшей возглавить создание в IV в. до н.э. огромного государства от Дуная до Инда [Сухов, с. 107].

Но в силу аграрного характера Македонии в ней господствовала землевладельческая аристократия – в этом страна была ближе традиционным древним обществам Востока. Победа Македонии и была следствием кризиса полисной модели, основанной исключительно на рабском труде, что даже в ту пору не могло создать устойчивую экономику². В итоге в эпоху Александра Македонского Греция стала «овосточивать»

¹ В Афинах прямые налоги платили только проститутки и иностранцы [Гайдар, с. 32]. Поскольку к тексту Егора Тимуровича будем обращаться и далее, заметим, что, хотя его автор – экономист, далекий, казалось бы, от исторического дискурса, он не только свежим – со стороны – взглядом оценил существенные проблемы генезиса Европы, но также использовал и малоизвестную у нас зарубежную литературу.

² Интересно, что такую опасность проглядели даже греческие философы, известные своей склонностью к рациональному объяснению мира (в отличие от других, объяснявших непонятное с помощью богов, мистики).

ся». Отсюда и гибель эллинистической Греции под ударами более молодого, сплоченного Рима, обладавшего, как и Греция, всеми условиями для создания поликультурного хозяйства, но, в отличие, от нее, богатого ресурсами и потому более мощного. Эти ресурсы позволили Риму относительно беспрепятственно существовать более полтысячелетия, прежде всего за счет эксплуатации более слабых соседей – варваров.

Но в императорскую эпоху и римское общество стало приближаться к восточным общественным порядкам, «ориентализироваться» [Штаерман, 1989, с. 92]. Вновь возникли проблемы: непосредственные производители из зажиточных слоев ушли в политику, а плебс, сохранив доли в общинной земле, мог уже не работать, требуя «хлеба и зрелищ». Отсюда – упадок экономики, особенно в Западной части Римской империи. Возможно, сказалась и роль общины в Греции и Риме. Она гарантировала права, в том числе и собственность, но своим контролем затрудняла индивидуализацию хозяйственной деятельности. Поэтому в императорское время в Риме (как и в эллинистическое – в Греции), хозяйство не могло противостоять государственному нажиму и стало деградировать [Фурсов, с. 31–35]. А непомерно разросшаяся в результате завоеваний территория Рима, впитавшая, к тому же, многие традиции восточных обществ, требовала такой централизации, которая была противопоказана гражданскому обществу. Попытка Цезаря создать подобие восточной монархии провалилась. Но уже Августу удалось построить некий симбиоз в виде принципата – монархии по сути, но с республиканскими атрибутами [Сухов, с. 109].

На принципат хотелось бы обратить особое внимание. Неудача Цезаря и устойчивость политической конструкции, созданной при Августе, так же как кризис Греции в V в. до н.э., и недолгое существование державы Александра Македонского свидетельствуют, что основополагающие экономические и правовые принципы античного общества – рынок и частная собственность – требовали и соответствующих политических институтов: демократической формы государственного управления. Устойчивая рыночная экономика отторгала монархическую власть. Но демографические и внешнеполитические обстоятельства – разрастание на границах агрессивной варварской периферии – вели к упадку негибкое хозяйство, основанное на рабском труде. В итоге в Греции с V в. до н.э. и в Риме – с III в. н.э., демократические традиции изживались сами по себе. Но и монархии не спасли античную цивилизацию.

В последние столетия императорского Рима рабский труд начал постепенно вытесняться трудом зависимых земледельцев (пекулий, колонат). То есть позднеантичное общество стало сближаться с други-

ми древними цивилизациями, где уже со времени разложения первобытных порядков сосуществовали рабовладельческий и крестьянский уклады. Но начавшиеся хозяйственные изменения подрывали положение рабовладельческой аристократии – социально-экономической основы античного общества, что усилило политический кризис Римской империи¹. В итоге – гибель античной цивилизации, усиление восточных черт в Византии и появление их в возникавших на Западе варварских королевствах в виде монархической власти².

По мнению многих исследователей, античное общество – это как бы исключение, зигзаг истории, при котором в особых условиях на довольно длительный период было достигнуто равновесное сочетание рыночной экономики и демократической государственной системы³. Формирование же феодальных порядков в Европе в времена позднего Рима и раннего средневековья – это возвращение на магистральный путь человеческого развития, с которого Западная Европа свернула лишь в новое время.

Так античная Европа – этот полуостров Азии [Ясперс, 91, с. 93] – с крушением античной цивилизации была как бы поглощена своим материком. Но помимо терминов *демократия* и *республика* античная эпоха оставила Европе и правовые нормы, которые в позднее способствовали возрождению основополагающих черт западной цивилизации, но уже на иной основе, о чем и пойдет речь далее.

Истоки: начало средневековья

Особенности региона

Природа. Обращаясь к эпохе перехода к средневековью, нельзя забывать об уже отмеченном природном факторе. Благоприятный, в целом теплый климат III–IV вв. сменился существенным похолоданием, длившимся примерно до середины – конца VII в. Бывали зимы, когда по льду можно было пересекать Босфор и Адриатическое море, а летом отмечались засухи. Потом началось потепление, которое после возврата холодов в IX в. перешло в так называемый климатический

¹ К тому же логика развития имперского правления вела Рим к подавлению личности, гражданского чувства, расширению рабства как всеобщего состояния [Канчэўскі, с. 82]. Не случайно «*Орозий, ученик Блаженного Августина, настаивал на том, что "Римская империя возникла на Западе, но вскормил ее Восток"*» [О'Брайен, с. 12].

² Подробнее см. далее, а также: [Риер, 1997, с. 12–14].

³ Стабильно существовать и развиваться они могут только в сочетании. Кризисы в экономике ведут к усилению деспотических черт в управлении, которые, как показывает история Востока, окончательно подчиняют экономику политическим интересам и ввергают ее в перманентный застой (см. ниже).

оптимум XI–XII вв. [Бессмертный 1981, с. 172–173; Борисенков, 1982, с. 14–23; Клименко; Колебания..., с. 352; Шевеленко, 1969, с. 90; Jankuhn H. 1977, S. 55; Lamb; Lange, 1971, S. 11–12; Willerding, 1977]. Совпадение во времени смены природной и цивилизационных фаз – неслучайно. Конечно, климатические изменения едва ли стали первопричинами гибели античного общества, но углубить уже возникший кризис они могли, ухудшив, прежде всего, условия хозяйствования, причем именно там, где оно поднялось над примитивным, первобытным уровнем и требовало определенной организации¹.

Существенным, представляется, было и влияние географической среды на жизнь основных западноевропейских варваров раннего средневековья – древних германцев в местах их первоначального обитания: Южной Скандинавии и в низовьях Рейна – Эльбы – Одера. Регион характерен мелкоконтурностью и расчлененностью большей части сельскохозяйственных угодий: небольшими долинами, окруженными каменистыми залесенными возвышенностями в Южной Швеции, невысокими всхолмлениями среди заболоченных низин в приморских землях. Такие ландшафтные условия, а также умеренный климат способствовали раннему дроблению общинных угодий на постоянные семейные наделы. Отдельные свидетельства тому отмечены уже во второй половине I тыс. до н.э. [Монгайт, с. 331–334]. Думается, что известная специфика германской общины, ее рыхлость, имеют именно природную обусловленность. Так же как и такая характерная черта древнегерманского общества, как эгалитарность, отсутствие значительной роли военных вождей, которые стали появляться лишь под римским влиянием и в процессе расселения и завоеваний [Селицкий].

Заметим, еще С.М. Соловьев писал, что именно географические и природно-климатические особенности Западной Европы объясняют «*блестящее развитие*» ее народов и «*их доминирование над другими народами других частей Земли*» [Соловьев, с. 8]. Такую концепцию обычно называют географическим детерминизмом, за что и критикуют [Уткин, с. 41]. Но уже то, что в других природно-климатических условиях западная модель не прививается, свидетельствует в пользу существенной роли данного фактора. Современные исследователи обратили внимание на то, что в I тыс. до н.э. у западноевропейских индоевропейцев исчезли те черты единоличной власти, с которыми они туда пришли [Селицкий, с. 74]. Нет ли в этом природно-географических, ландшафтных и климатических причин, позволявших общинам быть более самостоятельными и независимыми?

¹ Иную точку зрения на роль климата в истории человечества представил геофизик В.В. Клименко. О полемике с ним см.: [Риер, 2012; Карлюк, 2007; Карлюк, 2010].

Хозяйство и общество. Роль *общины* в варварской среде общеизвестна. Представляется, что именно ее специфика у древних германцев во многом предопределила особенности дальнейшего развития региона.

Генезис *общины* у германцев вызывает серьезные, даже методологические споры. Ибо германское крестьянство вступило в средние века разделенным на усадьбы-домохозяйства. Такие усадьбы, причем порой с четко очерченными полями известны на германском побережье Северного моря уже в начале I тыс. н.э. Со II–III вв. в этом регионе на исследованных поселениях уже довольно четко выделяются отдельные дворы, что свидетельствует о начале генезиса германской *общины-марки* [Мелин, с. 35; Риер, 2000, с. 197–199; Donat P., 1980, S. 136; Gringmuht-Dallmer, 1985, S. 110]. К сожалению, нету такой четкой информации о более южных регионах германского расселения. Но общее направление развития германской *общины* к аллодам, юридически оформленным в середине I тыс., позволяет констатировать индивидуализацию хозяйственной жизни среди германцев уже с начала новой эры. У скандинавов, насколько можно проследить в древности, индивид и его надел воспринимались как единое целое [Гуревич, 1999б, с. 11; Гуревич, 2001]. Отсутствие внешних угроз в регионе также делало излишним сплочение в большие коллективы. Так внешние условия стимулировали именно тот тип хозяйства, при котором семейный коллектив оказывался самодостаточным в обеспечении своего существования.

В последнее время Л.Б. Алаев настойчиво призывает вернуться к суждениям Ф. де Куланжа и его сторонников о недоказанности представлений об извечности и всеобщности *общины* и приводит свои аргументы по этой проблеме. Он доказывает, что однолинейная схема развития и разложения *общины*, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом под влиянием Г.Л. Маурера, неправильна. Она – продукт логических построений, а не реальных фактов. Развивая мысли А.Я. Гуревича, Алаев доказывает, что известные нам формы *общины* сложились в средние века, а у древних германцев ее вообще не было, вернее, она существовала как корпорация индивидуальных собственников. Представления А.И. Неусыхина об *общине-марке* исследователь также считает ошибочными [Алаев, 1998, с. 99–103; Алаев, 2000, с. 6–199]. Впрочем, и «ранний» Неусыхин тоже не видел *общины* у древних германцев [Гуревич, 1999б, с. 10]. Об этом же писал и Л. Мюссе, подчеркнувший абсолютную неприкосновенность семейного земельного надела у северных германцев [Мюссе, с. 83–84].

Свой хозяйственный опыт германцы переносили на социальную практику. В процессе захватов римских провинций, при необходимости

создавать территориальные организации на завоеванных землях, их общины превращались в объединения самостоятельных хозяйственных субъектов, а большинство варваров к середине I тыс. н.э. становилось крестьянами, то есть от завоеваний перешло к освоению угодий [Маркс, т. 46, с. 741; Серовайский, 1990; Хачатурян, 1992]. В результате возник новый феномен – работающий собственник [Сунягин, с. 13]¹.

Тогда же происходило и юридическое оформление частновладельческих прав на наследственные наделы – аллоды². Влияние римского законодательства на этот процесс несомненно. Но ведь далеко не все народы, сталкиваясь с римлянами, воспринимали их законодательные нормы в таком существенном вопросе, как земельный. Германцы же своим хозяйственным и социальным опытом оказались готовыми органично принять античное право собственности, ставшее в дальнейшем краеугольным камнем особой западноевропейской средневековой цивилизации. Ибо природная и историческая среда у них объективно не требовала политической централизации – у Запада есть «свой Запад» – романо-германская Европа [Бицилли, 1993].

Очевидно, частная собственность возникала тогда, когда при отсутствии потребности к централизации формировалось стремление семей–домохозяйств самостоятельно (в рамках местных территориальных, общинных связей) создать гарантии своим имуществам от сторонних посягательств. Так было у древних греков, так же – и у древних германцев. В обоих случаях, как видно, в основе лежали природные условия, определившие типы и хозяйственных порядков, и социальных отношений.

Генезис феодализма

Итак, идея индивидуальной земельной собственности начала реализовываться у древних германцев в силу условий их внутреннего развития, а римское влияние способствовало кристаллизации этой идеи в юридически оформленное право на свободно отчуждаемый земельный участок – аллод. Но, в отличие от греков и римлян, сочетавших ры-

¹ Это сыграло огромную роль в дальнейшем динамичном развитии западноевропейского общества, особенно с эпохи развитого средневековья, ибо еще А. Смит заметил, что человек, не имеющий права приобретать собственность, заинтересован в том, чтобы работать как можно меньше, а есть – больше [Смит, с. 288].

² Вспомним титулы об аллодах и отказе от родства из записанной в начале VI в. «Салической Правды» и постановления меровингских королей, закреплявшие в течение VI в. земельные наделы за прямыми наследниками. Конечно, собственность в раннее средневековье – это не частная собственность в современном понимании, а владение. Только к «осени средневековья» владение приобретает черты собственности [Толочко, 1992, с. 168].

ночную экономику с гражданской общиной, у германцев хозяйственная обособленность, приведшая к появлению аллодов, способствовала созданию частной, а не публичной власти [Бессмертный, 1986]. Ибо германское общество, как и другие варварские образования, складывавшиеся вне античного региона, развивалось в иных условиях, не порождавших многоукладную экономику. Основой их существования оставалась только земля и связанная с ней деятельность. Земельные права, земельная собственность определяли все общественные порядки. Но, в отличие от Востока, концентрация власти здесь тоже не требовалась. Поэтому, несмотря на начавшуюся межплеменную консолидацию, которая вызывалась, обычно, военными целями, самостоятельность племенных элит, опиравшихся на свои аллоды, сохранялась, что и определило частновладельческий характер феодализма в Западной Европе. Поэтому в наиболее «чистом виде», без примесей патриархально-потестарных традиций, т. е. без стремления к явному авторитаризму, античная правовая модель привилась именно у северных индоевропейцев – у германцев [<http://polit.ru/article/2013...>]¹.

В остальном же, при генезисе феодализма и здесь формировались его классические, всеобщие черты: монархические формы политической организации. Иначе нельзя было реализовать политическое принуждение в обществах, которые управлялись не экономической заинтересованностью (как Греция и ранний Рим), а силовым нажимом, насилием. Примечательно формирование авторитарной, монархической формы правления в позднем Риме при появлении в нем элементов феодализма. На распространении монархии сказались и патриархальные обычаи варваров. Князья, герцоги, короли унаследовали из прошлого традиции большесемейных общин в среде знати. Государства воспринимались ими как уделы, вотчины, передаваемые по наследству [Толочко, 1992, с. 24–26]. К ним позднее стали прибавляться различные земельные пожалования за службу (бенефиции), превращавшиеся затем в феоды (фьефы, сеньории). В итоге каролингские администраторы – графы и аналогичные им должностные лица в других ранних государствах тоже превращались в феодалов, а само название должности стало восприниматься как один из дворянских титулов, наряду с баронами и теми же герцогами.

Известно, что переход европейского варварского мира от первобытности к феодализму был очень растянут во времени, занял целую эпоху. Едва ли правильно, как это встречается в литературе, начинать

¹ Поэтому, думается, едва ли прав Л.С. Васильев, утверждавший, что послеантичные европейские варвары создавали государственную систему, близкую командно-административной системе Востока [Васильев, 1988, с. 69; Васильев, 1994, с. 242].

отсчет феодальной эпохи вслед за распадом первобытных органов управления и возникновения государственности. Элементы государственного управления у варваров еще не были феодальными, ибо были связаны не с земельной собственностью, а с традициями и авторитетом вождей. Превращение вождей в наследственных правителей вызывалось, прежде всего, потребностями оперативного управления подвластными территориями. Подчинения и эксплуатации рядового свободного населения долго еще не было. Нерегулярно собиравшиеся подати в варварских королевствах, штрафы, необходимость участвовать в народном ополчении едва ли можно считать эксплуатацией. Появление государственных налогов, которые начали собирать администрации варварских королевств, тоже нельзя отождествлять с феодальным внеэкономическим принуждением, как это часто встречалось в советской литературе [Свердлов, 1993]. Ибо налоги эти тоже вырастали из добровольных подношений вождям и старейшинам, о чем писал еще Тацит [Тацит, 15]. И в дальнейшем указанные платежи определенное время рассматривались как благодарность за безопасность и упорядоченность жизни, пока власть окончательно не стала олицетворять и защищать интересы сложившегося правящего сословия.

Отсутствие аппарата насилия еще яснее подчеркивает, что тогдашняя власть опиралась на силу традиции. То есть был период, когда уже можно видеть отделившуюся от рядового населения власть, но не носившую еще феодального характера. В германских королевствах V–VI вв. не было ни государственной эксплуатации, ни, как отмечалось, классового общества. Они близки союзам племен. Е.А. Мельникова назвала их *дружинными государствами*, в функции которых входили не только организация сбора прибавочного продукта (полюдье, потом – дань), а также охрана территории. Дружина в таких образованиях формирует органы центральной власти при своем вожде – монархе [Город..., с. 22; Гюнтер, 1992; Мельникова, 1992]. Представляется, однако, что термин «дружинное государство» не совсем точен, ибо *«дружинников нельзя рассматривать как полноценный аппарат управления... они исполняли поставленные задачи по мере необходимости и от случая к случаю (все-таки чиновник и офицер это не одно и то же)»* [Крадин, 2012].

Но отрыв от семей, что было характерно для дружинников, вынуждал их искать покровителей, иметь которых требовала традиция, возникшая еще в родовой среде. Уходивший из общины аллодист тоже должен был искать новое покровительство, в том числе и для контроля над выморочным имуществом, и это покровительство он находил в лице королей и их представителей. Так лично-семейная зависимость

заменялась обезличенной административной, которая стояла и над семьей, и над общиной. Это и есть становление государства как покровителя всех живущих на подвластной территории. Лишь позднее, когда правящий слой превратился в устойчивое сословие земельных собственников, которое стало заботиться исключительно о себе, создавая сеньории, государство превратилось в орудие угнетения и подавления.

С превращением дружины в административный аппарат началось и формирование крестьянства как такового. Думается, из всех существующих критериев выделения профессиональных крестьян [Гуревич, 1970, с. 169–181; Гуревич, 1990, с. 37–38; История крестьянства в Европе, т. 1, с. 90–127; Каняшин, 1993; Неусыхин, 1929; Неусыхин, 1956, с. 7–23; Неусыхин, 1974, с. 377–389] определяющим является их отделение от регулярных военных и административных функций, что отмечается в варварских королевствах V–VI вв.

Наиболее динамично, как известно, феодальные отношения формировались в северной Галлии, где расселились франки. Здесь происходил так называемый **уравновешенный синтез** античных и варварских порядков. При расселении на чужой территории у франков окончательно разрушились родовые традиции. Необходимость управлять обширными землями потребовала быстрой консолидации в средезавоевателей правящего слоя. Так варварские дружинно-демократические порядки сомкнулись с еще сохранившимися остатками римского административного опыта (римляне-сотрапезники короля – по «Салической Правде»): появились королевства с наместниками-графами в бывших провинциях, поместья знати с неполноправным (из рабов) обслуживающим населением, элементы налоговой системы, в сельских общинах под влиянием римского частного землевладения укреплялся, как отмечалось, аллод. Перенимание римских агротехнических достижений еще больше увеличило индивидуальные возможности крестьян-аллодистов, а римские представления о гражданских правах у свободных способствовали усилению самостоятельности землевладельцев. Запустевшие города не оказывали никакого воздействия на происходившие процессы.

В итоге преобладание свободных крестьян с гарантированными правами, с одной стороны, предотвращало произвол правителей, а с другой – заставляло выделявшуюся знать консолидироваться, что происходило на договорной основе (сеньор-вассал), восходившей к традиции личных клятв в варварской дружине. В течение VII–IX вв. правящий слой превращался в господствующее сословие – феодалов, монопольные права которых на власть позволили им, начиная с VIII в., подчинять мелких земельных собственников-аллодистов. По-

следние в течение IX–X вв. попадали в полную зависимость от господ. Но слабость государственного аппарата заставляла феодалов учитывать традиционные права рядовых соотечественников и формы крестьянской зависимости здесь оказывались, в итоге, довольно умеренными.

Феодалное государство с характерной для Запада сеньориальной структурой власти здесь начало формироваться с VIII в. в ходе бенефициальной реформы, начатой Карлом Мартеллом. В X–XI вв. сеньории стали повсеместным явлением. Число феодалов-рыцарей увеличилось, по сравнению с IX в. в 1,5-2 раза [Бессмертный, 1984]. Распространились и небольшие рыцарские владения. Причем, наряду с феодами, многие рыцари сохраняли и свои аллоды, расположенные в разных местах чересполосно с крестьянскими наделами¹.

Осуществлялось это в процессе расширения числа владельцев имунитетных прав. Если в VIII–IX вв. ими обладали только представители знати и королевской администрации (герцоги, графы), то с X–XI вв. имунитеты получали уже практически все феодалы. В результате последние становились *шателенами*, то есть обладателями политической власти – *бана*². Устанавливалась так называемая **сеньория бана** – феодалная власть, основанная не на владении землей, а на праве навязывать свою личную власть нижестоящим, не входящим в правящее сословие. В этом – ***составляющий признак феодализма вообще, как системы власти, основанной на сочетании монопольных прав на землю с правом личного, внеэкономического подчинения, принуждения со стороны любого представителя правящего сословия.***

Рассмотренные процессы происходили плавно, без серьезных потрясений и не разрушали экономическую жизнь. Более того, хозяйственная самостоятельность крестьян и невмешательство сеньоров во внутрипоместную деятельность их вассалов создавали определенный уровень экономической свободы. В итоге становление феодализма у франков каролингской эпохи сопровождалось хозяйственным подъемом, что ускорило общественное развитие³.

¹ Например, в Бургундии XI в. один из сеньоров имел 11 парцелл в восьми местах, а в целом наблюдалась тенденция концентрации рыцарских аллодов и соединение их с пожалованными владениями [Каняшин, Серовайский].

² *Бан (приказ)* – право обладателя имунитетной грамоты распоряжаться, иметь личную власть на основе места в феодалной иерархии, принадлежности к правящему сословию. Размеры земельных владений, давность этих владений (наследственные или недавно полученные) роли не играли.

³ Вспомним, что все это происходило и на фоне благоприятных погодных условий – потепления, достигшего устойчивого «климатического оптимума» в XI–XII вв. (см. выше).

Так в X–XI вв. во Франции произошло перерастание раннего феодализма в зрелый. К XII в. это привело к сближению форм эксплуатации и правового положения всех категорий зависимого сельского населения. В советской литературе данный процесс обычно назывался *закрепощением*. Этим же термином переводились и соответствующие сообщения многочисленных документов о положении западноевропейских крестьян эпохи развитого средневековья. Но среди «неортодоксальных» советских медиевистов уже с 60-х гг. бытовало мнение об отсутствии крепостничества в Западной Европе¹. Представляется, однако, что в этом отрицании присутствует определенная передержка, связанная, очевидно, с тем, что у отечественного читателя термин «крепостничество» ассоциируется с восточноевропейскими реалиями более близкого к нам времени. Но ведь закрепощением в Западной Европе и на востоке континента обозначают совершенно разные явления: «сеньориализация» крестьян Западной Европы никоим образом не походила на то, что позднее, в XVIII в. появилось в России и было ближе к рабскому состоянию. Однако западными аллодистами их положение в сеньориях рассматривалось именно как несвобода, то есть – закрепощение. Иначе как же назвать запрет на свободу передвижения сервов, отсутствие права самостоятельно выступать в суде (что было чрезвычайно важно для западного человека), дурные обычаи и т. п.? А само противопоставление сервов свободным? [Брайант, с. 473–474; Кенигсбергер, с. 96, примечание Д.Э. Харитоновича].

Да, при слабой государственной организации отлаженной системы поиска крестьян-беглецов не было. Без централизованной поддержки феодал не мог не только отобрать у крестьянина надел, но и произвольно изменить, повысить повинности. Серв был достаточно самостоятелен во внутривладельческой деятельности [Бессмертный, 1984; Фадеева, 1998, с. 72–73]. Но сам факт серважавоспринимался в том обществе именно как формальная несвобода! Ведь известно, как чутки были средневековые европейцы к своему и чужому статусу. Даже обязанность крестьян нести регулярное тягло шведы середины XIII в. приравнивали к «несвободе» [Сванидзе, 2001, с. 60]. То есть ограниченные свободы западноевропейским средневековым человеком воспринимались более драматично, чем это может нам показаться с учетом собственной исторической памяти².

Таким образом, генезис феодализма на Западе состоял в переходе от аллода к феодеу с появлением личных зависимостей (и земледель-

¹ См., напр., сюжет из воспоминаний Л.Б. Алаева о беседе с Ю.Л. Бессмертным [Алаев, 2000, с. 9].

² Это, кстати, понимали и российские историки XIX в. [Пискорский].

цев, и мелких землевладельцев), потери аллодистами прежних свобод и вхождением их в феоды. При этом первобытные представления о свободе через права на землю (аллод) менялись на представления о свободе как совокупности политических прав на управление (через имунитеты и сеньорию бана). Укрепление системы фьефов (сеньорий) определило появление умеренной, ограниченной (в советской историографии – сословной) монархии, прямого антипода деспотизма и анархии [Керов].

Так были заложены основы западноевропейской общности. Показательно, что созданное в 1957 г. европейское экономическое сообщество (ЕЭС) первоначально охватило территорию империи Карла Великого¹.

Развитое средневековье

Определенным рубежом в развитии средневековой Европы принято считать, как известно, начало II тыс. Особенно это относится к западному ее региону: именно с того времени рассмотренная выше франкская модель феодализма активно распространялась (или воспринималась) в Англии, германских землях, Скандинавии, северо-западном Средиземноморье².

В XI–XIII вв. там сложились четко оформленные частновладельческие сеньории с частной же формой эксплуатации крестьян, за которыми, однако, сохранялась определенная самостоятельность хозяйственной деятельности на полученных от феодалов наделах, что было производным от сложившейся в раннем средневековье специфической крестьянской общины как формы производственного сотрудничества и социальной организации мелких собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуальных крестьянских хозяйств, как отмечалось, стимулировало появление частной собственности на землю и возможности ее концентрации, что создало условия для формирования крупной феодальной земельной собственности и складывания своеобразного типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Отсюда центр тя-

¹ И сам термин **европеец** впервые отмечен в эпоху возникновения западноевропейского единства, когда анонимный клирик из Толедо сообщил, что *европейцы* победили арабов под Пуатье (732 г.). Потом это понятие появилось в терминологии Каролингов [Валовая, с. 7–8, 397; Leciejewicz, s. 6].

² Хотя северо-французский феодализм лишь локальный, неорганический вариант развития средневекового общества [Гуревич, 1970, с. 7–25], именно его признаки стали характерными для Западной Европы. Здесь не будем вдаваться в детали и учитывать локальные варианты, существовавшие, например, на Севере и Юге франкского общества, в будущих регионах «ок» и «ойль» [Дюби, 2000, с. 66].

жести развития всегда был «внизу» – в крестьянском хозяйстве, затем – в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Устройство и феодальной сеньории, и городской коммуны способствовало максимальному развитию индивидуальной активности, бурному развитию культуры, искусств, сравнительно раннему развитию науки, уже не говоря о раннем капитализме [Милов, 1993, с. 77].

Разраставшиеся города укрепляли внутренний рынок, в который постепенно втягивалась и деревня. Развитие ремесел и торговли стимулировали потребности феодалов, которых уже перестает интересовать натуральное обеспечение, получаемое от зависимых крестьян в их поместьях, т. е. размеры своего желудка (по Марксу). Землевладельцы почувствовали роль и значение денег, что привело к усилению роли денежной ренты и – к перестройке всей поместной системы. Стало выгоднее переводить крестьян на денежный чинш и продавать им личную свободу. В XIII–XV вв. в условиях сворачивания домениального хозяйства, утверждения денежной ренты и массового личного освобождения крестьянства происходит политическая консолидация, завершившаяся созданием сословно-представительных монархий.

Эти явления были подготовлены рядом демографических, экономических и социальных изменений. К демографическим относится интенсивный рост населения в XI–XIII вв., приведший и к активной внутренней колонизации, и к повышению плотности населения в старых областях проживания [Максимов, с. 176]. Это способствовало росту городов и сближению людей из ранее обособленных территорий. Экономический прогресс тоже способствовал почти полному освоению земель – формированию современного аграрного пейзажа, интенсификации хозяйственной деятельности, консолидации территорий и складыванию более сплоченных государств. Все это формировало в Западной Европе единую систему коммуникаций, что, в свою очередь, усиливало культурные связи. В итоге сформировалась единая западноевропейская культура, объединенная общей идеологией.

Накопление производственного и торгового потенциала в городах способствовало развитию товарно-рыночных отношений. Сначала в городах, затем кое-где и в деревне (прежде всего в Англии) производители выходят за рамки самообеспечения и внеэкономической регламентации. А это уже и есть начало предпринимательства. В Англии к этому процессу уже в XIII–XIV вв. подключаются многие дворяне (*новые дворяне, джентри*), что было связано с относительной политической стабильностью и оставляло, прежде всего, мелким феодалам, не имевшим властных амбиций, много времени для хозяйственной

деятельности. Сказывалось и отсутствие в Англии непреодолимой границы между дворянами, с одной стороны, и сохранившимися зажиточными свободными крестьянами, а затем и горожанами, с другой. В итоге накопления, особенно бюргерские, перестали уходить в сокровища, в недвижимость, а с XIV–XV вв. все чаще стали использоваться в предпринимательской деятельности. Деловая активность горожан, а в Англии и части дворян, способствовала финансовому укреплению государственной казны, а, значит, и усилению государственной власти, но не в сторону авторитаризма, а как гаранта общественной стабильности. Там, где позволяли политические условия (Англия, Франция), формируются централизованные государства¹.

У городского населения существенно меняются стереотипы поведения (ментальность): труд уже не божье наказание за грехи, он полезен, необходим для жизни. Из-за нарастания всеобщей потребности в деньгах происходила и реабилитация торговой деятельности. Даже церковь с XIII в. начинает оправдывать торговцев, хотя религиозная доктрина продолжала исходить из того, что хозяйственная деятельность должна ограничиваться моральными ценностями, независимыми от экономических интересов. То есть торговец должен быть честным и скромным в своих устремлениях. Осуждались ростовщики, но не ссуды, векселя, залоги и т. п.

Предоставим слово экономисту. *«Прогрессу торговых городов способствует новая структура налогов. Именно здесь зарождаются налоговые системы, с определенными изменениями пришедшие в мир современного экономического роста. Их формируют не специализирующиеся на насилии элиты аграрных обществ, а сами горожане, которые объединены в более или менее демократичные сообщества налогоплательщиков. Как правило, торговые города-государства получают подавляющую часть доходов от косвенных налогов, часто – от таможенных сборов. Прямые налоги распространены мало и, по античной традиции, обычно вводятся лишь в чрезвычайных обстоятельствах. При этом в городах-государствах применительно к прямым налогам была широко распространена практика оценки нало-*

¹ Здесь следует отметить, что различный статус сословий сыграл определенную роль в исторических судьбах Англии и Франции. Если в Англии уже со времен Вильгельма Завоевателя дворянство «размывалось» сначала зажиточными крестьянами, затем – бюргерами, что способствовало сохранению и раннесредневекового местного самоуправления, то во Франции оно с бенефициальной реформы первых Каролингов «окукливалось» потомственной родовитостью. В итоге Франция – самая крупная и потенциально богатая западноевропейская страна – закоснела в феодальных порядках, сброшенных лишь в ходе кровавой драмы конца XVIII в. Англия же к этому времени стала социальным и индустриальным лидером мира, преодолев феодализм «малой кровью».

говых обязательств самим налогоплательщиком. Иногда налоговое бремя становилось тяжелым для горожан; известны случаи массового уклонения от уплаты налогов. Однако в городах, как правило, не было ни сборщиков прямых налогов, ни круговой поруки – того, что в аграрных обществах всегда ограничивало стимулы к эффективным инновациям» [Гайдар, 2004, с. 48].

В отличие от феодалов, тративших собираемую ренту на себя, горожане, тоже заботясь, естественно, о личном благополучии, в интересах своей деятельности регулировали налоги так, чтобы они не вредили их делам, что в итоге превращало города в очаги прогресса.

Еще цитата. «*Торговлю, ремесло, мануфактуру обложить налогами на основе стандартных процедур аграрного государства труднее, чем земледелие. Здесь принципиально важно сотрудничество потенциальных налогоплательщиков с государством... В наиболее развитых государствах Западной Европы укореняется переданный им итальянскими городами-государствами новый принцип: свободный человек не платит налогов, в установлении которых не принимал участие он сам или его представители... Кошелек (оказывается. – Я.Р.) сильнее меча*» [Гайдар, 2004, с. 51, 53].

Постепенно главным для горожанина становится не поиск покровителя (что типично для феодального менталитета), а предпринимательство¹. Стремление к этому начинают проявлять и возникавшие в деревне после освобождения крестьян «кулаки» – будущая сельская буржуазия². Предпринимательские интересы проникают, как отмечалось, и в дворянскую среду, но там, где она была ближе трудовому населению – в Англии.

В русле происходивших изменений появились, а затем развивались сословно-представительные собрания (прежде всего – парламент в Англии, Генеральные штаты во Франции). Первоначально они возникли из стремления королей найти себе поддержку за пределами группировок крупных феодалов, в более широких слоях населения. Но деятельность этих собраний способствовала политическому воспитанию общества в демократическом духе: влияние аристократии на королевскую власть уменьшалось, а сама власть привыкала слушать

¹ Если в раннем средневековье западноевропейская личность при определенной (от традиций аллодов) экономической самостоятельности все же находилась в подчиненном положении, то теперь началась ее индивидуализация, что означало воссоздание античных традиций [Васильев, 1990], породившее Возрождение.

² Показательно, что русский политический термин начала XX в. в конце этого столетия восприняли западноевропейские медиевисты. Это отражает близость социального типа кулака и стадильную схожесть раннекапиталистического развития России и западноевропейского средневековья при появлении ростков капитализма.

иные мнения. Участие депутатов в дебатах содействовало выработке демократических процедур и выдвижению лидеров из незнатных. Эти лидеры становились трансляторами местных проблем «наверх», к ним обращались с жалобами и петициями простые люди, что способствовало зарождению политической культуры в широких слоях населения. Хотя с конца XV в. укреплявшиеся короли стали сужать сферы демократических процедур, позднее, в иных условиях, сословная демократия в Западной Европе возродилась.

Безусловно, изложенная картина весьма схематична, лишена деталей, в ней не обозначены региональные различия. Так, например, в Англии и германских землях, где феодализация, прежде всего из-за отдаленности от Рима, началась позднее, в XI–XII вв. было больше свободных крестьян, вследствие чего там несколько позднее, чем во Франции, стали расти города.

Своеобразием отличался и средиземноморский регион Западной Европы. Природные условия Южной Франции, Италии, Испании затрудняли пашенное земледелие (горный рельеф, недостаток влаги), но способствовали поликультурному сельскому хозяйству, с большей долей торговли. С античных времен там сохранились традиции мореплавания, ремесленной деятельности и городской жизни. Последняя активизируется уже с IX в. Характерно там и господство города над деревней (кроме Кастилии, и, отчасти, Арагона) из-за того, что благодаря торговле города укрепились раньше, чем успели сформироваться вокруг них крупные сеньории. Вследствие этого крестьяне там довольно быстро были освобождены от крепостной зависимости и превратились в арендаторов земель у сеньоров и городов. Хотя в более отсталых землях Южной Италии и Испании, где города были развиты слабее, сохранились тяжелые формы феодальной эксплуатации крестьян. Там же, где города начали развиваться рано, воцарилась политическая раздробленность. Это вызывалось тем, что такие города опирались, прежде всего, на внешнюю торговлю, где выступали как конкуренты (например, Венеция и Генуя). Поэтому для Северной и Средней Италии были характерны многочисленные города-государства¹. То же наблюдалось и в Южной Франции до альбигойских войн (первая треть XIII в), подчинивших Прованс Парижу². Политическая децентрализация здесь

¹ В современной историографии существует предостережение против некорректного перенесения из античной истории этого термина в средневековье, ибо в политическом устройстве и ментальности популяционной элиты североитальянских городов-государств полной свободы не было [Казбекова, Юсим].

² Хотя сепаратизм южнофранцузских городов и дворянства сохранился надолго и проявился в гугенотских войнах второй половины XVI в.

способствовала развитию рыночного хозяйства (капитализма) именно тем, что власть не подавляла частные инициативы, проявлению которых способствовала сопутствующая раздробленности **конкуренция**, как внутригородская, так и между городами-коммунами. Похожая ситуация складывалась и в урбанизированных с XI в. Нидерландах, где также отсутствовало политическое единство, особенно в северных провинциях. Там, к тому же, преобладало мелкое, крестьянское, а не феодальное землевладение.

В целом, западноевропейское Средиземноморье развивалось не только в том же направлении, что и Северо-Запад континента, но и синхронно с ним по основным показателям. В итоге, в XV–XVI вв. обе региональные модели развития слились в *единую западноевропейскую цивилизацию*. Хотя, следует отметить, Юг Италии и Испания в силу ряда местных особенностей выглядели более застойно: там дольше сохранялись традиционные феодальные порядки. Это предопределило отставание указанных земель в новое время.

Более обособленно развивался североевропейский регион. Здесь, в Скандинавии, в коренных германских землях, отсутствовало античное влияние. Природные условия препятствовали широкому развитию пашенного земледелия. Преобладало животноводство, домашнее ремесло и промыслы (особенно рыболовство). Сильная дискретность расселения (за исключением части Ютландии) затрудняла складывание крупных земельных владений, и домениальные хозяйства были развиты слабо. Отсюда – медленное становление государственности, которая, как и в не испытавших античного влияния славянских землях, начинает формироваться с IX–X вв. [Мельникова, 1992; Мельникова, Петрухин; Шаскольский, 1986; Яковец, с. 146]. Крестьяне почти везде оставались лично свободными и были либо собственниками земли, либо арендовали ее у феодалов. Последние оказались слишком малочисленными, чтобы составлять серьезную конкуренцию королям. Поэтому для региона характерен прямой переход от раннесредневековых государств, без ярко выраженной раздробленности, к сословным монархиям с участием свободных крестьян в сословно–представительных собраниях. Крестьянское землевладение было ограничено общинными распоряжениями и традициями большой семьи, но существовали четко очерченные, огороженные участки крестьянских земель, которые можно было покупать–продавать [Фоменкова]. В XIV–XV вв. скандинавские земли сближаются по цивилизационным показателям с западноевропейскими и при переходе к новому времени сливаются с западноевропейской цивилизацией (свободные крестьяне, внутреннее

самоуправление в городах, дворянство – служилое сословие с очерченными функциями).

Так к середине II тыс. завершается формирование единой западноевропейской цивилизации. В ней уже к XI–XII вв. сложились единые нормы существования правящего сословия – рыцарства, выросшего из общего для региона корня – древнегерманских дружинных порядков. Из них же выросла и получила развитие вассально-ленная система и феодальная иерархия. К началу II тыс., с распространением христианства в Скандинавии, оформляется и культурно-религиозное единство региона. К этому следует добавить и общие основы ментальности, опиравшиеся на древние германские традиции ведения обособленных, аллодиальных хозяйств, подкрепленные затем распространением основ римского права¹. Как заметил А. Зеличенко, *«подготовка будущих европейцев шла под «патронажем» античной и раннехристианской... культуры»* [<http://www.echo.ms. ...>].

Но благостной картины здесь не было. По мнению юриста В. Четвернина, *«западный феодализм и сами феодалы – это огромное количество организованных преступных группировок, которые все время между собой выясняют отношения... Они воюют именно потому, что кто-то из них поступил не по понятиям... Но внутри этого сообщества организованных преступных группировок действуют собственно правовые нормы. Договоры прежде всего...»* [<http://polit.ru/article/2013...>].

Сочетание германских и античных представлений создало специфическую смесь корпоративности и сословной замкнутости с представлениями об индивидуальных правах и частной собственности. Отсюда – бурное развитие экономически самостоятельных городов, что предопределило интенсивные преобразования феодальных порядков, быстрое, относительно других регионов, их изживание и формирование предпосылок для развития рыночной экономики². Одновременно

¹ Следует заметить, что в Западной Европе существовали анклавы, где географические особенности в сочетании с аллодиальными правами крестьян позволили вообще избежать феодального уклада, то есть знакомства с крупным землевладением. Особенности крестьянского хозяйства в годах Швейцарии, Басконии, на севере Скандинавии, в северо-восточных Нидерландах привели к тому, что крестьяне там так и не познали феодального подчинения [Барг, 1992, с. 38].

² Если в прежние времена Европа делилась на Север и Юг, то урбанизация изменила облик западной части континента и разделила его на Запад и Восток [Город..., 1999, с. 25]. Конечно, процессы укрепления городов и становления новых ценностей в них происходили медленно, ибо сдерживались общими феодальными политическими порядками. Были и существенные локальные различия [Гутнова, 2000; Гутнова, 2000а]. Но не будет преувеличением отметить, что в конечном счете средневековый город отделил Западную Европу от остального мира.

происходило складывание гражданского общества, первым шагом к которому стали, как отмечалось, сословно-представительные собрания. При этом «в силу рыхлости и слабости государства, не способного, как на Востоке, изымать чрезмерные подати из деревни, последняя явилась равным партнером городу в динамичном развитии товарно-денежного уклада, рыночных отношений» [Николаева, с. 99]. Слабость государственной власти, в свою очередь, была порождена тем, что военно-служилое сословие, формировавшееся для поддержки монархов, опережало их подчинении крестьян [История крестьянства, т. 1, с. 224].

В таких условиях начали возрождаться, прежде всего, в городах, такие античные свойства личности, как рационализм, практичность, расчетливость, породившие в наиболее урбанизированной и экономически продвинутой Северной Италии Ренессанс с его гимном индивидуализму. Но и до него, на основе иудео-христианской традиции, сложилось линейное представление о мире, о его развитии в одну сторону, к совершенству, с центральным местом человека в посюстороннем мире [Красильщиков, с. 65–72; Уткин, с. 28–29]. Отсюда – развивавшееся затем гуманистами представление о человеке как центре мира. Все это стало основой и для развития специфической культуры западноевропейского средневековья, уровень которой традиционно неоправданно принижается¹. Справедливо замечание философа, что за торжественным и жутким лицом средневековья проглядывает чудо [Бибахин, с. 15–16].

Здесь нельзя забывать и о специфической роли западного христианства. В условиях раннесредневековой разобщенности Запада распространявшаяся по его просторам церковь консолидировалась. Приученная еще в римское время к самостоятельности, она как организация развила это умение в процессе вливания в варварскую среду. Именно единство обрядов при монополии на грамотность, а, значит, и на знание основ учения, способствовало успеху римского прозелитизма. Иные христианские концепции, типа арианства, не прижились на Западе не только из-за удаленности своих истоков, но и в силу необходимости более глубокого знания догматики, что было недоступно европейским варварам (в отличие от более просвещенного тогда Ближнего Востока). Монолитность Римской церкви поддерживалась осознанием ее адептами силы своего единства. Но начавшееся при Каролингах укрепление светской власти привело к трениям с церковными иерархами к концу I тыс.

¹ Мнение о средневековье в как времени культурного упадка сформировалось во времена Возрождения и Реформации, а закрепилось в эпоху Просвещения, став стереотипом [Гайденко, Смирнов, с. 5].

В итоге через серию драматических конфликтов (вспомним борьбу за инвеституру, «Диктат папы» Григория VII и унижение Каноссой императора Генриха IV) к XII в. в Западной Европе сложился известный компромисс: «Богу – богово, кесарю – кесарево», что, по сути, означало *разделение властей*. Церковь добилась иммунитета своей организации, но, в свою очередь, вынуждена была признавать и суверенность светской власти¹.

Так возник первый в тогдашней Европе образ разделения властей, дополненный затем городскими свободами. Последние породили еще один западный феномен: независимые профессиональные корпорации – ремесленные цехи, купеческие гильдии – жившие по своим уставам, со своими особыми правами и гарантированными *свободами*. Вспомним средневековую городскую поговорку: «*каждый в своем праве*», которая в гуманистической философии и практике эпохи Возрождения дополнилась признанием индивидуальных прав. Отсюда – политическая основа западноевропейского Нового времени – идея *общественного договора*. Так закладывались основы будущего технологического, экономического, социального и культурного рывка западноевропейской цивилизации, но и с сопутствующими индивидуализму конкуренцией и несправедливостями². Исчезал присущий западному средневековью дух корпоративности, защищавший человека в среде, присущей его положению и унаследованному статусу. Исчезал, ибо объективно стал тормозить те черты и нормы экономической жизни, которые родились в городах и не могли дальше развиваться в рамках феодальной системы. Но произошло это только в Западной Европе в силу рассмотренных выше обстоятельств.

Переход к Новому времени

Европейская история XVI–XVII вв. традиционно относится к Новому времени. Но в советской историографии с 30-х гг., с принятием догматизированной формационной концепции мирового исторического процесса, жестко увязанной только с социально-экономическими процессами, указанный период стал восприниматься как позднесредневековый. С 90-х гг., с исчезновением марксистской

¹ Хотя нередко пыталась через фактор веры, воздействовать на эту власть. Как заметил Четвернин, «...это не значит, что она (церковь. – Я.Р.) в мирских делах не участвует. Поэтому если вы не нашли защиты в суде своего сеньора, вы на своего сеньора подадите самому папе римскому или во всяком случае епископу. И не дай бог вашего сеньора отлучат от церкви – все, конец...» [<http://polit.ru/article/2013...>].

² Вспоминается многократно повторявшаяся рефреном мысль Юрия Рюрикова из популярного в 70-е гг. прошлого столетия сочинения «Три влечения», в вольном изложении звучавшая так: приобретаемая одно, человечество в своем развитии теряло другое [Рюриков].

монополии на методологию истории, в белорусской историографии возобладало традиционное отнесение XVI–XVII вв. к новой истории. В России же пошли на компромисс: продолжают рассматривать эту эпоху в рамках учебного курса средневековой истории, но назвали ее *ранним Новым временем* [История средних веков, 2000, т. 2].

Во всех этих манипуляциях с определением сущности для XVI–XVII вв. отразилась сложность и противоречивость переходной эпохи от феодализма к капитализму. Если экономические и связанные с ней социальные отношения в некоторых западноевропейских странах действительно все дальше и быстрее удалялись от феодальных порядков, то взгляды и привычки людей, их духовный мир даже в этих, наиболее «продвинутых» странах еще долго оставались по сути средневековыми. Ключевые элементы духовной культуры Западной Европы, сложившиеся в Высоком средневековье, сохранили свою актуальность вплоть до XVIII в. В этом смысле позволительно говорить о «старой Европе» или (в социально-экономическом смысле) об «эпохе феодализма» [Динцельбахер, с. 162]. Также и протестантизм, писал А.Ф. Лосев, был попыткой преодолеть старые святыни новыми, «*которые тоже претендовали на абсолютизацию человеческой личности и на несколько веков задержали эмансипацию западного человека от средневековой мифологии. Это – пример беспомощности в преодолении средневековья*» [Лосев, с. 235]. В устройении общества, в организации труда, в научных понятиях перемены начались лишь с XVII–XVIII вв. Строгий научный дух, не смущаемый верой в чудесное, основанный на экспериментах, опыте, пробуждается лишь в конце XVII в., когда из научных текстов исчезает символика, магия и формируется рациональное мышление. Активное движение к демократии началось с XVIII в. Тогда же промышленный переворот охватил ряд стран Западной Европы [Виппер, 1993]. Среди французских историков (Ж. Ле Гофф, Ф. Бродель) даже возник термин *долгое средневековье*, продлеваемое в ряде западноевропейских стран примерно до середины XIX в.¹ О других регионах Европы и спорить не приходится – там дух средневековья кое-где не выветрился и донныне, о чем – далее.

Если же исходить из внешних факторов, выхода западных европейцев за пределы своей ойкумены в ходе Великих географических

¹ Германия бесспорно буржуазной может считаться с XIX в. [Круглова, 1995]. Она вообще занимает на Западе особое положение. В ней долгое время были сильны почвенные, антизападные идеи, связанные, вероятно, со спецификой ее истории в средние века и Новое время. Но германскому обществу были близки западные идеи индивидуализма и хозяйственной свободы, что позволило ему уже в наше время влиться в западный мир [Уткин, с. 24–25].

открытий, то и в этом XVI в. едва ли можно назвать существенным рубежом. Ведь тогда Западная Европа делала только первые шаги к созданию того экономического базиса, благодаря которому спустя 3,5 столетия действительно сумела повлиять на самобытный ритм развития Азии. Об этом ярко свидетельствует торговля, которая, несмотря на значительный количественный рост после Великих географических открытий, в XVI–XVIII вв., оставалась в основных чертах, такой же, как в древности и средневековье: минимальные размеры экспорта европейских товаров и оплата подавляющей части импорта из Азии драгоценными металлами. В венецианских хрониках XV в. также сетовали на отлив золота и серебра из Рима в обмен на китайские и индийские товары, как когда-то Плиний Старший и Тацит. Аналогичная картина сохранялась и в XVI в. Лишь с середины XIX в. товарный экспорт из Европы начинает завоевывать прочные позиции на рынках Азии, нарушив почти 2-тысячелетнюю традицию [Петров, с. 30–31]. Поэтому утверждение, что с XVI в. Запад начинает накладывать свой отпечаток на историю всех стран земного шара [История Европы, т. 3, с. 6; Фурсов, с. 14], едва ли правомерно. Ведь в XVI в. колониальная политика европейцев еще оставалась, по сути, феодальной, направленной на захват земель и грабежи, а не на хозяйственное освоение колоний. Последнее началось лишь с приходом буржуазии к власти.

С другой стороны, с точки зрения развития западноевропейского искусства конец XV–XVI вв. – самостоятельный период – эпоха классического Возрождения и распространения достижений искусства Италии за ее пределы [Либман, 1991]. Далее мы еще вернемся к сложностям периодизации перехода от средневековья к Новому времени, но и сказанного достаточно для констатации проблем датировки этого процесса. Думается, что XVI–XVII вв. можно отнести и к завершению *средневековья*, и к началу *Нового времени* (или *раннему Новому времени*)¹. И относится это, прежде всего к западноевропейской цивилизации, в недрах которой вызревал, а в указанные века начал активно формироваться **капитализм**.

Становление капитализма, зародившегося в Западной Европе, – характернейший признак ее дальнейшего развития, обусловленный рассмотренной выше спецификой истории региона. Оно состояло в постепенном освобождении рыночных отношений от пут внеэкономических интересов правящего сословия, которое в итоге и было устранено с политической арены.

¹ Даже помещение периода Ренессанса в средневековую эпоху имеет свои основания [Бибихин, с. 252], а завершили переход к Новому времени все же буржуазные революции [Ніпердэй, с. 268–274].

Феодальное хозяйство ориентировалось, как известно, на самообеспечение, хотя торговля существовала и подготавливала разложение феодальных порядков, ибо стимулировала и обмен, и спрос. Феодалы становились заинтересованными в приобретении все возрастающей массы различных ремесленных изделий, что толкало их к увеличению доходности своих владений, к усилению экономических форм эксплуатации. Крестьян уже с XIII в. начали переводить на чинш с их личным освобождением, то есть, по сути, делали арендаторами земли. Это подталкивало крестьян к переориентации своих хозяйств на производство для продажи. Благо, развивавшиеся города предъявляли растущий спрос на сельскохозяйственную продукцию. В свою очередь, рост спроса стимулировал и ремесленников.

Развитие и усложнение рыночных связей повышало роль купцов, как необходимых посредников между производителями и потребителями. В наиболее развитых регионах, где позиции феодалов оказались слабее (Северная Италия, Нидерланды), купечество проникало и в сферу производства. Уже с XIII–XIV вв. купцы там участвовали в организации ремесленной деятельности и становились, по сути, предпринимателями. Но до капитализма было еще далеко, ибо сохранялись феодальные, внеэкономические ограничения: сословные ограничения, привилегии, монополии, элементы внеэкономического принуждения наемных работников.

Цеховое ремесло ревностно охраняло себя от всяких посягательств со стороны купцов. Тем не менее в условиях развития товарного хозяйства мелкий производитель постепенно, из-за экономического превосходства массового сбыта над разрозненной мелкой розничной торговлей ремесленников, оказывался в зависимости от торгового капитала. Особенно активно купечество разрушало цеховые барьеры там, где ремесленники работали на массовый рынок и на привозном сырье (в сукноделии). В этих условиях там, где сложилось разделение труда между отдельными городами и была высокая плотность населения (Северная Италия, Фландрия) уже в XIV–XV вв. стали спорадически возникать ранние капиталистические мануфактуры.

Купец оказался самой подвижной, динамичной, рискованной, с широким кругозором фигурой в средние века. В определенной степени можно утверждать, что не развитие ремесла, а именно торговля и рынок, а значит, и купец создавали в Европе основу капитализма [Малинин, Коцюбинский]. И именно в Западной Европе. В ней, благодаря городским свободам и традиционному невмешательству государственной власти в экономические процессы, сложился свободный рынок собственни-

ков. Только там с XIV–XV вв. купец начинает почитаться¹. Развитие купечества способствовало формированию устойчивого спроса, что, в свою очередь, стимулировало уже в XIV–XV вв. технический прогресс, невиданный в других регионах. Купцы, часто выступая в качестве предпринимателей – организаторов мануфактур, вносили и в производство новую психологию – идею себестоимости и экономии производственных ресурсов [Сунягин, с. 53–68].

Но капитализм – это не только рынок. Необходимо, чтобы рынок был свободным для всех, не монополизировался властями (как на Востоке) или немногими. Нужна конкуренция массы собственников, что и было подготовлено западноевропейским средневековым развитием. Только в Западной Европе масса собственников сумела отстоять свои права друг перед другом и перед господствующими слоями. Только в Западной Европе город полностью отделился от аграрного мира, постепенно возвысился над ним, вызвав преобразования и в деревне – бастионе феодализма и, тем самым, сделал переход к капитализму массовым [Бродель, 1988].

Развитие городов сформировало все возраставший спрос на сельскохозяйственную продукцию и, одновременно, предложило потребителям массу новых, произведенных на месте и привозных товаров. У феодалов начинали расти аппетиты и, следовательно, потребность в деньгах. В меньшей степени у крестьян (в пригородах) тоже усиливался интерес к рынку. В итоге, с XIV в. товарность проникает и в деревню, разрушая ее натурально-хозяйственный уклад: сокращается и почти исчезает барщина, ведущим становится денежный оброк – по существу – арендная плата за землю, отдаваемая крестьянами феодалам как собственникам земли. Это ведет к ликвидации личной зависимости – крепостного права, с одной стороны. А с другой – к ликвидации монополии феодалов на землю.

С исчезновением внеэкономического принуждения в поместьях, феодала уже не интересовала личность крестьянина. Главной ценностью становится земля, а центр хозяйственной деятельности перемещается в индивидуальное крестьянское хозяйство. В этих условиях роль органа внеэкономического принуждения всего крестьянства начинает играть государственная – королевская власть, представлявшая интересы всего феодального сословия. Это, кстати, одна из причин

¹ Не случайно ведущие западноевропейские мыслители эпохи зрелого средневековья сходились в оправдании частной собственности. Пусть этот институт не рассматривался ими как безусловный, все они, так или иначе, считали его необходимым в реальных условиях, а иные шли дальше, провозглашая собственность неотъемлемым правом, над коим не властен даже человеческий закон [Кудрявцев, с. 166].

заинтересованности феодалов в укреплении центральной власти в XIV–XV вв.

Рассмотренные изменения – ликвидация барщины, переход крестьянского хозяйства на рельсы простого товарного производства – не были безболезненными. Они вызвали в Западной Европе XIV–XV вв. депрессию, кризис роста, перехода от феодализма к рыночной экономике¹. Но эти процессы были ступенью к будущему системному кризису феодального общества, ибо помимо подрыва кое-где феодальной монополии на землю, вторжение рыночных отношений, торгового и, особенно, ростовщического капитала ослабляло финансовое положение дворянства, что не прошло ему даром. Но это – позднее. Пока же феодальная собственность оставалась ведущей. Большая часть денег, полученных за реализацию произведенной крестьянами и сельскими ремесленниками товарной продукции, шла феодалу в уплату ренты, церкви в виде десятины. Растущее применение наемного труда тоже не изменяло природы общественного строя, ибо чаще всего найм осуществлялся по феодальному праву (не только за плату, а за жилье, земельный участок и т. п.). То есть потенциальная возможность перехода к более прогрессивной форме организации общественного производства не реализовывалась. Почему? Феодал, как правило, сам не занимался ведением своего хозяйства. Привыкнув к даровым доходам с принадлежавшей ему земли, он не желал отказываться от привычных, гарантированных (как казалось) роскоши и праздности, чтобы для умножения своего богатства пуститься в беспокойную жизнь предпринимателя. Поэтому переход к новому способу производства обеспечивал новый социальный слой.

Для избавления от хлопот феодал обычно отдавал свою землю арендатору (из богатых крестьян или горожан). Чтобы заинтересовать арендаторов, землевладелец, правда, должен был «повертеться»: перераспределить земельные участки: согнать одних крестьян, потеснить других, что обычно ухудшало их положение, порой доводило до разорения и превращения в сельскохозяйственных рабочих у новых арендаторов². Они стремились организовать производство с прибылью для себя – создавали *фермы*, мелкие капиталистические сельскохозяйственные предприятия, ориентированные исключительно на рынок. Отсюда – стремление их владельцев к максимальному снижению себестоимости продукции и повышению ее количества. Такие фермы были продуктивнее по сравнению с мелкими индивидуальными крестьянски-

¹ Эту депрессию многие западные историки раньше называли «кризисом феодализма». Теперь эта точка зрения уже представляет лишь историографический интерес.

² Наиболее активно эти процессы начались с конца XV в.

ми хозяйствами. Последние же оказывались в заколдованном круге: основная часть полученных от продажи сельскохозяйственной продукции денег шла в уплату ренты и практически не оставалось средств для улучшения агрокультуры, покупки новой техники, сортовых семян и т. д. Это, в свою очередь, консервировало низкую производительность таких хозяйств, относительно высокую себестоимость продукции, что и разоряло крестьян в конкуренции с фермами.

В результате в деревне складывается слой сельской буржуазии: как из фермеров-арендаторов, так и из богатых крестьян-собственников, по дешевке скупавших земли разорявшихся соседей. Сами же землевладельцы-феодалы теперь живут исключительно за счет земельной ренты и превращаются в паразитирующий слой, вызывавший среди третьего сословия все более возраставшее недовольство, переходившее в ненависть. Крестьянство начитает борьбу с помещиками за отмену остатков личной зависимости, против помещичьего произвола, за снижение ренты, а, главное, за землю, за получение ее в собственность. Ликвидация крупной земельной собственности и ее носителей – феодалов и есть основной признак **падения феодализма**.

С требованием земли, неограниченной собственности на нее без феодальных повинностей крестьяне вступают в буржуазные революции. Полная частная собственность на землю с превращением ее в товар наступает в Западной Европе с XVIII в. [Колганов, с. 342]. Таким образом, если вспомнить о **периодизации**, именно это время – XVIII в. – можно считать завершением перехода в Западной Европе к капиталистической экономике и буржуазным социальным порядкам.

Так в недрах феодального общества зародилось капиталистическое производство: феодализм в Западной Европе подготовил и породил из себя капитализм, но не непосредственно, а косвенно. Он стимулировал общественное разделение труда – отделение города от деревни, в ходе которого и возникли чуждые феодальному обществу формы экономики и собственности. Юридические нормы западноевропейского средневековья тоже подготовили капитализм. Вассально-ленная система – основа сеньориального строя – распространила во всех слоях этой цивилизации привычку к договорным началам, к соблюдению контракта с определенными обязанностями сторон. Наиболее ярко все это отразилось в принципе *иммунитета* – права на личную и имущественную неприкосновенность перед вышестоящим сеньором, и даже королем. Идея правовых гарантий легла в основу городского самоуправления. А в борьбе с сеньорами города требовали все тех же иммунитетных гарантий. Но иммунитеты – это частное право, они ос-

нованы на воле их дающего; это – типично феодальная норма. Однако горожане использовали именно ту часть иммунитетных прав, где оговаривались гарантии от произвола. Отсюда – и под влиянием римского законодательства – возникло буржуазное право, гарантировавшее юридические права личности.

Но товарное производство, появившееся в средневековом феодальном обществе, само по себе не вело к капитализму. Оно лишь подготавливало условия его возникновения: привело к развитию специализированного ремесла и появления многообразных, нужных людям вещей, неизвестных в античности и на Востоке (одежды, удобной в условиях Европы, мебели, бытовых предметов). Производство сложных изделий способствовало дальнейшему разделению труда с появлением мануфактур, а также к складыванию кооперации между производителями. Это, в свою очередь, активизировало торгово-посредническую деятельность купцов и, следовательно, товарно-денежных отношений. Всё вместе взятое стимулировало концентрацию материальных ресурсов, ибо только крупное, расширенное производство делало его массовым и дешевым, то есть выгодным, рентабельным. Развитие торговли способствовало концентрации денежных сумм, необходимых для организации крупного производства. В процессе этой концентрации происходило «вымывание» мелких средневековых производителей, прежде всего ремесленников, но, отчасти, и крестьян, разорявшихся от неравных условий в конкуренции с крупным производством. Разоряясь, они теряли источники самостоятельного существования (орудия и средства труда, мастерские, в деревне – землю) и вынуждены были наниматься к более крупным производителям. Маркс назвал этот процесс периодом первоначального накопления капитала.

Среди современных исследователей распространена точка зрения о том, что Маркс, тщательно изучивший процесс первоначального накопления, переоценил роль экспроприации, насилия в становлении капитализма и недооценил роль торгового и банковского капитала [Коцюбинский, Малинин, с. 24–37]. Ибо неквалифицированная рабочая сила, нужная для мануфактур, была в Западной Европе в избытке уже с XIV в. А вот оптовая торговля, банковско-ростовщическая деятельность начала активно развиваться именно с XVI в. Но жестокости и разорение низов в переходный период тоже чрезвычайно возросли.

Отчего же прогрессивная смена одного способа производства и жизненного уклада другим была, по словам Маркса, отмечена в истории «языком меча и огня»? Этого бы не случилось, если бы владельцы капиталов пустили накопленные средства на развитие производства,

что обеспечило бы всех экспроприированных работой. Это могло привести к быстрому и неслыханному прогрессу капитализма.

Но в реальной жизни было далеко не так. Многие капиталы продолжали оставаться в виде сокровищ, использоваться для развлечений и т. п. Богатеющие буржуа имели в качестве образца лишь дворянский образ жизни. Новому социальному слою нужна была и новая этика. Но ее становлению еще долго мешала средневековая идеология, которую еще в IV в. выразил Св. Иероним: «Богатый человек либо вор, либо сын вора». Лишь Реформация в XVI в. отнесла этот тезис к богатствам клира, но она же дала людям религиозную санкцию на пользование каждому плодами собственных трудов¹. Не случайно капиталистическая экономика развивалась, прежде всего, в протестантских странах [Дьяконов, с. 165–166]. То есть капиталистические элементы до XVI в. упирались в традиции, средневековую корпоративность, экономическую монополию цехов, в феодальное сельское хозяйство.

К тому же новые веяния своеобразно воспринимаются наиболее «продвинутыми» представителями средневековой элиты. Новая феодальная знать, для которой деньги уже сделались «силой всех сил», проявляют неведомую сонному средневековью практическую энергию и хитрость. В их среде развивается неведомое ранее оголтелое приобретательство, распространяющееся на все общественные слои. Деньги еще не ощущаются как капитал, но их уже копят. А соединение жажды их с феодальными привычками и правом на насилие, с вотчинным произволом и властолюбием ведут к авантюризму и хищной алчности. По Марксу, именно на деятелях позднего (приобретательского) феодализма, а не на первых представителях буржуазного предпринимательства лежит вина за ту «*кровь и грязь*», которую новорожденный капитал источает... из всех своих пор, с головы до пят». В нашей литературе нередко тогдашний гедонизм, эгоизм, расчетливость, алчность, беспринципность и т. п. соотносятся с капиталистической хозяйственной практикой. «Буржуазный» к этим порокам постоянно добавляется в качестве эпитета. В действительности эти установки древнее капитализма и утверждаются всюду, где происходило разложение общинно-патриархальных порядков и особенно циничны они в неофеодальных верхах, эксплуатирующих сам кризис средневековых устоев. Именно их критикует сама ранняя буржуазия, начиная с лютеровского протеста против индульгенций и кончая социальными диагнозами Монтеня, физиократов, просветителей. Дело не только в том, что из-под пера

¹ Показательны колебания по отношению к богатству у Эразма Роттердамского: от «*деньги – зло*» до «*имущественное благополучие сообщает жизни привлекательность*» [Урманова, 1989].

образованных аристократов выходят почти нищие по духу манифесты вседозволенности. Но меркантилизирующиеся феодальные верхи насаждают в обществе безнравственную интерпретацию самой нравственности, ядром которой становится макьявелически-иезуитская формула «цель оправдывает средства» [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 770; Три каравеллы, с. 70–72].

Поэтому на долю процесса первоначального накопления выпала, главным образом, разрушительная работа по насильственной ломке веками сложившихся отношений. Безжалостно, «по живому», этот процесс разрезал сросшийся в одно целое труд и средства производства мелких товаропроизводителей, разорял их, изгонял из домов своих предков на большую дорогу. Он лишал экспроприруемых средств существования, заложенных в различных феодальных институтах и привел в движение все слои общества¹.

Но, анализируя процесс становления капитализма, Маркс и его последователи абсолютизировали жестокости эпохи первоначального накопления, перенесли крайности ломки старого и становления нового на дальнейшие этапы существования капиталистического общества. По словам О. Богомолова, «Маркс, возможно, «детскую болезнь» капитализма принял за его старческие немощи». Еще резче высказался экономист Е.Г. Ясин: «Карл Маркс, анализируя развитие современного ему капитализма, допустил грубую ошибку, восприняв трудности начала капитализма, его индустриальной стадии, как признаки его конца» [<http://www.echo.msk.ru/blog/yasin...>]. Современный капитализм через научно-техническую революцию преодолел свои крайности [Дилигенский, 1993, с. 52; Новикова, 1992, с. 15; Тишков, 1989, с. 135].

В разных странах связь между явлениями первоначального накопления и складыванием капиталистического производства выглядела по-разному. В силу этого начало капиталистической эры представляется весьма размытым. Даже для наиболее динамично развивавшихся западноевропейских стран исследователи не могут прийти к единому мнению о началах новой эпохи. Трудности – в установлении того момента, когда скупщик-раздатчик превращался во владельца рассеянной мануфактуры, и когда складывалась сама эта мануфактура. Ибо в реальной жизни старое было тесно переплетено с новым. Элементы

¹ XVII в. в западноевропейских городах характерен эпидемией роста торговли. Все облепили лавочки, что часто даже возмущало остальных жителей, которые обвиняли торговцев в желании обогатиться не прикладывая сил. Но это – типичное проявление частной инициативы в условиях исчезновения старой формы занятости [Бродель, 1997, с. 304–305].

предпринимательской деятельности в сукноделии стали появляться еще в XIII в., а участие в производстве купцов (элемент феодальной экономики города) продолжались и в XVII в. Даже в спаянной единой методологией советской историографии одни исследователи начинали отсчет капиталистической эры с первых буржуазных революций XVI в. (В.И. Рутенбург), другие считали, что в XVI в. проявлялся лишь только капиталистический уклад, сосуществовавший с феодальным и лишь в XVII в. ставший ведущим (М.А. Барг). Но и в XVIII в. в Западной Европе продолжали существовать феодально-абсолютистские государства, а также, как отмечалось выше, типичные средневековые традиции. Торговля, несмотря на значительный количественный рост после Великих географических открытий, в XVI–XVIII вв., как отмечалось, еще оставалась в основных чертах, такой же, как в древности и средневековье. С середины XVII в. началось активное познание окружающего мира наукой [Уткин, с. 21]. С ее помощью в XVIII в. в Западной Европе произошел промышленный переворот – стало развиваться машинное производство – основа капиталистической экономики¹. Индустриализация вызвала огромные изменения в культуре. Если еще в XVI–XVII вв. в ней сохранялись средневековые теологические и схоластические черты, то эпоха Просвещения превратила прежние элитарные ренессансные идеи в массовые [Бэрк, с. 12–13, 29, 51]. Наверное, правы Барг и Ивонин, выделившие XVI–XVIII вв. в переходный период – время становления капитализма в западноевропейском масштабе [Барг, 1985; Ивонин, 1987; Рутенбург, 1984].

Происходившие преобразования порождали, однако, новые проблемы. Переход от традиционной средневековой цивилизации к технологической цивилизации Нового времени изменил отношения человека с окружающей средой. От сосуществования с ней, что было характерно и для Востока, западноевропейское общество начало переходить к господству человека над природой. Высшей целью существования становилась не стабильность, а – за счет свободы индивидуальной деятельности – рост, прогресс. Но в этом была заложена бомба замедленного действия. Основоположник геологии и металлургии как науки, немецкий ученый Агрикола в 1550 г. писал о том, что доходы от рудников позволят возмещать местным жителям ущерб, который эти рудники приносят [Баландин, Бондарев]. Такой потребительский подход к природе был характерен для зарождения эпохи естествознания

¹ Именно машинное производство было основой капиталистической экономики, а не наемный труд сам по себе, ибо он существовал и в древности, и в средние века, причем даже в сельских общинах – вспомним наемных пастухов в славяно-византийских общинах VII–VIII вв. (по Земледельческому закону).

и знаменовал собой переход к техногенной цивилизации, породившей современные экологические проблемы.

Любой прогресс – относителен: что-то приобретая, человечество что-то и теряет. Важно при этом выдерживать оптимально возможное соотношение приобретений и потерь. Со становлением капитализма обозначились потери и в человеческих отношениях. Рынок создал и создает только экономическую свободу и безразличен к полноте бытия. Протестантская этика внесла в рыночную экономику нравственное начало, не изменив, однако, ее законы (М. Вебер)¹. Жить стали более обособленно. Не зря во французском языке в XVII в. появилось слово *интим*, а с XVIII в. распространилось понятие *личность*. В средние века жили как бы теснее [Капустин, 1995; Кон]. Многих и теперь пришедший с капитализмом индивидуализм раздражает. Но именно он, породив конкуренцию, как отмечалось, способствовал тому динамизму, который с рубежа Нового времени стал присущ западной цивилизации.

Однако зародился индивидуализм не в процессе развития городской экономики и рынка, а много ранее, еще при становлении средневекового западноевропейского общества из рассмотренного в начале главы сочетания германского аллода и античного законодательного оформления прав собственности. Этот синтез породил у средневековых западноевропейцев осознание личной ответственности за свою земную судьбу². Безусловно, индивидуализм – не самое лучшее качество в межчеловеческом общении, и он, наряду с другими факторами, принес много страданий и самой Западной Европе, и ее ближним и дальним соседям. Но нынешнее состояние западной цивилизации свидетельствует, что именно ее основополагающие черты, сформировавшиеся еще со средних веков, способны обеспечить личности наилучшие условия для существования.

Постепенное накопление изменений переросло из количества в качество с рождением нового человека эпохи Возрождения, что отразилось в появлении мореплавателей-первооткрывателей и конкистадоров, начавших эпоху Великих географических открытий. *«Поведение европейцев меняется особенно резко начиная с XVI–XVII вв. Именно в эту эпоху они активно «взрослеют» и в глазах иноземцев предстают беспокойными, вечно занятыми людьми, мешающими остальным жить мирно и беззаботно. Европейцы казались слишком «быстрыми»* [Бу-

¹ Как заметил Папа Иоанн Павел II, *«у рынка нет нравственности, он лишь отражает нравственность или безнравственность его участников»* [Квирквелия].

² Рынок, частная собственность и т. п. – не условие жизни Запада, а следствие развития человека Запада [Красильщиков, с. 5], что отразилось и в провозглашенной Реформацией роли личной ответственности человека.

ровский, с. 145]. Как показал исторический опыт, действительно, бурный и устойчивый рост производительных сил в итоге был достигнут только в западноевропейской социально-экономической системе, т. е. в рамках западной цивилизации¹.

Дальнейший сравнительный анализ особенностей иных средневековых обществ позволит, надеемся, представить дополнительные аргументы в подтверждение обоснованности сделанного вывода.

Глава 2 ВИЗАНТИЯ

Это – особая средневековая цивилизация, в которой античное наследие причудливо впитало в себя восточные элементы: «Византия была мостом в Азию, но движение по этому мосту шло в обратном направлении... Даже христианству в ней было суждено овосточиться» [Бродский, с. 373]. На протяжении всей своей истории Византия теснее, чем с Западом, мирно и враждебно была связана с народами Востока [Византия..., с. 8]. Она – единственное европейское государство раннего средневековья с детально разработанными нормами классического права частной собственности. Но Византийская империя – единственная же страна европейского средневековья, в монархическом строе которой существовали черты древних азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, поскольку и пока это было угодно деспоту; своеобразной собственностью были они сами [Питаврин, 1999, с. 8].

Византия унаследовала от Позднего Рима сложившуюся в нем вертикальную структуру управления – т. наз. вертикаль власти. Собственно, эта – этактистская – форма управления естественно вытекала из племенных патриархальных традиций, из т. наз. потестарного общественного устройства, ставшего основой всех раннеисторических государств, сложившихся на Древнем Востоке. Так же было устроено и раннегреческое общество до прихода дорийцев – Эгейский мир. И та же система сложилась у греков после восточного похода Александра Македонского. Очевидно, условия воспроизводили форму управления. Учитывая обширность азиатских и африканских владений ранней

¹ Хотя, когда в наше время капитализм, по сути, остался без соперника (вспомним Ф. Фукуяму с его «Концом истории»), его монополия привела, по словам экономиста Р.С. Гринберга, «к наглому, я бы сказал, абсолютно беззастенчивому триумфализму» [[http://www.svobodanews.ru/content/...](http://www.svobodanews.ru/content/)]. Оказалось, как и всегда и везде, необходима конкуренция.

Византии, «вертикальное» устройство государственной власти было вполне органичным. Даже несмотря на наличие римского права, кодифицированного, что характерно, при наиболее значимом и успешном познеримском / ранневизантийском императоре – Юстиниане. Это право не стало помехой авторитарной власти, не мешало Юстиниану утверждать, что воля императора выше закона. Не мешало именно потому, что для большинства населения страны такие порядки были органичны. Аристократия имела ресурсы манипулировать верховной властью, ибо от республиканского прошлого пришло почитание самой власти, а не конкретной личности, что делало саму эту власть неустойчивой, без права безусловной передачи ее по наследству. Вспомним не только частые смены династий, сколько постоянную борьбу за трон внутри их. По сути, династии представляли собой олигархические кланы, соперничество между которыми постепенно ослабляло страну, что становилось критичным при усилении западных или восточных соседей. Для которых богатая Византия всегда была привлекательной. Централизованная власть подчинила себе изначально внешнюю под отношению к ней церковь. В итоге последняя не стала, как Римская, другой силой в обществе, что еще больше укрепляло властную вертикаль.

Надправовое положение императора и элит рождало произвол и на низших ступенях социальной лестницы. Власть могла без суда отобрать частновладельческие земли и принудить собственников к обмену их владений. Это отличает поземельные отношения в Византии от раннесредневековой Западной Европы, где, как отмечалось, собственность формировалась на иных принципах и при слабой центральной власти. В соответствии с этим в Византии в IV–V вв. сложилась патристическая концепция, согласно которой частная собственность на землю столь же немыслима, как таковая на воздух и солнечный свет, и принадлежат все они Богу. Путем подстановки получалось, что верховным собственником земли оказывался обожествляемый и олицетворявший государство император, а вся собственность – подвластной казне [Каждан, с. 97–98]. Отчего так сложилось?

Благодаря наличию, наряду с рабами, значительного свободного трудового населения и лучше сохранившимся, чем на Западе, хозяйственным связям, в раннесредневековой Византии осталась и старая, познеримская государственная машина с развитой бюрократией. Последняя не позволила сложиться такой экономической и политической самостоятельности различных групп землевладельцев, как в среде германского расселения. Отсюда отсутствие иерархии в феодальной среде, что, например, чрезвычайно удивило западных крестоносцев

во время Первого крестового похода. Положение в общественной иерархии здесь определялось не владением землей, а должностью, что делало правящую элиту в большей степени зависимой [Чекалова, Поляновская, 1996]. Здесь не формируются иммунитеты. Наоборот, государственная власть, благодаря работавшей фискальной системе, сохраняет экономический контроль над всеми земельными владениями. В деревне долгое время оставались прочными общины, в которых крестьяне оказывались лишь квазисобственниками, что больше напоминало порядки в общинах Востока¹. Сохранение старой аристократии, мощной бюрократии и горожан сделало господствующий слой Византии более многочисленным, чем на Западе, что увеличило поборы с трудового населения и тоже затрудняло хозяйственное развитие.

Все это, несмотря на высокий уровень духовной культуры, преобладавший западноевропейский, особенно в раннем средневековье, не создало условий для динамичного хозяйственного развития Византии, способствовало ее отставанию от Запада и сближению с Востоком. Особенно это проявилось после XI в. – с эпохи крестовых походов, когда начинается угасание специфической византийской цивилизации. В это время, однако, начали развиваться некоторые черты, напоминавшие западноевропейские, прежде всего – усиление частновладельческих прав на землю, что способствовало и росту независимости феодалов от центральной власти². Но длительная взаимная борьба ослабила обе ветви господствующего сословия. В итоге, слабела и страна в целом: и ее экономика, и политическая система. А это оказалось губительным в условиях консолидации соседей Византии. Как жестко, но, думается, справедливо заметил американский историк Родни Старк, *«Византия... просуществовала еще много веков, и жители Восточной империи в исторической перспективе только проиграли вследствие ее живучести»* [<http://www.svoboda.org/content/transcript/25432588...>].

¹ Хотя к XIII–XV вв. держатели земли более 30 лет становятся почти собственниками, а через 2-3 поколения – безусловными собственниками наделов, коллективистское сознание крестьян сохранялось. Право первоочередной покупки земли оставалось за соседями – членами той же общины. Сохранялась и круговая порука по отношению к государству (караульная служба, подати). Община продолжала контролировать отвод и продажу земельных участков, что напоминает порядки в индийской общине [Вин, 1992].

² Это было не подражание Западу, а естественное развитие собственно византийских порядков, в которых, как отмечалось, были заложены оба начала: восточное (сильная государственная власть) и западное (юридически оформленная частная собственность). Характерное для поздней Византии предпочтение собственным купцам иностранных (итальянских) в условиях экономического упадка было как раз проявлением восточных традиций [Город...., 1990, с. 145].

Если в раннем средневековье, сильная унаследованной от восточной части Римской империи государственностью, страна успешно оборонялась, прежде всего от кочевников с Востока и Юга, то в ближе к концу XI в. она терпит жестокое поражение от турок-сельджуков, в начале XIII в. ее разгромили крестоносцы, а XIV – первая половина XV вв. вообще проходят под знаком агонии в неравной борьбе с турками-османами.

Города, богатые и развитые, населенные высококвалифицированными мастерами и опытным торговцами, устанавливавшими связи с далекими иностранными государствами, прежде всего на Востоке, вплоть до Индии, мало чем напоминали западноевропейские. Скорей они были едва ли не копией восточных, где государственная регламентация сковывала инициативу торгово-ремесленных корпораций. Это, кстати, ослабляло византийские города перед лицом конкуренции с торговыми республиками Европы, будь то Венеция или Флоренция. С конца XII в. в ходе этой конкуренции экономическое превосходство европейских городов с их все более энергично развивавшейся частной собственностью и неконтролируемой феодальными властями рыночным хозяйством становится все более очевидным. Именно с этого времени пути Западной Европы и Византии расходятся окончательно. И речь не только войнах с крестоносцами или с Венецией, в которых время от времени Византия терпела поражение. Гораздо существеннее то, что в силу сходства византийских городов с восточными, в них не победили рыночно-частнособственнические отношения [Фадеева, 1998, с. 77–78]. Парадокс византийской земельной собственности, состоял в том, что ее юридический статус эволюционировал как бы вспять [Хвостова, с. 185].

Получилось так, что начавшееся в Византии с XI в. некоторое усиление близких к западноевропейским феодальных институтов, которое сопровождалось, как и в других европейских регионах, усилением центробежных тенденций, совпало (как, кстати, и в древней Руси) с накоплением на восточных границах ослабевшей империи огромного агрессивного потенциала¹. В итоге Византия сначала попала под влияние бурно развивавшегося итальянского купечества. Затем (после Четвертого крестового похода), ослабленная своим неспешным и противоречивым развитием (медленным изживанием восточно-деспотиче-

¹ Западная Европа в аналогичный по стадии критический период своего развития оказалась избавленной от внешних опасностей (норманские набеги в IX–X вв. не имели катастрофических последствий из-за малочисленности нападавших). В Византии же процесс децентрализации пришелся на XII–XV вв., когда с Востока одна за другой «нахлынули» две разрушительные волны кочевых набегов – тюрков и монголов.

ских черт) страна стала жертвой турецкой экспансии. Падение в 1453 г. Константинополя – печальный, но в тех условиях неизбежный финал тысячелетней истории империи.

В развитом средневековье Византия сохранила свои прежние двойственные черты, обращенные и к Западу, и к Востоку (как в гербе Палеологов – двуглавом орле). Очевидно, восточные элементы в ней все же перевесили. Отсюда традиционная обособленность от Запада православной культуры, ее ориентализация [Васильев, 1998, с. 38; Фадеева, 1998, с. 76–78]. Для этого были и объективные условия. В раннем средневековье культура страны, как известно, превосходила западную. Четвертый крестовый поход и временное господство латинян в XIII в. усилили всенародное отторжение западной, католической культуры. Но и Восток был чуждым. Так Византия оказалась в тупике.

Глава 3 ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Здесь, в отсутствие античного влияния, развитие шло естественным путем. Но германцы, проживавшие между Рейном и Эльбой, в течение VIII в. были завоеваны франками, насадившими там свои порядки. И с тех пор история этих земель развивалась в русле западноевропейской цивилизации, хотя и с некоторым сдвигом по времени. Процессы феодализации, формировавшиеся здесь под франкским влиянием, начались лет на 200 позднее и сеньориальный строй с зависимыми крестьянами установился в XI–XII вв. Возможности восточной экспансии в Заэльбье долго позволяли восточногерманским феодалам решать возникавшие социально-экономические проблемы экстенсивно, что замедляло общее развитие этого региона и даже привело в XVI в. ко «второму изданию крепостничества».

Более плавно (или замедленно) происходило развитие восточной части центральноевропейского региона, входившего в ареал славянского расселения. Еще античные авторы обратили внимание на отличие германской части Центральной Европы от восточной, названной ими сарматской. Хотя Тацит и заметил, что тамошние жители отличались от сарматов. В данном контексте важно подчер-

кнуть, что этнические различия двух регионов были заметны уже в те времена. Впрочем, раннеславянский этногенез, несмотря на уже более чем столетний период его изучения, все еще остается предметом дискуссий¹. Основная причина – отсутствие письменных источников о славянах до VI в. и неоднозначность относящихся к более раннему времени археологических материалов [Петрухин, 1995, с. 12–13]. Тем не менее, к территории первоначального сложения славянства по совокупности всех данных можно отнести регион от Повисленья на западе до лесостепного Правобережья Среднего Днепра на востоке, ограниченный Припятским Полесьем на севере, Карпатами и Причерноморскими степями – на юге. Начало славянского этногенеза приходится, по всем данным, на последние столетия I тыс. до н.э. Закончился он периодом сложения пражской культуры (VI–отчасти VII в.), неотличимой на обширной территории Восточной и Центральной Европы [Лесман, 1989; Мачинский, 1989; Седов, 1995; Седов, 1998; Седов, 1999; Славяне и Русь; Флиер, 1994; Щукин; Goehrke, 1992, S. 19–20]. В V–VI вв., вследствие климатических изменений и гуннского набега конца IV в. началось активное расселение славян во всех направлениях. В Центральной Европе они освоили Полабье, Средний Дунай и вышли за географические пределы региона – на Балканы. С VII–VIII вв. отмечена активная славянская колонизация областей балтского и финно-угорского обитания в Восточной Европе.

На всей территории славянского расселения долго сохранялись сильные общины, препятствовавшие появлению аллода [Риер, 2000, с. 204]. Причины прочности общинных связей лежали, прежде всего, в особенностях природной среды: большая, чем на западе континента, лесистость, более континентальный климат с меньшей продолжительностью теплых дней в году. Отсюда – при общей меньшей плотности населения – потребность в коллективном, совместном труде, особенно при подсечно-огневом земледелии. При этом рельеф, в отличие от скандинавского, не разграничивал уголья отдельных семей, позволял большим семьям сохранять общее землепользование и совместный труд на таких владениях. Обследованные археологами западнославянские поселения вплоть до конца I тыс. демонстрируют наличие единого хозяйства больших семей, а начало обособления индивидуальных крестьянских дворов там относится лишь к X–XI вв. [Риер, 1996, с. 115; Риер, 2000, с. 190–

¹ Современные обзоры проблем и концепций славянского расселения и этногенеза см.: [Алексеев; Рассадин, 2009; Рассадин, 2011; Риер, 2016, с. 181–200; Седов, 1994; Седов, 1995; Godłowski, 2000].

191; Łosiński, S. 308; Pitterová; Meřzinský; Die Slawen, S. 167–171; Herrmann, 1965, S. 20; Donat, 1970]¹.

Долгое сохранение верховенства общины в поземельных отношениях ограничивало права возникавшей с VIII в. знати, в том числе и князей, на землю. В обществе не сложилось представление о возможности отчуждения земли отдельной семьей. Аристократия распоряжалась землей как административная и политическая власть. Но не могла, в отличие от западных сеньоров, иметь землю в личном владении и раздавать ее на таких же правах своим приближенным. То есть не складывалась вассально-ленная система. Военные слуги оставались при княжеских дворах и не могли превратиться в военно-служилое сословие. Поэтому в ранних государствах, которые стали возникать в IX–X вв., великоморавские князья, чешские Пржемысловичи, польские Пясты, а также венгерские Арпады, в отличие от элит Западной Европы, оказывались не только самыми крупными землевладельцами в своих странах, но и единственными. Они имели право распоряжаться всей землей и жившими на ней людьми, но не как частные лица, а как правители. Опирались они не на местных, автономных феодалов, как у франков, а так называемую «градскую организацию» – родственников и приближенных, которым они поручали управлять отдельными землями от своего имени². Поэтому крупное землевладение возникало по принципу кормлений, то есть, не закреплялось в наследственные владения. В отсутствие традиций отчуждения земель в частные владения всё правящее сословие здесь жило не за счет принадлежавших ему земель с крестьянами, а за счет государственных доходов, которые собирались с тех же крестьян в государственную (княжескую) казну³. Крестьяне оставались лично свободными (дедичи), наследственными держателями земель в общинах. Не складывалось и крупного частного землевладения – сеньорий. А в личных усадьбах знати работали рабы

¹ Основываясь на археологических материалах VI–VII вв., Г.Г. Литаврин пишет об индивидуальных крестьянских усадьбах у славян на Балканах [Литаврин, 1999а, с. 529–531]. Но это – влияние Византии, на коренных землях обитания славян и в зоне их расселения в отдалении от античного мира таких свидетельств нет.

² Они сидели в резиденциях – «градах» и от каролингских графов отличались тем, что не имели частных владений на управляемых территориях, то есть целиком зависели от направивших их князей.

³ В XI–XII вв. в Польше и Чехии крестьянские общины централизованно эксплуатировались корпорациями воинов, одновременно являвшимися и административным аппаратом раннефеодального государства [Флоря, 1992]. В отличие от Западной Европы в процессе становления феодализма здесь преобладали коллективные формы присвоения ренты верхами [Галямичев].

(как у франков при Меровингах)¹. Поэтому также долго не формировалось мелкое землевладение служилого слоя – рыцарей, задерживалось их оседание на землю.

Феодализация здесь состояла не в личном (юридическом) закабалении крестьян сеньорами, как на Западе, а в потере ими прав на свободное владение землей по старым общинным традициям. Земля становилась государственной, и за нее платили налог. В этом – особенность феодализации в Центральной Европе [Тржештик, 1987]. Но такое развитие замедляло структурирование славянских обществ – господствовавший слой складывался в особое сословие медленно². Начавшись в VIII–IX вв., этот процесс завершился лишь в XI–XIII вв.

С XI–XII вв., как отмечалось, усиливаются индивидуальные права крестьян на надель, а знать, особенно с XIII в., начинает получать от князей землю и иммунитетные привилегии, принятые в Западной Европе. Такое развитие во многом было связано с западным влиянием: через политические и личные контакты (Чехия; вспомним, вообще с X в. была вассалом Священной Римской империи), через католичество, через немецкую колонизацию и экспансию. Сказывалась общая логика развития европейского феодализма с индивидуализацией хозяйственной деятельности и личных прав.

Но переход на западную модель феодализма спустя примерно 200–300 лет сказался на всем дальнейшем развитии региона. Рыцарство здесь распространяется и начинает оседать на землю лишь с XII–XIII вв. [Макова, с. 130–139; Риер, 1988; Риер, 2000, с. 181–182, 187–188; Durdik; Fiala, Habovštiak, Štefanovičova; Guerquin; Hejna; Kamińska, 1960; Kamińska, 1968; Kašička, S. 21; Kajzer, S. 115; Nekuda, Unger, S. 16–18, 33–44; Šolle, S. 14]. И только с этого времени начинается процесс закабаления крестьянства. Но окончательно оно закрепощается только в XV–XVI вв.

Столь медленное течение социального развития в деревне притормозило и развитие городов. Оставаясь лично свободным, сельское ремесленное население не стремилось отрываться от земли. Городское население росло медленно. Власти, заинтересованные в развитии городов из фискальных соображений, прибегали к поощрению городской колонизации с запада, прежде всего из более многочисленных немецких городов, что ускоряло распространение западных техниче-

¹ Усадьбы были нередко окружены деревнями с так называемым «служебным населением» – посаженной на землю челядью [Флоря, 1987; Флоря, 1992].

² Об этом, применительно к Великой Моравии и ранней Чехии, писал Х. Штойер [Steuer, 1982, S. 421–426]. Архаичность, связь с догосударственными структурами Великоморавского княжества отмечал Б.Н. Флоря [Флоря, 1991, с. 206].

ских достижений, но вело, позднее, к национальным конфликтам. Более интенсивно города стали развиваться с XIII–XIV вв., когда в них извне, с запада, было принесено городское право [Галямичев; Wyrosumski, s. 105].

Развитие городской экономики, однако, отрицательно повлияло на положение крестьян. Как и на Западе, феодалы оказались заинтересованными в увеличении доходов. Однако западный вариант с коммутацией повинностей был здесь невозможным из-за того, что большинство крестьян, как отмечалось, еще оставалось лично свободным. Произвольно повышать ренту было и затруднительно, и опасно, ибо нарушало традиции. Но растущий спрос городов на продовольствие сулил землевладельцам большие выгоды. И с рубежа XIII–XIV вв. начался процесс наступления на земельные права крестьян, на общинные угодья. Заинтересованные в рабочих руках, феодалы добивались от власти прикрепления крестьян к земле, что и привело к появлению крепостного права в XV–XVI вв.¹

Таким образом, развитие городов в Центральной Европе в силу медленного формирования феодальных порядков в деревне привело не к реорганизации, как на Западе, форм крестьянской зависимости, а к укреплению ее в той форме (крепостничество), которая в западноевропейских странах была уже изжита. В итоге феодальное общество в регионе укрепилось, что при переходе к новому времени отрицательно сказалось и на развитии городов². Общие социальные процессы региона замедлились, и он надолго превратился в аграрный придаток Западной Европы.

В политическом же развитии региона происходило его постепенное сближение с Западной Европой: формировалась королевская власть и сословно-представительные монархии, система вассалитета³. Сближала центральноевропейское население с западным и общая католическая идеология, а также вышедшая из нее латинская культура.

¹ Следует заметить, что в полемической литературе того времени часто польские крепостные сравнивались с рабами, но это если не сравнивать с российскими порядками того же времени, что, например, неприятно поразило самого известного русского политэмигранта – оппонента Ивана Грозного – князя Курбского, который, бежав от царя за личной свободой, не мог принять наличие хотя бы элементов таковой у низшего сословия в Речи Посполитой [<http://www.novayagazeta...>]. Очевидно, здесь сказывалось влияние западноевропейских юридических норм.

² Как заметил историк Александр Янов, «в ходе самодержавной революции Грозного во второй половине XVI века крепостное право заблокировало каналы формирования среднего класса» [<http://polit.ru/article/2012/07/19...>].

³ В польских землях это становится заметно с XIV в. [Дмитриев, Флоря, Яковенко].

Как видно, развитие центральноевропейского региона шло в направлении сближения с западной цивилизацией, но разница в исходных условиях и темпах привела к отставанию народов рассматриваемой территории, что спровоцировало хозяйственную и политическую экспансию более развитого Запада. Она, наряду с другими причинами, способствовала ликвидации государственной самостоятельности Чехии и Венгрии в XVI в., Польши в XVIII в.

В итоге, Центральная Европа, территориально и культурно близкая Западу, постепенно воспринимала западноевропейские ценности. Но разные исходные уровни предопределили отставание, не изжитое и поныне. К тому же, поскольку западноевропейские порядки проникали сюда «сверху», через правящие элиты, они оказывали лишь опосредованное влияние на ментальность широких масс центральноевропейского населения, сохранившего некоторые раннесредневековые черты [Уткин, с. 39–40]. С другой стороны, именно «память о гарантиях частной собственности и гражданском обществе» определяет направленность нынешнего развития центральноевропейских (бывших социалистических) стран [Уроки...]¹.

Прибалтика

Своеобразным было **становление средневекового общества в Юго-Восточной Прибалтике**. Географически этот регион тяготеет к Восточной Европе, на просторах которой сложились и расселялись балтские племена, чья ранняя история отразилась в многочисленных археологических культурах железного века. Поэтому балтская тематика традиционно включается в обобщающие разделы и штудии о восточноевропейских древностях и средневековье [Финно-угры...²]. В своей монографии о средневековой деревне Восточной и Центральной Европы я тоже привлекал материалы из балтских земель для сопоставления именно с восточнославянскими историческими процессами [Риер, 2000, с. 177–178]. Такой же подход присутствовал и в первой попытке осмыслить развитие средневековых обществ³ [Риер, 1997, с. 109]. В эпоху бурных переселений второй половины I тыс. н.э. балты,

¹ О месте Центральной Европы в европейском пространстве см. дискуссию: [Лиссабонская конференция...]. Хотя в публикации изложен спор современных писателей, но в ней четко, с разных точек зрения обозначены особенности региона, сформировавшиеся в средние века.

² Там же представлена основная библиография.

³ Здесь, впрочем, Восточная Прибалтика не была предметом особого рассмотрения, как и Восточная Европа, из-за специфики учебного курса, которому было посвящено указанное пособие – зарубежному средневековью (регион ведь традиционно изучался в курсе истории СССР).

как и их соседи – финно-угры, не проявляли миграционной активности [Буданова, 2000а, с. 199], что было связано с длительным сохранением в их среде первобытных структур и порядков. Но более пристальный взгляд на дальнейшую роль балтийских племен в Европе потребовал рассмотреть развитие наиболее динамичной части балтов – литовских племен в контексте средневековой истории Центральной Европы.

Анализ археологических материалов свидетельствует, что близость днепровских славян и балтов в I тыс.н.э. преувеличена. Прибалтийские племена тогда испытывали существенное влияние и центрально-европейских археологических культур [Петраускас, Терпиловский]. А в том, что касается общественного развития, археологические данные отражают процессы, аналогичные славянским: от фиксации возникновения неравенства и выделения дружинного слоя с VIII–IX вв., оформления административных и феодальных центров в IX–XI вв. до распространения феодальных замков с XII–XIII вв. [Финно-угры..., с. 21–22, 33, 356–364, 394–395]. Об этом же на основе, прежде всего, изучения письменных источников писали Х. Ловмяньски и Флоря [Łowmiański; Флоря, 1991].

Но, с другой стороны, отдаленность от Запада и потому отсутствие прямых импульсов оттуда до начала немецкой агрессии в XIII в. способствовали медленным темпам развития феодальных порядков, по сравнению с соседним Польским государством, даже в политически более развитых литовских землях. Происходившие здесь процессы в начале II тыс. хронологически отставали и от древнерусских¹. Лишь в XII в. начирнается становление Литовского государства. Медленная, до XIV в. христианизация литовского общества наглядно демонстрирует длительное сохранение архаики в социальных отношениях. Тогда же, в XII–XIV вв. образуется и консолидируется литовская народность [Zabiela, p. 378], что существенно отличается от времени создания польской народности.

Начало хозяйственных и социальных изменения у балтов фиксируются конца VII в. н.э., когда отмечено появление укрепленных усадеб и наборы дорогих украшений – свидетельств выделения знати. Как доказательства появления дружинников интерпретируются погребения с воинским инвентарем. Больше свидетельств о дружинниках у балтов фиксируется с X в., а массовыми они становятся лишь в XI–XII вв.

На рубеже I–II тыс. литовское общество оказалось как бы между центрально- и восточноевропейскими порядками. И в первые века II тыс. некоторые процессы здесь были ближе восточноевропейским.

¹ Аналогичная ситуация складывалась также у соседних латышей и ливов [Назарова].

Так, например, Ловмяньски отмечал отсутствие у литовской знати XIII–XIV вв. крупной земельной собственности [Łowmiański, s. 277–285], что аналогично ситуации с боярским землевладением на Руси (см. ниже). Нет свидетельств и наличия у балтов, как и у восточных славян, традиций безусловного отчуждения земли, подобного западному аллоду.

Но в новейшей литовской историографии есть и иная точка зрения, представленная Э. Гудавичюсом, который пишет о заимствованных у норманнов земельных порядках, названных им «*одальным правом*» [Гудавичюс, с. 30]¹. Нельзя не отметить, что «*типологические параллели из викингов*» Гудавичюса частью историков восприняты критично [Насевич, Свяжынскі]. Они действительно выглядят декларативно. Но, с другой стороны, характер сельского расселения литовцев, причем от средневековья до нашего времени был хуторным, что напоминает северогерманские культурные ландшафты, отражавшее, как уже отмечалось, существование именно индивидуальных крестьянских хозяйств, из которых к середине I тыс. сформировались аллоды [Риер, 2000, с. 197–198].

Можно добавить, что в Восточной Прибалтике хуторное расселение также было обусловлено природой – сельскохозяйственные угодья формировались на свободных от лесов и болот небольших по размерам всхолмлениях аналогично шведским одалям. Так что хуторной, индивидуалистичный характер землепользования вполне мог породить форму, аналогичную скандинавским семейным владениям. Конечно, индивидуальное землевладение в балтийских землях во многом связано и с влиянием крестоносцев. Но если вспомнить, что немецкие порядки укоренились в Прибалтике, а например, в Поволжье, где со времен Екатерины II сложилась большая колония немецких крестьян, не были восприняты местным населением, то вполне можно согласиться с тем, что индивидуальные крестьянские хозяйства и были особенностью балтов – литовцев, причем даже без влияния викингов, которых Гудавичюс привел как дополнительный аргумент [Риер, 2016, с. 345].

Но до начала II тыс. сохранялись и общинные городища [История крестьянства СССР, с. 63–64], что свидетельствует о том, что выделившаяся знать еще не монополизировала в своих руках всю полноту власти. Пик процессов консолидации литовского общества пришелся на время Миндовга – вторую треть XIII в., когда воедино сплелись вну-

¹ Дискуссия по поводу наличия аллода в тогдашней Литве свидетельствует об отсутствии четких признаков частной земельной собственности, а значит, о неразвитости и самого явления. Права на землю определялись лишь давностью сидения на ней и становятся более четкими лишь в XIII в. [Дворниченко, с. 162–166; История крестьянства СССР, с. 64; Похилевич, 1950, с. 191]. Показательно, что до конца XIV в. в ВКЛ отсутствовало юридическое понятие о праве частной собственности [Пичета, с. 45].

тренние и внешние факторы. К внутренним можно отнести укрепление и консолидацию дружинного слоя (знати).

К внешним – ослабление соседей – Руси и Польши вследствие распада на уделы. Агрессивность литовских племен, очевидно, стимулировалась теми же интересами, которые в свое время направляли в римские провинции германцев, искавших там отсутствовавшее среди соотечественников богатство. Литовские дружинники то же самое искали в более богатых древнерусских и, в меньшей степени, из-за удаленности, в польских землях. Эти походы ускорили социальную дифференциацию литовского общества, в котором именно в XII–XIII вв. формировалась собственность знати.

Ускорению развития литовского общества по пути феодализма, и поискам ресурсов в Поднепровских восточнославянских землях у населения, отчасти деморализованного монгольским нашествием, способствовали агрессия крестоносцев. Она же вела к сближению с Польшей, откуда с XIV в. начали активно поступать и постепенно распространяться основные признаки центральноевропейского феодализма, более близкие, как отмечалось, западно-, чем восточноевропейским. Кривская уния 1385 г., а затем и принятие католицизма, ставшего с 1387 г. государственной религией Литвы, еще более усилили это движение в сторону Запада. В течение XIV–XVI вв. Великое княжество Литовское, ставшее полиэтничным, насчитывавшее до 40% православного населения, сблизилось с Польшей и вошло в круг центральноевропейских обществ. Местная аристократия приобщалась к престижным формам польской, немецкой, венгерской и даже итальянской (в Восточной Галиции) культуры. Начался процесс эволюции Западной (Приднепровской) Руси к индивидуализму, частной собственности и правовому обществу. Это относится и к аграрному строю, и к городам [Бардах; Бэцс; Насевич, Свяжынскі, с. 263; Пичета, с. 32; Семенникова, 2000, с. 69–75]. Последние воспринимали западноевропейские нормы внутреннего самоуправления и юридического статуса горожан (магдебургское право) и стали, как выразился швейцарский славист К. Гёрке, как бы переходными между Западной и Восточной Европой [У Цюрюху...]. Нараставшее противостояние с Московией еще более усиливало западную ориентацию ВКЛ. Так княжество вписалось в центральноевропейскую средневековую цивилизационную модель. Но, как и в других центральноевропейских землях, здесь, в отличие от Западной Европы, происходила консервация феодальных порядков.

Показательным, в этой связи, было усиление частной власти феодалов над крестьянами. В Центральной Европе, из-за более поздне-

го формирования сеньориальных порядков и прочности общины, рост товарно-денежных отношений пришелся на иную, более раннюю стадию аграрных отношений – крестьяне в условиях роста городов оставались еще свободными, что, как отмечалось, замедляло и рост самих городов. В итоге феодалы смогли решать свои финансовые проблемы органичным для них феодальным (простите за тавтологию) способом – усилением внеэкономического нажима на крестьян, что и породило постепенное ограничение крестьянских свобод с рубежа XIV–XV вв. вплоть до их полного закрепощения к XVI в., то есть тогда, когда на западе континента крепостничество уже было изжито. Дальнейший рост спроса на зерно в бурно развивавшейся Западной Европе и породил, как известно, распространение во всех центральноевропейских землях самой жестокой формы крестьянской эксплуатации – барщины, которая не только усиливала личное подчинение крестьян, но и пресекала проникновение в деревню рыночных элементов.

Такие аграрные отношения, безусловно, сказались на общественно-политическом развитии этой части Центральной Европы. Слабость городов сделала всесильным дворянство – шляхту, сумевшую создать приемлемую для себя политическую систему: специфическую по форме конституционную монархию, больше напоминавшую президентскую республику с избираемым президентом – королем (что для того времени было органичным). Сказывалось влияние римского права и юридических идей эпохи Возрождения [История культуры, с. 385]¹. Однако происходило это уже за рамками классического средневековья, в Речи Посполитой.

Таким образом, в течение средневековья литовское общество не только определилось как составная часть центральноевропейской цивилизационной модели, но и, в силу специфики политического развития, оказалось, в составе ВКЛ, в едином государстве с приднепров-

¹ В современной белорусской историографии принято подчеркивать демократические, конституционные порядки, элементы правового государства, формировавшиеся в тогдашнем ВКЛ [предисловие А. Белого к статье Р. Бэтса: Бэтс, с. 152–153]. Белый выражает обиду за высокомерное отношение западного исследователя к правовым достижениям в ВКЛ XVI в. Но, возможно, в своей обиде он не замечает, что менторство западноевропейцев происходит от их экономических преимуществ, производных от общих темпов развития их цивилизации и основанных именно на этих преимуществах современных концепциях прав личности. Ведь декларации центральноевропейских конституций о равенстве всех перед законом «повисли в воздухе», по сути, не шли дальше идей английской «Великой хартии вольностей» 1215 г., а в исторической реальности привели к развалу центральноевропейских государств, потере независимости их народов и, в итоге, к общему застою, из которого они теперь выходят именно с помощью Запада. То есть тогдашние декларации о правах человека исторически были незрелыми и потому «не проросли» – **всему свое время.**

скими славянами¹. Последние во время расцвета Великого княжества, а затем и в рамках Речи Посполитой, тоже включились в указанную модель [Риер, 1999в]. Но в Люблине Польша «проглотила» больше, чем смогла «переварить» [Вернадский, с. 264]. Последовавшее у же в XVIII в. поражение польско-литовского государства в борьбе с усилившимися западными и восточными соседями вернуло приднепровских славян – белорусов и украинцев, в лоно восточноевропейской цивилизации, о которой – в следующей главе.

Глава 4 ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Генезис и особенности восточноевропейской (российской) цивилизации

Этот регион существенно отличался от рассмотренных выше территорий Европы, и, в отличие от западнославянских земель, развивался по-особому.

Первооснову отличий следует искать в **природных условиях региона**. Вспомним В.О. Ключевского: «*Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию*» [Ключевский, 1956, с. 46–47]. Особенности эти связаны, прежде всего, с климатом. Более континентальный, чем на Западе и в центральных областях континента, он требовал дополнительных энергозатрат для обеспечения жизнедеятельности людей. Период сельскохозяйственных работ здесь составлял 5–6 месяцев против 8 месяцев в Западной Европе. Соответственно, здесь дольше, чем на Западе, и при более низких температурах зимовал скот, требовались дополнительные ресурсы для отопления и утепления, обзаведения теплой одеждой и т. п. по мнению Л.В. Даниловой, естественный потенциал для ведения хозяйства в России из-за особенностей природной среды был в 2–3 раза ниже, чем в большинстве европейских стран [Данилова, 1998, с. 60; Данилова, 1999; Дулов, 1976; Дулов, 1983; Милов, 1993; Риер, 1999а; Риер, 2000б, с. 18–20].

Л.В. Данилова, впрочем, довольно противоречиво относится к роли природного фактора в общественном развитии. Констатируя лишь опосредованное влияние географических условий на производство и общественный уклад, она в то же

¹ На 1528 г. из примерно 4 млн жителей ВКЛ собственно литовцев насчитывалось лишь около 1 млн, остальные – восточные славяне [Вернадский, с. 191].

время отмечает, что на материалах России зависимость традиционной аграрной экономики от природных факторов прослеживается особенно ярко [Данилова, 1998, с. 58–60]. В этом, вероятно, проявилось традиционное в советской историографии отношение к природным и демографическим факторам в человеческой истории как вторичным. Прав А.К. Соколов, заметивший, что, освобождаясь от навязанных историкам догм, следует прислушаться к аргументам дореволюционной российской историографии, при объяснении объективных естественных начал российской истории отводившей первенствующую роль либо географической среде, либо народонаселению вкуче с той же средой его обитания [Соколов, с. 357]. Недавно были представлены дополнительные подтверждения этого вывода [Клименко, Слепцов].

Необходимость приложения максимальных усилий при аграрных работах в течение короткого времени (из-за частых ранних холодов и поздней весны) консервировала длительное сохранение коллективного труда, традиции «артельности», крестьянских «помочей», «толоки», то есть прочные общинные связи. Они усугублялись демографической спецификой – редким населением, разбросанным на огромной территории, что делало еще более необходимыми коллективные усилия и сплоченность. Все это не только затрудняло, что отмечал Л.В. Милов, качественное проведение сельхозработ и замедляло общее развитие, но и оставило глубокий след в народном сознании, легло в основу ментальности [Милов, 1992; Милов, 1993; Милов, 1998, с. 554–555; Соколов, с. 357–364].

Как уже отмечалось, **восточнославянские племена с VII–VIII вв. начали продвижение на север и северо-восток**, колонизируя балтские и финноугорские земли [Норкунас]. Это движение, весьма вероятно, стимулировалось начавшимся в VIII в. потеплением [Загарульскі, 1998, с. 8–17; Клименко, Слепцов; Мачинский, 1989; Носов, 1998, с. 58–62; Слепцов]. Движение на юг, в Причерноморские степи, было, очевидно, блокировано, прежде всего, опасностями, исходившими от беспокойного кочевого мира. Последнее и определило направление миграций на север и северо-восток, в неприветливые, малоплодородные лесные земли [Буданова, 2000а, с. 201–202]. Происходившая в процессе расселения ассимиляция славянами местного населения обуславливалась более высоким уровнем их земледельческого хозяйства, сложившегося в климатически благоприятных местах первоначального обитания¹. Об-

¹ Происходившие при этом процессы ассимиляции местного населения, когда пришельцы воспринимали отдельные черты балтов и финно-угров, способствовали формированию многих специфических элементов восточного славянства. Не лишены основания рассуждения этносоциолога Игоря Кузнецова: «По генетическому анализу оказалось, что ближайшие биологические родственники именно русских (это то, что до революции называли великороссами) – это мордва и коми, и это наряду, но не в большей степени – славяне. Может оказаться, что наши братья-славяне – очень проблематичные наши биологические родственники. И здесь тоже, скорее всего, имел место перенос славянской культуры на иной генетический субстрат» [<http://polit.ru/article/2007/01...>].

щинные же порядки в еще более суровых условиях Северо-Восточной Европы сохранялись веками.

В принципе, и славянская, и германская **крестьянские общины** в раннем средневековье находились на одном историческом витке (в отличие от античной и восточной) [Хачатурян, 1992] – при переходе от первобытности к средневековью. Такая община, представлявшая собой большую патриархальную семью, по замечанию А.Я. Ефименко, могла в дальнейшем, в зависимости от окружающих условий, развиваться как в комплекс частнокрестьянских владений, так и в передельную общину, известную в России [Алаев, 2000, с. 105]. Но стадияльно славянская община вообще, и древнерусская, в частности, была архаичнее германской марки и ближе к кровнородственной. Оттого формирование крупной земельной собственности на Руси – «окняжение» – опередило, причем существенно, внутреннее расслоение в общине [Данилова, 1994, с. 85–86; Хачатурян, 1992]. У германцев, как было показано, происходило наоборот: сначала аллоды – потом феодалы, что, усилило частные права землевладельцев вплоть до создания специфического западноевропейского сеньориального строя. Обратный же порядок затруднил индивидуализацию землевладения и все последующие процессы феодализации, что мы наблюдали на примере Центральной Европы.

Но если у западных славян, как отмечалось, тесное соседство с западноевропейским миром с XI–XIII вв. все же привело к усилению частнофеодальных – сеньориальных – порядков, приднепровские славяне если и испытывали внешние импульсы, то совсем иные. Здесь и опасности кочевого мира, и влияние византийских государственных традиций на формирующуюся восточнославянскую правящую элиту. К тому же вышеотмеченная природная обусловленность определила и меньшую плотность восточноевропейского населения, что долгое время позволяло решать возникавший в общинах земельный голод экстенсивно – освоением новых земель на севере и востоке, а не интенсификацией хозяйственной деятельности¹. Этот, демографический фактор, отсутствовал в более плотно заселенных западнославянских землях. Поэтому у восточных славян не возникли и аллоды². *«Взаимосвязь, кото-*

¹ Можно вспомнить и восточнославянское расселение в IX–XIV вв. на север и северо-восток, вплоть до Белого моря, и казачество более поздних времен. Такая постоянная колонизация, кстати, сглаживала социальные проблемы в крестьянской среде, ибо, как всегда, насиженные места покидали наиболее активные люди и их сообщества.

² В.И. Горемыкина, например, категорически заявляла, что в древней Руси крестьянские надель с правами отчуждения – миф [Горемыкина, с. 131]. Имеющиеся неясные свидетельства позволяют видеть подобие аллодов лишь с XIII–XIV вв., причем только в северных, черносошных землях [Данилова, 1994, с. 105–107, 276; Дворниченко,

рую местные общины вынужденно культивировали из-за географических и климатических особенностей России, в течение столетий превратилась в привычку и породила ментальность с подозрительным и недоброжелательным отношением к проявлениям явного богатства и явной бедности, с привычкой к эгалитаризму» [Хоскинг, с. 38].

Долго сохранявшаяся прочная коллективистская община стала основой и для формирования в дальнейшем государственного феодализма с деспотическим режимом, и для сложения основных отличий России от других европейских стран [Бородин, с. 413–420; Кузьмин; Маркс и Энгельс, т. 19, с. 405; Милов, 1993; Риер, 1999а, с. 82; Риер, 1999в; Телепень; Чубайс]. Как справедливо отметила Л.В. Данилова, «порожденный больше семейными и патронимическими отношениями, а также общинной организацией дух патриархальности создавал особую ауру в общественном целом России. Им были проникнуты не только село и деревня, но и город, все социальные слои и сферы человеческого бытия – от производства и быта до политического устройства и духовой культуры» [Данилова, 1998, с. 72]. «Принцип уравнительности и отсутствие рыночного сознания оказали влияние на формирование русского национального характера и развитие общества» [Чжао Янь].

Все это, безусловно, не могло не сказаться и на темпах экономического развития, и на особенностях формирования социальных порядков¹. Из-за наличия этих факторов – сильной общины и деспотического государства, подчеркивал Л.В. Милов, в России слабо развивалась частная собственность, причем не только у крестьян, но, в определенной степени, и среди правящего слоя. На заре государственности долгие века бояре имели на правах частной собственности лишь села-усадыбы, т. е. резиденции-жилища и хозяйственные комплексы. Основная же часть средств к существованию феодала поступала через государственные каналы. Еще в большей степени это относилось к возникшему затем дворянству, чьи права на землю стали укрепляться лишь в послемонгольское время, но параллельно с бесцеремонным вторжением государства в их жизнь. В крестьянской

с. 164–165; Риер, 1997, с. 56; Риер, 1999, с. 71]. Недавний анализ общины XIV–XVI вв. в Украине наглядно продемонстрировал, как естественное, в условиях усиления хозяйственной роли дворов, внедрение собственнических прав крестьян на наследственные наделы ограничивалось и общинными традициями, и возникавшим на этой основе государственным (княжеским) контролем [Гурбик, с. 55–125]. А то, что автор называл аллодом, принадлежало не крестьянам, а низшему служилому слою (боярам и землянам в XVI в.), мало отличавшемуся от шляхты.

¹ Здесь уместно вспомнить слова С.Ю. Витте: «община есть ответственность исправных, работающих за лентяев, трезвых за пьяных» [Яковец, с. 209].

же среде «естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства» не помешала сохранению традиций коллективизма [Милов, 1993]¹.

К близким выводам о русской общине приходит и Л.Б. Алаев. Учитывая ограниченность источников о раннесредневековых формах крестьянской организации, особенно в России, он, как отмечалось, критично относится к недостаточно аргументированным построениям, основанным на роли общин: «*«общинность» хороша тем, что никто не знает, что это такое, и поэтому никто не может опровергнуть любые построения»*. Исследователь считает, что в раннем средневековье «*большие родственные (патронимические) общности в структурировании сельского населения в Западной Европе и в России не играли значительной роли*». И, далее – в XII–XV вв. на Руси существовало «*полное преобладание мелких, часто однодворных поселений, практическое отсутствие волостного регулирования, частное (семейное) владение*». Но признает, что «*в Западной Европе становление собственности привело к борьбе общинного и частного начал, из которой победителем вышла частная собственность. На Руси конечная победа осталась за общинной и за частной, вынесенной за пределы общины, навязанной ей сверху*» Последнее относится уже к более позднему времени, после XV в. [Алаев, 2000, с. 192–193].

В этих воззрениях вызывает возражение лишь категорическое утверждение о наличии в древнерусских деревнях частного крестьянского владения. Археология, например, свидетельствует об отсутствии не только у восточных, но и у западных славян (до начала II тыс.) признаков существования обособленных крестьянских дворов, в противоположность таковым (усадебное расположение жилищ и хозяйственных построек, следы оград) у германцев. Нет и свидетельств наличия у вос-

¹ Милов справедливо отмечает, что «*вся история русского народа, особенно специфические черты ведения земледельческого хозяйства, не способствовала вызреванию сколько-нибудь твердых традиций института частной собственности на землю*». И продолжает: «*В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом, была ведущей, основной особенностью характера русского народа, его национального духа*». Поэтому, хотя это и анахронизм, но «*отнюдь не любой архаизм можно ликвидировать без нанесения губительной травмы национальному быту, национальному характеру*». Завершающееся столетие в эту архаичность мало что внесло нового. Земля так и не стала объектом купли-продажи, и, следовательно, капиталы не отвлеклись на земельные спекуляции. И слава Богу, заключает автор. Как показывает мировая практика, капитализм может успешно развиваться и без такого парадоксального товара, как земля [Милов, 1993, с. 87–88]. Заметим, что пока наш автор – ученый – он прав во всем. Но когда переходит к политике – отрывается от фактов и выглядит неубедительно, ибо практических подтверждений успешного развития капитализма без земельного рынка нет.

точных славян индивидуальных полей, прослеженных у германцев с последних веков до новой эры, а также у западных славян с начала II тыс. н.э. [Риер, 2000]¹.

Вернемся к другим истокам специфики восточноевропейской цивилизации. Весьма показательна для понимания особенностей генезиса средневекового восточнославянского общества **проблема соотношения славянского и варяжского элементов в зарождении местной государственности**. Существуют, как известно, многочисленные свидетельства как в пользу скандинавского происхождения местной раннегосударственной элиты, так и в пользу ее восточнославянских корней². Сторонники норманнской теории приводят и византийские свидетельства [Васильев, 1998, с. 475]³, и новое прочтение традиционных и археологических материалов [Лебедев; Носов, 1998; Янссон]⁴. Появились доказательства датского происхождения Рюрика [Кирпичников, 1998; Молчанов]⁵. Несогласные с ними утверждают, что влияние норманнов было, но не стало решающим, что они лишь включились в уже происходившие процессы образования государственности [Ловмянский, 1985]. Славянами считал русов В.В. Седов, соотнесший их с полянами [Седов, 1998]. Г.И. Анохин вообще поместил русов-славян в Южное Приильменье, Рюрика с братьями вывел из новгородских словен, а слово *варяги* – из обозначения новгородских солеваров [Анохин, 2000]⁶.

¹ В этом – один из основных выводов, сделанный мной в указанной монографии. Там же приведены все конкретные археологические свидетельства и соответствующая литература.

² Оставим, естественно, в стороне, многочисленные дилетантские суждения и теории, начатые еще, пожалуй, М.В. Ломоносовым и продолжающиеся поныне [[http://polit.ru/article/2012/07/06/...](http://polit.ru/article/2012/07/06/)].

³ А.А. Васильев допускает, что сообщение о том, что Константин Багрянородный различал славянский и русский (скандинавский) языки, являлось более поздней вставкой [Васильев, 1998, с. 475].

⁴ Е.Н. Носов категорично пишет о том, что в Северной Руси варяги сыграли значительную роль, постепенно утрачивая затем германский быт, погребальные и антропологические черты. О взаимовлиянии славян и скандинавов теперь *«можно сказать во весь голос, отдавая дань национальным особенностям и придерживаясь исторической правды»* [Носов, 1998, с. 81].

⁵ Впрочем, недавний анализ всех имеющихся данных и суждений о происхождении Рюрика в очередной раз продемонстрировал нерешаемость вопроса [Данилевский, 2012; Пчелов].

⁶ Но: русы – вообще не славяне [Конюхов]. При такой полемической категоричности нельзя забывать, что, *«когда этнический фактор становится предметом изучения, возникает опасность внеисторической проекции в прошлое образа национального, чему подвержены многие национальные историографии»* [Каппелер, с. 20].

Представляется, что норманнское присутствие в восточнославянских землях накануне и во время начала складывания первых государственных образований – факт неоспоримый, многократно доказанный, прежде всего многочисленными археологическими свидетельствами. Но степень влияния варяжского элемента на сложение древнерусской государственности – дискуссионна, и вероятно, едва ли в обозримом будущем получит однозначное толкование. Думается, что хорошо организованные варяжские дружины становились определенными катализаторами выделения и обособления местной знати, а при благоприятных обстоятельствах оказывались и во главе процесса формирования нового, государственного аппарата. Примеры хорошо известны. К тому же *«варяги умели перенимать местные правила, обычаи... привлекать местную элиту и включать ее в свой состав. Так, в Южной Италии викинги вводили в слой «управленцев» людей, знавших греческую и арабскую культуры»* [Карпов, с. 7]¹. Но внешний импульс в сложении государственности у восточных славян едва ли был бы успешен без внутренних общественных изменений – появления вождеств. Поэтому для понимания генезиса средневековья здесь важен анализ внутренних процессов [Назаренко, 1996, с. 177–178].

Все это напрямую связано с **проблемой древнерусской государственности**. М.Б. Свердлов справедливо заметил, что жестко установленная в советской историографии связь между появлением классов с классовой борьбой и формированием государства провоцировала историков к удревнению классовобразования на Руси. К этому добавился псевдо-патриотизм и борьба с космополитизмом. В итоге произошло искусственное удревнение всей древнерусской истории. Как обратная реакция – противопоставление «дофеодальной» и «феодальной» моделей, с возвращением у И.Я. Фроянова и его последователей к давним теориям общинно-вечевого строя, городских волостей, городов-государств с аналогиями в античном полисе [Свердлов, 1992].

Представление о том, что уже с IX в. существовало Древнерусское, причем раннефеодальное, государство, шедшее от Б.Д. Грекова, теперь активно оспаривается. Раннее государство, как показывает и история франкских Меровингов (см. выше), не обязательно изначально становилось антагонистическим. До XI в. выделявшаяся в восточ-

¹ Тут уместно заметить, что *«на Западе норманнские завоеватели выступили скорее преемниками чужого государственного и культурного наследия, чем отцами-основателями. Королевства викингов приняли культурное наследство более ранних империй – Римской и Каролингской. Напротив, варяги, пришедшие на северо-восток Европы, оказались абсолютными пионерами. Они не нашли здесь и намека на классическую цивилизацию»* [По, 2003].

нославянских землях знать была еще слишком малочисленной, чтобы существенно изменять традиционный общинный миропорядок и лишь надстраивалась над ним, обременяя крестьян только периодически наездами – полюдьем, а в повседневной жизни используя военную добычу и труд несвободных (челяди)¹. После длительных дискуссий такое государство чаще стали называть *дофеодальным*, *варварским*, а теперь и *дружинным*, в чем подчеркивается отсутствие основных признаков феодальных порядков – поземельной власти представителей знати; права же князей на землю опирались еще на позднеплеменные традиции [Горский, 1999; Данилова, 1994, с. 145, 175–176; Котляр, 1992; Котляр, 1998; Котляр, 1998а; Мельникова, 1992; Мельникова, Петрухин, 1986; Назаренко, 1996, с. 172–176, 180; Свердлов, 1992, Свердлов, 1993; Толочко А.П., с. 24–42; Фроянов, 1991; Хорошкевич]².

Представляется все же, учитывая тенденции общественных процессов – постепенное формирование и развитие именно феодального уклада как ведущего – начальную эпоху становления восточнославянской государственности следует называть *протофеодальной* [Риер, 2000, с. 210].

Здесь уместно заметить, что процессы становления государственности актуальны не только для историков, но и для политологов, ибо на их основе формируются представления месте того или иного государства в современном мире, о его легитимности и праве на определенные территории. Однако, как правило, изучение появления государств в древности и средневековье затруднено крайней ограниченностью источников. Письменные материалы появлялись лишь уже в сложившихся государствах со сложившейся хотя бы минимально грамотной бюрократией. К тому же дошедшие до нас ранние памятники письменности, естественно, крайне фрагментированы, требуют расшифровки и интерпретации. Другие источники – следы материальной культуры (археологические памятники) – слабо отражают социальные процессы.

Поэтому, по мере накопления данных, в изучение проблем становления государственности включились этнологи и антропологи. К настоящему времени накоплен обширный объем исследований в области политической антропологии, позволивший на материалах народов, чья государственность сформировалась недавно или еще на-

¹ Это отразилось в создании аналогичной западнославянской так называемой «служебной организации», связанной с централизованной эксплуатацией при отсутствии у господствующего слоя крупной земельной собственности [Флоря, 1992].

² Этих воззрений придерживаются и расходящиеся в оценках событий IX в. в Киеве, связанных с Аскольдом и Диром, А.А. Горский и Н.Ф. Котляр [Горский, 1999, с. 43; Котляр, 1992, с. 31].

ходится в процессе становления выработать теоретические модели государствообразования и приложить их уже к конкретной истории разных народов¹.

Многообразные формы перехода от первобытности к ранним государствам, традиционно называвшиеся историками племенными союзами, протогосударствами, обществами с военной демократией (с подачи Ф. Энгельса), дофеодальные общества (для раннесредневековой Европы – по А.И. Неусыхину) политантропологи предложили называть *вождествами*². Вождество, по мнению первым применившего это понятие антропологом К. Обергом, являлось промежуточной формой между автономными поселениями и государствами и было выделено на материалах Центральной и Южной Америки, хотя вполне подходило, по мнению другого антрополога, Л. Карнейро, к другим народам и территориям. Позднее еще один американский исследователь – Эдмон Р. Сервис рассмотрел вождества в предложенной им эволюционной схеме между племенем и государством [Карнейро, 2000, с. 87–89]. По сути, то, что Оберг назвал вождествами, были племенными образованиями с местными вождями. Обычно различают *простые* и *сложные* (компаундные, высшие) вождества³.

Простые вождества возникают при объединении малых племен⁴, обычно состоявших из объединений нескольких соседних родственных по происхождению, а следовательно, по быту и языку, родов, которые объединяются в некую более обширную общность с признанием над собой власти вышестоящего в иерархии верховного вождя. Высшее, компаундное вождество – уже более целостное образование с формирующимися дополнительными структурами управления. В них верховные вожди начинают обрастать слугами, уполномоченными проводить решения вождей на местах, куда вожди, в силу обширности территорий, не могли регулярно добираться. «Главными отличиями вождеств являются централизованное управление и наследственный иерархический статус» [Темушев, 2015, с. 8].

Указанный термин широко проник в историческую литературу из-за своей универсальности. Он вполне применим и к предгосударственной Руси, которая прошла этапы от простого вождества к сложному

¹ Подробно об этом см.: [Риер, 2016, с. 14–36].

² Chieftdom (англ.). Русский перевод английского термина ввел этнолог А.М. Хазанов [Хазанов].

³ О совмещении антропологических понятий *вождество*, *сложное вождество* с привычным для историков концептом *племя* см.: [Попов].

⁴ О малых племенах по археологическим материалам Восточной и Центральной Европы см.: [Риер, 2010, с. 33–35].

с середины IX до XI в. [Дворниченко]¹. Продуктивность применения политантропологической терминологии при изучении древнерусской истории представляется несомненной и обосновывается включением ее в общеисторические штудии с сопоставлением с соответствующими процессами в других регионах, что весьма актуально для русистики, ибо ей часто не хватает сравнений с соседями – компаративизма. Последнее особенно актуально для понимания начальной истории Руси, слабо обеспеченной письменными источниками, в отличие, например, от германцев, описанных римлянами. Здесь уместно напомнить, что, *сравнивая, мы начинаем понимать*.

В последнее время сопоставления древнерусской истории с западноевропейской, а также с западно- и южнославянской предпринимались [Мельникова, 2011; Мельникова, 2012; Темушев, 2015; Шинаков, 2009; Шинаков, 2016]. Но они делались русистами, от которых часто ускользают тонкости зарубежных реалий. В итоге иноземные примеры обычно присутствуют в качестве иллюстраций, без анализа их внутренней логики. На это недавно обратила внимание шведский историк российского происхождения, весьма критично оценившая российские заимствования из западной историографии [Грот].

Л.П. Грот обвинила и традиционную, и современную российскую историографию средневековья в копировании одной из концепций германской историографии – *готицизма*, выпячивающего и мифологизирующего роль германцев в европейской истории. В ней она находит не только корни российского норманизма, но и французского Просвещения с его теорией *Общественного договора*. С влиянием последней автор связала и «живучесть» в русской историографии идеи «о славянском народопрарвстве» как исконной черты древнерусской истории, назвав ее реликтом «*утопий давно минувших времен*» (с. 113). Она называет мифом представление, что государственность в средневековой Европе возникла вследствие германских (скандинавских) завоеваний, принесших в первобытные демократии монархическую власть. И этот миф, пишет Грот, Байер, Миллер и Шлецер в XVIII в. перенесли в русскую историографию. «*До тех пор, пока в науке существует эта догма, мысль об автохтонном поэтапном политогенезе в древнерусской истории востребована быть не может*» (с. 114). И далее автор иллюстрирует свой вывод несколькими примерами из недавних публикаций. Особенно досталось видному специалисту по древнерусско-скандинавским связям Е.А. Мельниковой (с. 115–123, 125). О нечеткости использования Мельниковой терминов *вождество* и *дружинное государство* уже приходилось писать [Риер, 2016, с. 299–300]. Но Грот отвергает всю концепцию Мельниковой как методологически неверную, не учитывающую многообразия догосударственных, архаичных форм общественной организации у восточных славян. Грот, хотя в статье это четко не формулирует, очевидно, считает, что варяги, «*безродный Рюрик*» не принесли на Русь государ-

¹ Подробный анализ применения антропологических концепций к раннесредневековому политогенезу был предпринят нами недавно в монографии о становлении государственности в средневековой Европе [Риер, 2016].

ственность. Но какие *архаичные формы* на доваряжской Руси легли в основу последующей государственной организации, Грот не пишет, завершая статью тем, что «*только освобождение от вышеперечисленных утопий может вырвать отечественную историческую мысль из блуждания по кругу или методологического тупика*» (с. 125).

Представляется, однако, что проблема не в нежелании исследователей «оторваться» от сложившихся концепций, а в отсутствии иных, кроме уже «перепаханных» вдоль и поперек источников о социальных порядках раннесредневековых восточных славян. Не случайно столь критичная статья не содержит главного – концепцию самого автора.

В следующей статье того же сборника, где была напечатана статья Грот, очевидно, в пандан ей, представлена публикация, в которой продемонстрировано значение антропологических подходов в изучении славянской истории рубежа I–II тыс. [Алимов]. Автор, констатировав крайнюю ограниченность сведений об общественном устройстве древних славян, на широком сравнительном материале показал, что и «с приходом в славистику антропологических концепций проблемы, волновавшие историков, не утратили актуальности» (с. 157). Но, что важно, новый подход позволяет применять в исследовании древнерусской истории единый для рассматриваемой стадии общественного развития инструментарий и изучать ее в сопоставимых с другими регионами категориях.

Таким образом, антропологический понятийный аппарат позволил уточнить процессы, происходившие в древнерусских землях на рубеже I–II тыс., но новых источников не добавил. Переоценка же известного материала породила новые дискуссии, теперь уже о соотношении привычного и модернизированного понятийного аппарата. Но вернемся к политическому развитию Древней Руси.

С X в. отмечается сначала спорадическое, затем более заметное усиление княжеской власти, что означало начало формирования уже феодальных порядков. В 1097 г. Любечский съезд закрепил за князьями и боярами¹ права на земли отцов, а незанятые земли превращались в государственные, которыми распоряжались князья (но обслуживали знать все еще только жившие по княжеским и боярским селам зависимые). Так появились волости (от глагола *володети*). Режим Любечского съезда, отметил А.П. Толочко, ввел понятие волости как условного держания, бенефиция, жалуемого пока еще только киевским князем. К этому времени были исчерпаны юридические основания, на которых строили отношения их отцы. Родовой суверенитет разрушался – возникли земельные держания нового типа – бенефиции² [Толочко А.П., 1992,

¹ Кстати, по мнению В.Я. Петрухина, *боляре* – тюркское заимствование, обозначение старшей дружины [Петрухин, 1992].

² Вероятно, не следует так просто, как это делает Толочко, переносить западноевропейские понятия на восточнославянские порядки, не знавшие античных юридических принципов. Впрочем, в ином месте своей монографии автор справедливо отмечает неоправданность использования для рассматриваемой поры не только западноевропейских терминов (*феод, лен, аллод, сеньория* и т. д.), но и взятых из эпохи московского государства XV–

с. 35–38]. Таким образом, X–XI вв. можно рассматривать как начальную пору государственных и одновременно феодальных преобразований.

При этом политический статус Руси при первых Рюриковичах еще нес в себе догосударственные черты, присущие сложным вождествам. Ибо, несмотря на христианскую легитимацию власти при Владимире, ее устойчивость еще долго определялась личностями, опиравшимися на племенные и дружинные традиции. Вспомним конфликты между сыновьями Владимира. Но постепенно появляются и государственные черты. Как явный их признаком является время правления Ярослава Мудрого, когда возникло писаное право – Русская Правда. Она, как и варварские Правды у германцев, отразила становление единых норм во владениях правителя и, очевидно, стремление к унификации административных процедур, что и означало возникновение новой формы сознания, по крайней мере у правящего слоя, в дальнейшем развивавшейся в т. наз. государственную (т.е. что должно быть для пользы власти). Так сложное вождество перерастало в раннее государство¹.

В XII в. на их основе формируются самостоятельные, суверенные княжества – земли [Горский, 1992]. Складывание в XI–XII вв. индивидуального феодального землевладения выдвинуло на первый план вместо всей дружины другую социальную верхушку – земельную аристократию из числа тех же старших дружинников, бояр и части старой племенной знати, сумевшей превратиться в бояр. В течение XII в. многие старшие дружинники заменяются в аппарате государственного управления младшими и людьми, не связанными с дружиной. В источниках появляются термины – *дворяне*, т. е. люди княжеского двора, лично и по службе зависимые от князя [Котляр, 1998, с. 68–69; Назаров, 1992]². В XI–XII вв. феодальный уклад становится ведущим не только в социальных структурах восточнославянского общества, но и по территориальному охвату, что наглядно отразилось в археологических материалах – активном росте резиденций новой знати [Загарульскі, с. 167–171; Риер, 1996; Риер, 2000, с. 174–178, 210]. В процессе этого «*обояривания*» земель (по Л.В. Черепнину) происходило и втягивание свободных крестьян-общинников в податные отношения – то есть то, что в марксистской историографии называлось внеэкономическим принуж-

XVII вв. (*вотчина, кормление, поместье, закрепощение* и др.), ибо они не употреблялись в домонгольских источниках. И волость, отмечает исследователь, не идентична бенефицию [Толочко А.П., с. 150–157]. Но не удерживается и пишет о соответствии бенефиция волости [Толочко А.П., с. 166]. Бенефиций не соответствовал земельным владениям в средневековой Руси, ибо последние жестче контролировались государством [Данилова, 1993а, с. 43].

¹ Подробно о процессе становления государственности в Древней Руси на общеевропейском фоне см.: [Риер, 2016].

² Следует, думается, отличать этих *дворян* от служилого сословия, сформировавшегося в XIV–XV вв. в условиях уже сложившегося феодализма.

дением и рассматривалось как основной элемент феодальных порядков [Свердлов, 1993].

До XI в. прослеживается типологическая близость процессов становления государственности в Скандинавии и на Руси [Мельникова, Петрухин; Шаскольский, 1986]. Аналогично развивались государства и у западных славян. Это позволило высказать идею о существовании в VIII–XI вв. *Балтийской цивилизации* [Лебедев]. Но затем начинают накапливаться отличия, ибо складывавшаяся на Руси система государственного феодализма сдерживала формирование сеньориального слоя.

Своеобразие княжеского землевладения на Руси, отмечает А.П. Толочко, состояло в том, что оно вырастало из верховной собственности князя на всю государственную землю и долго сохраняло с ней связь и преемственность. Правом распределения этой земли обладал Великий князь в Киеве, и частая его смена вела к новому переделу волостей или подтверждению их статуса: волости предоставлялись в держание на короткий срок и их долго нельзя было превратить в наследственные владения¹. Домениальные владения князя не обязательно сопрягались с его волостью и он легко переходил с одного стола на другой и на новую волость, ничего не теряя. Следовательно, перемещение князей – это способ государственного регулирования землевладения (от преобладания, заметим, государственной собственности). Отсюда – «усеченность» отношений сюзеренитета-вассалитета на Руси XI–XIII вв. Но в этом, по мнению Толочко, отразилась не неразвитость вассальных отношений на Руси, здесь они базировались на других отношениях землевладения. Волости раздавались только князьям, они становились вассалами. Бояре из этой системы исключались до второй половины XII в. Их земельные владения – «села», «жизни» – были безусловными. Они – служилая знать, придворные. В этом – сходство с Византией, где складывание вассальной системы разбивалось о мощную стену бюрократии и центральной власти, хотя с X в. вассальные отношения стали заметными. Подобная система сдерживала вассально-ленные отношения и в Древней Руси [Толочко А.П., с. 176–181]².

¹ Термин *Киевская Русь*, замечает А.П. Толочко, не научный. Государства с таким названием не существовало. Современники называли его «Русьская земля» или просто «Русь». Киевская Русь – понятие ученое и книжное, связанное с представлениями русских ученых XVIII–XIX вв., основанными на взглядах московских книжников XVI в. [Толочко А.П., с. 185]. Существует трактовка *Киевской Руси* как конфедерации племенных княжеств [Вицязь]. Собственно, такая точка зрения обосновывалась еще во второй половине XIX в. историком права В.И. Сергеевичем [Сергеевич].

² До XIII в. вотчина вообще была развита слабо и обслуживалась челядью, как у франков при Меровингах. Такая постепенность ее развития – из-за прочности общины.

Причины отмеченной особости – в указанной выше прочности общины, не ослабевшей в первые века II тыс., как у славян в Центральной Европе под западноевропейским влиянием. Из-за отсутствия аллодиальных традиций князья не могли формировать условные земельные держания для своей администрации. Поэтому и не складывались васально-ленные отношения¹. Дружинники, не получая земли, долго не превращались в служилое сословие и оставались привязанными к княжеским резиденциям. Как следствие, вместо служилого слоя мелких землевладельцев (как на Западе, а позднее, и в Центральной Европе), княжеская администрация стала формироваться из министриалов – личных рабов знати (холопов). Некоторые общеевропейские традиции – взаимоуважение и взаимообязанности великих и удельных князей, вышедшие из позднеродовых дружинных обычаев, не развились, как на Западе, а подавлялись отсутствием института частной собственности на землю. Но, как было прослежено на примере Центральной Европы, это не препятствовало восприятию основ западной модели. Ибо знать, заинтересованная в земле, стремилась закрепить свою власть над нею, то есть – к частной собственности (естественно, феодальной, то есть условной – на условиях несения службы сюзерену).

На Руси же сказалась неблагоприятная **внешнеполитическая обстановка**. Именно тогда, когда здесь установилось господство удельных княжеств (XII – начало XIII в.), и началось оседание на землю не только князей, но и бояр – на страну обрушилось нашествие монголов. Ордынская традиция с дарованием власти конкретному князю прервала развитие западноевропейской системы «сеньор-вассал» и закрепила традицию «государь-подданный». Такие государи-князья ликвидировали возникавшие формы вассалитета (то есть договорных начал и взаимообязательств с нижестоящими), и с XV в. служилый человек – боярин – стал даже не подданным князя, а его холопом.

Показательно, что Русь, в отличие от остальной Европы, почти не знала боярских замков. Если в Западной Европе переход к централизации происходил от вассалитета, то на Руси – от министриалов-холопов, что типологически, как отмечалось, было ближе византийской модели, где вертикальные связи тоже преобладали над горизонтальными. Так сложилось из-за отсутствия у бояр четко оформленных (в традиции

Окняжение здесь, как и у западных славян, происходило до ослабления общины, а не после или параллельно, как на Западе [Фроянов, 1991; Хачатурян, 1992].

¹ Особой чертой древнерусской знати, отличавшей ее от прочей в Европе, замечает русист из Мюнстера Х. Рюсс, было «сохранение дружины как института, оформлявшего социальное бытие знати и ее политическую деятельность в X–XII вв.» [Назаренко, 1991а, с. 148, 156]. Добавим – и позднее.

и законодательстве) прав земельной собственности. Сказалось и то, что в Московской Руси централизация происходила и вызывалась не внутренними предпосылками, а необходимостью борьбы с внешней опасностью, прежде всего – с Ордой. При этом справедливо замечено: *«Парадокс истории состоял в том, что Россия заплатила дорогой ценой не столько за татаро-монгольское иго, сколько за его ликвидацию. Именно сверхусилия, связанные с ликвидацией ига, надолго перевели стрелку русской истории на «восточный путь»»* [Гайдар, 1997, с. 43]. Кстати, традиционное ощущение угрозы извне и необходимости, несмотря ни на что, иметь сильную державу, отпечатались в российском менталитете надолго [Лурье]¹. Гипертрофия государственности, свойственная Руси, также сближала ее с Византией, как, впрочем, и с Востоком, ментальность которого сказалась на формировании в XIV в. основных черт русской этнопсихологии [Гудаков, с. 59].

Первым **внешним признаком перехода Руси на иной, отличный от западных славянских соседей путь общественного развития** стало и восприятие христианства в его восточном, византийском варианте. Поначалу это, правда, благоприятно отразилось на общекультурном уровне восточных славян, ибо в конце X в. Византия еще занимала лидирующее положение в христианской Европе по состоянию культуры. Но в силу изначально иного, варварского уровня, на Руси было воспринято далеко не все из достижений Византии, как наследницы античного мира. Как верно заметил российский экономист В.А. Найшуль *«Неполнота наследия проявляется, например, в том, что в русской культуре с логикой дело хромает, хотя это не было у греков, в Византии. Греки подарили всему миру четкость. Богословие тоже не расцвело при передаче из Византии на Русь. А это существенные элементы, столпы культуры, которые оказались потеряны. Потеряна политическая культура Первого Рима. Разделение властей – это откуда? Это первая римская парадигма. Закон как абстрактная система. В Византии это все было, но по дороге это все просыпалось, куда-то все девалось на ухабах истории»* [<http://polit.ru/article/2012/05/22...>].

В дальнейшем, с начавшимся упадком Византии, конфессиональные различия еще больше отделили Русь от большей части Европы, воспринявшей римскую трактовку христианства, и, что особенно важно, от набиравшего темпы развития запада континента [Стародворцева]. Эта отделенность, особость русского общества по отношению к остальной Европе сохранилась и поныне [Рьер, 1999, с. 71–72; Риер, 1999а; Риер, 1999б]. По мнению И. Яковенко, право-

¹ Добавим, проявляется и теперь.

славие не ориентирует человека организовывать повседневную жизнь, делать ее удобнее, ибо это приучает ценить земную жизнь, забывать о ее временности, ущербности¹. В православии, замечает Л.И. Семенникова, слабее, чем в западном христианстве, выражена идея прогресса. Русское православие длительное время ориентировалось, прежде всего, на Евангелие (Новый Завет), а идея прогресса наиболее ярко выражена в Ветхом Завете [Семенникова, 2000, с. 50]. Католичество, как известно, хотя и не сразу, но с ростом городов, с XIII–XIV вв., постепенно меняло свою доктрину, подстраивая ее под земные интересы. Хотя делало это медленно, «сквозь зубы», что и породило из него протестантизм, освятивший религиозностью земную повседневность. Русь-Россия всего этого избежала, оставив ортодоксальное, раннесредневековое православие практически в неизменном виде – чего стоит хотя бы сохранение пришедшего из Византии юлианского календаря, что совершенно не стыкуется с реальной жизнью уже не одно столетие². Единственная попытка церковной реформы в духе протестантизма (отчасти – и гуманизма) – стригольничество – было уничтожено в зародыше, не выйдя из среды православных интеллектуалов XV в. [Зеленина; Клибанов, с. 111–306; Рыбаков, 1993]³.

Однако, **оценивая место Древней Руси** в тогдашней Европе, следует привести признание уже упомянутого Рюсса, отметившего, что она *«во многом способствовала мирному развитию остальной Европы, не исключая и Византию, до известной степени поглощая и почти всегда задерживая напор кочевых народов Азии, которые вплоть до XIII в. неоднократно пробивались далеко на запад»*⁴ [Пименова].

¹ А.Д. Король увязывает пренебрежение к жизни с отсутствием собственности у большинства населения [Король].

² Впрочем, существует и представление об историческом значении православия не только для России, но и для всей Европы [Довгий].

³ Впрочем, и в XIX, и в XX в. высказывалась довольно аргументированная точка зрения о поверхностном восприятии христианства широкими массами российского населения [Рашковский, Хорос, с. 115; Поповский].

⁴ Рюсс подчеркнул, что Русь Киевской эпохи принадлежала Европе, даже православие не отгородило ее от Запада, и в качестве примера сохранения разнообразных контактов с Западом привел следующие подсчеты: из 65 известных браков членов Рюрикова дома только 7 приходилось на Византию, а остальные 58 – на латинскую Европу (16 – на Польшу, 10 – на Германию, 8 – на Скандинавию, 7 – на Венгрию). Отсюда он делает вывод, что киевские князья занимали равное место в семье европейских государей [Назаренко, 1991а, с. 148]. Об этом же – и Л.И. Семенникова: *«Древнерусское общество демонстрировало тенденции, характерные для становления современной европейской цивилизации, для запада Европы»* [Семенникова, 2000, с. 47]. Но есть и противники такой оценки роли Руси в Европе. П.М. Бицилли (близкий евразийству, потом разочаровавшийся в нем) в 1922 г. писал: утверждение, что роль России в том, что она оградила европейскую цивилизацию от напора азиатчины, и в этом ее заслуга перед Ев-

Но на самой Руси это пограничное со степью и Азией положение сказалось, как известно, отрицательно. Переход к зрелым феодальным порядкам на Руси из-за нашествия Батыя и зависимости от Орды оказался весьма протяженным по времени и смещенным в главных формах [Назаров, 1992]. Создание характерных для феодализма вотчинных владений отмечается лишь с XIV в. [Данилова, 1994, с. 183; Юшко, 1997, с. 86]. И даже во второй половине XVI – первой половине XVII в. в Северо-Восточной Руси отмечено «служилое» деревенское население, тогда как в западнославянских государствах оно исчезло уже в XII–XIII вв. [Флоря, 1987, с. 147].

Таким образом, **в истории Руси так называемая древнерусская эпоха была временем наибольшей «европейскости»**, максимальной общественной активности всех свободных членов общества. В аграрном мире господствовала община. Практически в каждом городе отмечено вече. Хотя, конечно, вечевой строй – не аналог современной демократии, ориентированной на множественность точек зрения – плюрализм. В вече *«дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно сообща»* [Кавелин, с. 37]. Существовал патриархальный авторитаризм – в вече участвовали только главы семейств. Интересы меньшинства не учитывались¹ [Ахиезер, с. 77]. Но это был для тех времен все же менее авторитарный способ управления, чем княжеский. Со второй половины XI в., как известно, роль городского самоуправления повысилась вплоть до решения судеб князей, а к началу XIII в. оно стало вмешиваться даже в утверждение наследников на родовых столах и в княжий суд. К этому времени, утверждает К.Конюхов, был достигнут баланс между княжеской властью и общинным самоуправлением, вариантом которого и был вечевой строй². Но, продолжает исследователь, нашествие монголов стало роковым рубежом в истории русского самоуправления – у русских князей появился сеньор – хан Золотой Орды³. Городские общины утратили главный рычаг влияния на власть – возможность смещения

ропой, свидетельствует только о нашей зависимости от западной исторической вульгаты [Бицилли, 1993, с. 32–33].

¹ В новгородском вече, например, все решения принимались на слух, драками [Ключевский, т. 2, с. 89–90].

² Впрочем, оценка роли веча на Руси среди специалистов далеко не однозначна. А.П. Новосельцев считал, что она, как и вообще пресловутое народовластие (соборность) Руси преувеличены и не подтверждены источниками [Новосельцев, 1985; Пашуто, 1952].

³ Впрочем, «татаризацию» Руси нельзя переоценивать. Возникновение специфических форм русского самодержавия указывает скорее не на восточные, а на византийские корни, считает германский историк Э. Хёш [Ронин, 1991, с. 126].

и назначения правителей. Разоряемое набегами и поборами население становилось зависимым от власти, превратившейся в гаранта безопасности. Попытки городских самоуправлений отстаивать свои права жестоко подавлялись монголами и князьями. Лишь в Новгороде до поры прежняя система, возникшая еще в докняжеский период, сохранилась [Янин]. Но там было самоуправление не столько горожан, сколько нескольких десятков семей землевладельцев-бояр, имевших владения и в городе. То есть они по интересам были не бюргерами, а феодалами, связанными с рынком, и речь можно вести, как заметил Н. Брянцев, о «феодальной олигархии» [<http://www.diletant.ru/polls...>]¹.

Ослабление Орды и ее последующий разгром подняли авторитет княжеской власти на недостижимую высоту [Конюхов]. Элементы самоуправления, развившиеся в основополагающую систему в западноевропейских городах, ставшую системообразующей в развивавшейся западноевропейской цивилизации, на Руси окончательно исчезли, что стало также одним из основных признаков восточноевропейской цивилизации [Риер, 2002].

Анализируя систему самоуправления на Руси, Конюхов справедливо заключает, что в России сложилась историческая традиция: опыт тысячелетнего противостояния народа и власти. Там же следует искать истоки пренебрежения к писаному закону и стремление решать вопросы «по правде», т.е. согласно нормам обычного права, откуда вышел и российский коллективизм, не разрушенный ни капитализмом, ни отдельными городскими кварталами. Во многом общинной традицией можно, указывает автор, объяснить прохладное отношение соотечественников к институту частной собственности и капитализму вообще. И заключает: именно территориальная община обеспечила исключительную этническую и религиозную терпимость русских. С учетом этих исторических традиций и надо скорректировать курс преобразований [Конюхов]. Здесь, как и у Милова, видна шитая белыми нитками политическая подоплека, заставляющая не только идеализировать традиции, но и отрываться от «Бога исследователя» – фактов. Ну где же доказательства влияния общины на терпимость русских (и столь ли они терпимы в сравнении с другими народами)? Ведь наоборот – общины, даже не родовые – весьма обособленные коллективы, закрытые от остального мира. Не зря северорусские общины назывались *мирами* – то есть для членов таких общин *весь мир* заключался в их внутреннем, *общинном мире*.

Думается причины исчезновения, подавления традиций самоуправления, лежат не только в трагичной вехе русской истории – монгольском завоевании. Они – и в том общинном коллективизме, который в силу вышерассмотренных, прежде всего природно-географических условий, подавлял и подавил естественную (Миров) тягу крестьян к

¹ Впрочем, и в домонгольское время «сам строй Киевского государства, характер власти князя и окружающей его знати сводил на нет в большинстве городов роль народных собраний». Из дружинной среды избиралась и городская администрация [Рогожин, с. 26].

частному ведению хозяйства. В недавно опубликованных дневниках С.Б. Веселовского, в записях 1918 г. находим, что одной из главных причин, почему Россия оказалась колоссом на глиняных ногах, историку представляется то, что ее народ еще не нашел своей территории. То есть, расселяясь на огромных пространствах, русские не встречали на своем пути сильных соседей-врагов, растаскивали, а не накапливали хозяйственные и духовные богатства и истожили основное ядро государства – великорусскую ветвь славян – на поддержание этого колосса. Мысль о том, что огромная территория, занятая русскими, оказала вредное влияние на их культуру, высказывалась в той или иной форме многими историками. Веселовский привел слова А.А. Кизеветтера: *«Мы тонем в необъятном пространстве нашей равнины. Редкость населения при громадных размерах территории – вот, что всегда тормозило у нас переход к более сложным формам культуры. Мы идем туда же, что и наши западные соседи, но мы идем более медленным шагом и более извилистыми путями»* [Веселовский, 2000, с. 96–97]. На это же в наше время обратил внимание швейцарский русист К. Гёрке [Назаренко, 1991а, с. 140].

Сказалась и общая разреженность населения, ибо концентрация людей ведет и интенсификации хозяйственной деятельности, и к дальнейшей консолидации сознания, что равносильному, подчеркивает П. Шаню, ускорению социализации [Максимов, с. 176]. При известной невысокой плотности российского населения целостность страны могла существовать только при единстве власти. Как заметил А.Н. Медушевский, *«громадная территория, разбегание населения»* в процессе колонизации привели и к крепостному праву, более нигде в таком виде не существовавшему *«столь длительное время, как в России»* [<http://www.svoboda.org/a/...>]¹.

Тем не менее, в литературе нередко высказываются представления о чуть ли не идентичности древнерусских княжеств синхронным им западноевропейским. Например, Н.П. Стародворцева пишет, что с ростом городов на Руси в начале XIII в. развивалось и третье сословие, а в 1211 г. князь Всеволод Большое Гнездо собрал представителей разных сословий, в чем автор, очевидно, усматривает ступень к созданию, как и на Западе, сословно-представительных собраний [Стародворцева]. Представляется, однако, что сословие горожан (в европейском понимании) на Руси так и не сложилось: не было особого городского права, не было цехов и иных экономически и юридически самостоятельных городских организаций-корпораций, столь свойственных средневековой Западной Европе. Не было этого в силу всей вышерассмотренной

¹ Показательно, что недавно, в *«2001–2002 годах в Белгородской области (Российская Федерация. – Я.Р.) Высшая школа экономики проводила исследование, которое выявило следующую неожиданную картину: в начале XXI века белгородские крестьяне разделяли все ценностные установки, характеризующие крестьян эпохи крепостного права»* [Независимая газета, 2012].

специфики развития восточнославянских земель¹. Монгольское нашествие лишь закрепило эту специфику. Хотя, может, отчасти и прав И.Ф. Котляр, заметивший: кто знает, когда бы восстановилось единство социально-политической и экономической жизни Древнерусского государства (как это происходило после эпохи раздробленности в большинстве европейских стран) да и произошло бы оно вообще, если бы не монгольское нашествие [Котляр, 1998, с. 443]. Но, как и при анализе роли норманнов, надо иметь в виду, что монгольское нашествие наложило на процессы внутренних изменений в древнерусских княжествах. Собственно, без этих изменений, усиливших самостоятельность земель, обычно называемую в русско-советской историографии раздробленностью, едва столь опустошительным для региона был и монгольский набег².

В итоге же **все развитие Руси привело к победе так называемого государственного феодализма**, который сложился в условиях опережающего укрепления государственной власти по сравнению со становлением земельных прав господствующего сословия в целом³. Справедлив вывод Л.В. Милова и Л.В. Даниловой о том, что основными причинами сложения в Восточной Европе иного типа феодального общества, чем на Западе, были фундаментальные отличия природно-географических условий. На пространствах восточноевропейской равнины был короткий сезон земледельческих работ, что при преобладании малоплодородных почв обусловило низкую урожайность и, как следствие порождало невысокий объем прибавочного продукта. Это скрепляло крестьянскую общину, а господствующий слой приучило пользоваться чрезвычайными механизмами изъятия этого продукта вплоть до крепостного права, которое в политической сфере превратилось в самодержавную форму правления. Поэтому русский феодализм с раннего средневековья развивался преимущественно как государственный. Поместное (условное) землевладение служило укреплению самодержавия, в результате чего в России так и не сложи-

¹ Города здесь нередко создавались князьями как административно-политические центры противостояния еще не полностью феодализованной сельской округе. В них преобладали административные функции [Загоруйский, 1998, с. 154–171; Юшко, 1992, с. 35].

² О внутренних изменениях на Руси, возникших в XIII в. вне зависимости от внешнего вторжения, писал Н.А. Макаров [Макаров]. Среди них он назвал и трансформацию системы сельского расселения. Но следует заметить, что, начавшись из-за перенаселенности в старых местах обитания, она наиболее активно развернулась после монгольского погрома и стала, в определенной степени, реакцией на него [Риер, 2000, с. 25–29].

³ В Древнерусскую эпоху этих прав еще не было, ибо вотчина тогда – право князей на сбор дани и пошлин, отправление суда и т. п., а не на землю [Данилова, 1993а, с. 41]. Здесь уместно признать, что концепция феодализма в Древней Руси имеет как сторонников, так и оппонентов среди зарубежных исследователей [Halperin].

лось прочных традиций частной собственности на землю [Данилова, 1999; Милов, 1989; Милов, 1995]¹. Борьба с монголами укрепила тягу к централизации. Но, опять таки, это лишь внешний фактор. В XIV–XVI вв. свободные крестьянские общины продолжали преобладать над вотчинным и поместным землевладением, что создавало социальную базу для усиления великокняжеской власти [Юшко, 2001]. Тогда же отмечаются и первые попытки подчинения центральной светской властью церкви. Во второй половине XVI в. статус вотчин был понижен уравниванием их прав с поместьями, обязанностью нести военную службу [Данилова, 1993а, с. 70–71] – бояр превращали в служилых людей и они, как показали последующие события, не могли этому действительно сопротивляться. Тогда же княжеские земли были низведены к боярскими, а черносошных крестьян Центральной России превратили в дворцовых [Колычева, с. 112]. Параллельно происходило и закрепощение основной массы крестьян, что при таком усилении центральной власти, становлении деспотии восточного типа, было нетипично. Представляется вполне логичным предположение о том, что крепостное право явилось как бы «компенсацией» господствующему классу за неизбежность существования крестьянской общины, вызванную экономической необходимостью в природно-географических условиях России [Милов, 1985]. Западные страны пришли к централизации через ужасы отсутствия единых норм и единой власти². Опыт России показал, что торжество единства тоже может быть ущербным³. Хотя, подчеркивает Л. Люкс, причиной победы Ивана Грозного была не рабская психология, а отсутствие на Руси привычки к многообразию [Люкс, 1993а, с. 18] – следствие, добавим, гипертрофии коллективизма⁴ [Телепень]. И в результате, завершив политическую централизацию примерно в те же столетия, что и западноевропейские страны, Московская Русь отстала в экономическом и социальном отношениях (в развитии элементов буржуазности) [Стародворцева].

¹ В обосновании роли природного фактора в российской истории первым в современной историографии был А.В. Дулов [Дулов, 1983].

² Идея консолидации всегда жила и в средневековой Западной Европе: один Бог, один монарх. Но весь западный строй мешал этому вплоть до появления экономических предпосылок к созданию централизованных государств.

³ Н.М. Карамзин сравнил Ивана Грозного и Людовика XI, который «не уступал Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коими они хотели загладить свои беззакония», и оба они стояли у истоков абсолютизма в своих странах [Карамзин, с. 403]. Можно вспомнить и Генриха VIII Английского. Но ведь об их деятельности не напишешь, как написал об эпохе Иоанна А.К. Толстой: «Такой навел порядок, хоть покати шаром».

⁴ Поэтому и положение личности в России оказалось как бы промежуточным, между Западом и Востоком, но ближе к восточному [Васильев, 1990, с. 31]. Не поэтому ли русская интеллигенция, индивидуалистичная по определению, оказывалась в оппозиции власти?

В отличие от Западной Европы здесь не сложилось и бюргерского сословия. В городах жили окрестные феодалы, а сами города не отделялись от аграрного мира, были опорными пунктами феодальной системы, центрами сбора ренты, как и на Востоке¹. Оттого усиление центральной власти в Московской Руси не было подкреплено экономическим усилением городов, что способствовало общему замедлению развития [Сванидзе, 1995, с. 91; Толочко П.П.; Хачатурян]. В таких условиях характер и стиль поведения купечества *«формировались в России в обстановке, далекой от духа свободного предпринимательства»* [Перхавко, с. 141]. Более того, если в Западной Европе уже со времени Реформации динамичная культура города освободилась от подчинения аграрному миру, то в России городская среда осталась вторичной, маргинальной [Яковенко, 1995, с. 81]. Города Западной Европы – это центры ее модернизации. *«Если центром западноевропейского города была ратуша, то города русского – резиденция князя, а позже – резиденция чиновника, представляющего центральную власть. Разумеется, нечто подобное бывало и в Западной Европе, но там городское самоуправление находилось в равноправном диалоге-противостоянии с иными властными структурами»* [Шушарин, с. 214, 226].

Сказалось и различие в дихотомии государство – церковь. На Западе политически и юридически самостоятельная церковь изначально соперничала со светской властью, что, наряду с вассально-ленными порядками («вассал моего вассала не мой вассал») выработало *разделение властей*. На Руси же византийская традиция способствовала огосударствлению церковной организации. В итоге государство оказалось вездесущим и поглотило все общественные институты [Лучицкая].

Всё рассмотренное выше породило, как известно, и особый взгляд на мир, место и предназначение в нем. Подчинение частного целому, человека коллективу – общине, сословным распорядкам и высшей форме коллективной организации – государству – стало краеугольным камнем восточнославянской средневековой, затем российской, цивилизации. Личность, как в типичном традиционном обществе, растворялась в коллективе. Индивидуализм воспринимался негативно. Отсутствие гарантированного традицией права на собственность затрудняло достижение хозяйственной самостоятельности и порождало всеобщую зависимость от власти, что делало ненужным гражданское общество и тоже стало характерной чертой российской цивилизации [Гиренок; Головных; Данилова, 1994, с. 60; Елизаров; Семенникова, 2000, с. 91;

¹ Сказалось и монгольское нашествие, приостановившее развитие городов [Вернадский, с. 14].

Смирнов]. Власть сосредотачивалась – вследствие патриархальности – в образе монарха. Все – его слуги, а то и рабы. Властитель – символ и оплот государства¹. Сохранению такого – патриархального – отношения к миру способствовала и малочисленность на Руси людей светской культуры, что, по Л.В. Милову, проистекало из-за известной ограниченности прибавочного продукта (следствие вышерассмотренной природной специфики) – лишь в XVIII в. в России появился университет [Милов, 1992, с. 52].

Сказалась специфика развития духовных процессов в средневековых восточнославянских, затем и русских землях. В Восточной Европе Библию перевели на славянский язык, что способствовало быстрой христианизации Руси, но отсутствие необходимости для просвещенных людей Руси знать греческий отрезало их от эллинского мира [Уткин, с. 43]. Как заметил Г.П. Федотов, *«мы получили в дар одну книгу, величайшую из книг.... Но зато эта книга должна была остаться единственной. В грязном и бедном Париже XII в. гремели битвы схоластиков, рождался университет – в «золотом» Киеве, сиявшем мозаикой своих храмов, – ничего, кроме подвига печорских иноков...»* [Федотов, с. 74–75]. Получилось так, что вместе с византийским влиянием на Русь пришли и те черты великой наследницы Рима, которые способствовали ее будущему загниванию и гибели. Раскол 1054 г. знаменовал размежевание между западной и восточноевропейской цивилизациями. Падение Византии и зависимость Балкан от османов привели к тому, что русская элита – княжеское окружение и столпы церкви – психологически ощутила чувство одиночества, затерянности, окруженности враждебными силами. Падение Византии позволило русской церкви обрести полную независимость (автокефальность), но одновременно Русь оказалась отрезанной от остального христианского мира. Роль религии в обществе, по сравнению с предшествующими временами существенно выросла. Церковная жизнь в Московском государстве приобрела черты фанатизма, расцвел культ жертвенности. Особенно почитаемы в обществе стали юродивые, блаженные, пустынники, отшельники, затворники и т. п. Падение Византии убедило русских в порче православия в Европе. Сложилось убеждение, что русское православие лучше и выше, чем греческое. Русский народ должен встать во главе право-

¹ Отсюда и нынешнее отношение к государству не как к учреждению, а как к верховной всемогущей силе, которой надо безоговорочно подчиняться, и персонафикация этой силы в лице ее конкретного лидера. Любое иное отношение к государству традиционно воспринималось и воспринимается как не просто инакомыслие, а как преступление с соответствующей реакцией. Как заметил российский политик В. Рыжков, гипертрофия государства и производная от него несвобода населения – специфические черты российского общества последних 500 лет [Россия на грани...].

славного мира вместо греков, а московский государь, соответственно, должен занять место византийского императора [Семенникова, 2000, с. 84]. Именно тогда возникла идея «Третьего Рима» – идея миссионерства в окружении враждебных сил, ставшая существенным элементом русского менталитета (то в виде православия, то коммунизма).

Сказывалось и влияние Степи, на что обращали пристальное внимание евразийцы. Ведь еще Александр Невский, борясь с меченосцами, укреплял тыл в Золотой Орде. Его причисление к лику святых в 1547 г. симптоматично и отразило ориентацию тогдашней правящей элиты на Восток, порядки которого, были, следовательно, ей ближе¹. А.И. Уткин согласен с А.Тойнби в том, что создание русского универсального государства *«свершилось до того, как оно стало испытывать на себе давление со стороны западной цивилизации»* [Тойнби, с. 35; Уткин, с. 47–52]. Справедлив вывод о том, что *«в России так и не сложился хотя бы относительно независимый средний класс; цари владели подданными от первого боярина до последнего холопа; купцы, столь осведомленные и независимые на Западе, в России всегда были частью служилых людей и не могли обозначать свою политическую особость; жизнь всегда строилась сверху вниз, а не наоборот. Так было и до вторжения византийской традиции, которая лишь закрепила эту парадигму; царь присвоил себе и религиозную власть, чего на Западе не было»* [Уткин, с. 52–53]².

Вследствие рассмотренной цивилизационной специфики развитие товарных отношений, которое стимулировалось возрастающим спросом на сырье и продовольствие бурно развивавшейся раннекапиталистической Западной Европы, привело Россию в XVI–XVII вв. к созданию наиболее драматичной, жестокой формы феодальных по-

¹ Россия, как заметил Л.С. Васильев, *«в гораздо большей степени Восток, нежели это считалось раньше»* [Частная собственность..., с. 6]. Он же: Русь *«была превращена усилиями Александра Невского в татарский улус»* [Васильев, 2014]. При этом вполне убедителен вывод о том, что *ордынский* выбор Александра определялся лишь его стремлением удержать власть любыми средствами без всяких геополитических соображений, приписанных ему позднее [Нестеренко]. Поэтому, если Даниил Галицкий также из властных потребностей для борьбы с монголо-татарами искал коалицию на западе, Александр Невский стал названным сыном Батыя. Очевидно, этот выбор казался ему более оправданным.

² На близость мировосприятия еще древнерусских книжников возвышенному ближневосточному, в отличие от западной приземленности, обратил внимание С.С. Аверинцев. Он заметил, что если во франкских хрониках заметно стремление к бытовой конкретике, то в русских летописях, как и в древнееврейской литературе, реальные события затушевываются, подчиняясь канонам, то есть должному, а не реальному [Аверинцев]. Эта особенность восточнославянского менталитета, впрочем, сохранилась и донныне [Калмыков].

рядков – крепостничеству. Оно стало тоже характерным фактором данной цивилизации, ибо существенно отличалось как от более либеральных крепостнических порядков классического западноевропейского средневековья¹, так и от большинства стран Востока (подробнее – в следующем разделе). Так получилось потому что, как известно, в Восточной Европе капитализм втягивал поместья в рынок внеэкономическим путем – через усиление нажима на крестьян – барщину [Данилов и др., с. 20–21]². Такой нажим стимулировал централизацию и еще более укреплял государственный феодализм в Московской Руси, который, по мнению Л.В. Даниловой, и сложился в ней только при формировании единого государства, то есть с конца XV в., а не ранее [Данилова, 1993; Данилова, 1993а, с. 41].

На специфике Российской цивилизации, как заметил И.Н. Данилевский, сказалось византийское влияние, откуда на Русь пришло подчинение духовной сферы светским интересам и светским государям. А от него, во многом – подчинение мелких территориальных единиц властной воле государя и в конечном счете *«отрицание роли и значения личности конкретного «рядового человека» во властных и управленческих процессах»* [Рашковский, 2008а, с. 71]. Или, как писал еще в 1879 г. русский публицист Л.А. Попонский в либеральный журнал «Вестник Европы», *«развитие законности у нас истекало непосредственно от одной власти, не имело характера договора даже и в те времена, когда к участию в ней приглашались представители наших бесформенных сословий в лице земских соборов или дум»*. Часть текста с этой фразой, кстати, была вырезана тогдашней цензурой [Стасюлевич, с. 199]. И присяга верности служилых людей, которую *«стали приносить государю только в относительно позднее время – не ра-*

¹ Традиции индивидуальных прав крестьян на наделы (память об аллодах) сохраняли у них определенные права и в условиях личной крепостной зависимости XI–XIV/XV вв. Известные жестокости и насилия, так называемые «дурные обычаи», были характерны лишь для наименее развитых, глухих и окраинных регионов Запада. Российское же *«крепостничество – по сути, стыдливое именованное рабовладения, то есть открытой торговли бесправными и отчужденными от имущества соотечественниками оптом и в розницу с разделением семей»* [Неклесса].

² Впрочем, такое сложилось и в отстававшей от Запада Центральной Европе, что еще раз подтверждает прежнюю близость исторических судеб Центра и Востока континента. То есть капитализм – чисто западное «изобретение». Потому в других обществах он проявлялся – и проявляется – неорганично, искаженно, своими, прежде всего, негативными чертами. Положительные его стороны вызрели лишь в специфических условиях Запада и могут проявляться в иных цивилизациях лишь «в пакете» с основополагающими западноевропейскими элементами, идущими от античности, постоянно развивающимися и совершенствующимися – гарантированными правами на собственность и гражданским обществом.

нее середины XIV в. ... носила не частноправовой, а публичный, государственно-служебный характер, т.е. в сущности это была присяга подданных, а не вассалов» [Стефанович, с. 152]. Как итог, в России, по формулировке американского русиста Р.Пайпса, сложилось «вотчинное государство», в котором правители владеют страной, а не просто управляют ею [<http://polit.ru/article/2012/07...>]. Частная же собственность на землю, как известно, была введена в России лишь при Екатерине II, в «Жалованных грамотах» 1785 г., да и то лишь для дворян и горожан. Здесь уместно вспомнить и о происхождении императрицы...

Близок представленным выше рассуждениям электронный текст Николая Ускова. Основную причину отставания России от Запада он справедливо видит в географических факторах, замечая при этом, что речь надо вести не об отставании России, а об ее позднем старте в европейской истории [<http://www.snob.ru/>...]. Но автор обошел вниманием отсутствие у восточных славян сложившихся форм частных земельных прав. Поэтому в комментариях к тексту он не сумел убедительно объяснить, почему находившиеся в не менее благоприятных условиях севера викинги, а позднее и финны оказались на условном «западе», а европейские колонисты в первоначально малонаселенной Америке построили совершенно иное общество, чем русские при своем расселении. Именно германский аллод, сложившийся в определенных географических условиях, о чем шла речь выше, породил исключительность Запада, а его отсутствие отделило Россию от остальной Европы.

Между Западом и Востоком: поиски «особости». Специфическое расположение России на стыке двух частей света и ее отличие от западных соседей породило уже со времен Петра I двойственность, как политики, так и самоидентификации. С одной стороны появились сторонники модернизации (вестернизации, как теперь нередко пишут), с другой – приверженцы самобытности, что к середине XIX в. привело, как известно, к возникновению западников и славянофилов. Здесь нет необходимости обращаться к их хорошо известной полемике. Заметим лишь, что славянофилы, критикуя Запад – не впадали в антизападничество и клялись в любви к «великой Европе», которую считали своей второй родиной. Они видели Россию не вне, а во главе европейской семьи. Но во второй половине XIX в., особенно после унижительно-го поражения в Крымской войне 1853–1856 гг., все отчетливее стали проявляться различия между Россией и остальной Европой, и начались поиски новой русской идеи, провозвестниками которой выступили Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, доказывавшие абсолютную самобытность и самоценность русского типа культуры, а также Ф.М. Достоевский и Вл. Соловьев с тезисом о всечеловечности, универсальности русской культуры. На эти идеи опирались позднее и евразийцы, со-

хранившие верность тезису о русском мессианстве¹, но дополнившие его признанием существенного влияния на Россию восточного элемента, «наследия Чингисхана»: без «татарщины» не было бы России [П.Н. Савицкий]². По мнению евразийцев, в отличие от военно-политического объединения Евразии монголами, вторичное её объединение в рамках российского государства стало возможным лишь при наличии мощной духовной связи – православия и византийской традиции государственности [Евразийство, с. 15; Новикова, Сиземская, с. 6–7, 18]. «Восточный акцент Руси» действительно усилился в XVI в. с присоединением бывших ордынских земель и включением восточной аристократии в русскую элиту [Семенникова, 1998, с. 192]. Именно с того времени, начиная с Ивана III, любой служилый человек на Руси, включая князей, обращался к государю «Я, твой холоп...». Так не только простой хлебопашец, но и знатный боярин были уравнианы перед лицом государственной власти [Рашковский, 2008а, с. 71; Семенникова, 2000, с. 93, 100]. Утверждение русского публициста первой эмиграционной волны И. Солоневича, что это просто синоним более позднего «Ваш покорный слуга» [Солоневич, 412] – неубедительное, ибо последнее произносилось совсем в ином контексте и, судя по литературе, нередко даже старшими (возрастом, должностью) к младшим. Вспомним, что и в XVII в. Алексей Михайлович называл вотчинников *холопами*. И названия *холопы государевы* не стыдились, а воспринимали как должное.

«Русские заимствовали у монголов строй, при котором все классы общества являются служилыми и несут «тягло», где не существует настоящей частной собственности на землю и где значение каждой социальной группы определяется отношением ее к государству» [Королев]. Но, как справедливо заметил А.К. Соколов, хотя евразийцы главный упор делали на религиозные чувства, таинственность и необъяснимость русского характера, а рациональные мотивы геополитики звучат у них очень приглушенно и опосредованно, ирония состоит в том, что выдаваемые за духовный склад народа основы его существования имеют самое прозаичное и материальное объяснение [Соколов, с. 364]. В данном случае это подробно описанные выше природно-географические и политические особенности восточноевропейского региона. Именно они способствовали обожествлению государственной идеи в России, превращению ее в национальную и подчинению ей интересов личности.

Именно поэтому, думается, на очередном перепутье, в современ-

¹ Собственно, первый вариант русской идеи содержался в послании псковского инока Филофея Великому московскому князю Василию (точнее, его дьяку) в 1523–1524 гг. с рассуждениями об исторической миссии России, вылившимися в известный тезис «Москва – третий Рим». Тогда и начались поиски особого пути России. Лишь в XVIII в. эта идея была поглощена имперской идеологией и осталась только у раскольников [Кореневский; Новикова, Сиземская, с. 4–5; По, 2000].

² О евразийстве см. также выше, во Введении.

ной России и возродился интерес к евразийству, но уже в рамках цивилизационного подхода [Орлова]. Мне уже доводилось подробно анализировать эту концепцию [Риер, 2000a]. Поэтому здесь ограничусь лишь общим выводом. Единой евразийской цивилизации в истории – не было и нет: включаемые в нее компоненты различны в очень многих отношениях и органичного соединения земледельческого восточнославянского общества и кочевого азиатского не произошло ни в Золотой Орде, ни позднее в ходе российской экспансии на востоке [Кляшторный].

Желание же с помощью истории доказать возможность евразийской цивилизации (под российской гегемонией, естественно) – продолжение попыток придумать некий третий путь исторического развития, ибо западный неприемлем из-за исторических традиций российского общества, а восточный – в силу все же европейской прародинности России. А вообще, настаивание на «особом пути» России – не одно ли из проявлений русского национализма? [Рябов]. Евразийцы, как известно, не реализовали свои идеи на практике, за них это сделали большевики. А в результате... Хотя в принципе автор монографии против смешения жанров – допуска публицистики в научную литературу, но общественный интерес к поднимаемой проблеме, надеемся, извинит за предлагаемую цитату: «*Главное (для россиян. – Я.Р.) – это поиск какой-то великой идеи: державности, соборности, мессианской роли России и т. п. А что такое маленький человек, самый заурядный обыватель? Так, дерьмо для уваживания почвы, на которой взрастет очередной триумф великой империи*» [Суворов]. Такова цена практической реализации оторванных от реальности идей. «*Печальный опыт евразийства отчетливо продемонстрировал, что полтика и наука развиваются разными путями, что у них разные задачи и интересы и что попытки их скрещивания, предпринимаемые даже талантливыми учеными, создают в лучшем случае иллюзии, которые при столкновении с действительностью быстро рассеиваются*» [Шнирельман, с. 18]. Можно согласиться с публицистом, назвавшим евразийство «*идеей-мучительницей*» [Колесников].

Очевидно, правы Н.А. Бердяев и Б.С. Ерасов, писавшие о том, что западные и восточные потоки в России постоянно порождают крайне различные состояния, отличные от привнесенных влияний и создающие не только контрастные, но и подчас несовместимые противоречия в духовной и социальной жизни, ментальности. Присущий России тип цивилизации сложился как противоречивое совмещение Запада и Востока. И в этом ее специфика [Баткин, 2001; Цивилизации, 1994, с. 16–19]. Отсюда – известная парадоксальность, противоречивость русского национального характера [Лихачев]. При таком подходе вполне объяснима проблема, на которую сетовал еще в середине XIX в. один из лидеров славянофильства – А.С. Хомяков, писавший, что сознательная мысль России взята напрокат у Западной Европы и противоположна той, которой живет народ [Хомяков, с. 130]. Очевидно, образованный слой русского общества понимал тупиковость традиционной цивилизацион-

ной модели. Как заметил В.О. Ключевский, «западная культура для нас вовсе не предмет выбора, она навязывается нам силой физической необходимости». И далее: «всякий патриот должен стать западником, а западничество должно стать только одним из проявлений патриотизма» [Ключевский, 1983, с. 18–19]. События последовавшего столетия как будто бы должны были подтвердить это, но... Абсолютно прав все тот же Ключевский, заметивший, что «история не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» [Ключевский, 1968, с. 349].

Тем не менее российская цивилизация сохраняет свою особость и в начавшемся втором тысячелетии ее существования. Как заметил Е.Б. Рашковский, «если что-то и компенсировало «перебор» властной доминанты в процессах цивилизационного становления России, то разве что – как указывал в этой связи М.А. Чешков (ИМЭМО) – некоторая малоизученная антропологическая прочность нашей условной Российской цивилизации. Та, добавлю, антропологическая прочность, которая выстраивается на пересекающихся гранях природы, истории и того воистину культуротворческого момента человеческой действительности, который в нынешней философской литературе принято определять как момент экзистенциально-креативный» [Рашковский, 2008а, с. 72].

Приднепровье: от древнерусской общности – к центральноевропейским особенностям¹

Описанный выше процесс славянизации Восточной Европы, в ходе которого происходили кардинальные общественные изменения – становление средневековой цивилизации, первоначально, на рубеже I–II тыс., характеризуется однообразием как исходных основ, так и проходивших преобразований [Ляўко, 2000, с. 116; Риер, 2000, с. 160–178]². Это определялось, прежде всего, рассмотренным единством географической среды, что предопределяло общность хозяйственной деятельности и быта, а также единством этнического происхождения, что сказывалось на общности духовной культуры³.

Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались автором также в серии статей и книге [Риер, 2000в; Рыер, 2001; Риер, 2001б; Рыер, 2001в; Риер, 2016, с. 336–353].

² Это признавал и активный сторонник белорусской национальной идеи в эмиграции Лев Акиншевич, писавший, что «белорусские княжества» в X–XIII вв., несмотря на территориальное, а возможно, и этническое влияние балтов, оставались в круге восточноевропейского, «славяно-византийского цивилизационного цикла» [Акіншэвіч, с. 451]. Об Акиншевиче см.: [Партноў].

³ Примечательно, что еще в 20-е гг., до позднейших археологических открытий, В.И. Пичета представил ту же картину славянского заселения будущих белорусских

Сказанное наиболее убедительно подтверждается материальной культурой домонгольской эпохи, наглядно представленной, прежде всего, в так называемых древнерусских курганных древностях, отражавших специфику быта (в одежде, украшениях, утвари) и миропонимания (в отношении к культу предков и потустороннему миру) [Риер, 2000, с. 97–119, 143–154]. Как свидетельствует уже более чем столетнее изучение, на всей территории восточнославянского расселения, от Северного Причерноморья и Правобережья Западного Буга на юге и западе, и до Приильменя и верховьев Волги на севере и востоке, основные элементы курганной культуры были едины, что особо бросается в глаза при сравнении с западнославянскими древностями. И «*матэрыяльная культура гарадоў Беларусі гэтага пярэдняга захоўвае ў большасці сваёй ўсходнеславянскі, агульнарускі характар*» [Калядзінскі]. Известна языковая общность восточных славян. Христианизация по византийскому обряду закрепила названное единство¹. Влияние балтов и финноугров, имевшее место в ходе их ассимиляции восточными славянами, не проявилось в общественных процессах того времени, хотя и заложило основы для будущих этнических и политических различий.² Речь идет о начавшемся в начале II тыс. формировании белорусской, украинской и великорусской народностей³.

Ситуация начинает меняться в XIII в., когда в условиях монгольской агрессии судьбы княжеств стали определяться динамично развивавшимися в регионе политическими процессами. Для Приднепровских земель, как и для Волыни, существенной стала возраставшая

земель (с VI до рубежа X–XI вв.) [Пичета, 1927, с. 10]. Теперь, после длительных дискуссий, ее приняло большинство исследователей.

¹ В сельском мире она побеждает в основном к XIII в., когда исчезает языческий курганный погребальный ритуал. И это тоже, хотя и постепенно, в течение XI–XII вв. (в разных землях), свидетельствует в пользу названного единства.

² Впрочем, есть и противоположная точка зрения, сторонники которой утверждают, что «*в XI–XIII вв. у славянских народов Восточной Европы не было общей материальной и духовной культуры*» [Гистория, с. 328; Драгун]. Но в сравнении с соседями общность тогдашних восточных славян – налицо. Очевидно, не следует смешивать естественные локальные этнографические и хозяйственные различия с общеисторическими. Существуют веские свидетельства восприятия средневековым населением Беларуси и Украины наследия Киевского государства как своего [Марзалюк, 2001; Марзалюк, 2001б]. О единстве восточных славян древнерусской эпохи есть и другие свидетельства [Моця, 1999; Старасценка, 2003; Темушев]. Столь противоположные выводы из общеизвестных фактов проистекают из часто констатируемого невнимания белорусской историографии к компаративным исследованиям [Виданава, 2002, с. 93].

³ О начальном этапе складывания белорусской народности см.: [Дучыц, 1995; Пилипенко, 1991, с. 60–61]. О роли балтов в формировании белорусов см.: [Зайкоўскі; Краўцэвіч, 2000, с. 81–103].

активность молодого Литовского княжества¹ Геополитическая ситуация в регионе (тевтонская и монгольская угрозы) породила взаимную заинтересованность друг в друге литовской и соседних восточнославянских правящих элит². На этой основе во второй половине XIII в. происходит оформление Великого княжества Литовского (ВКЛ) – по сути, политического союза нескольких восточнославянских княжеств с наиболее сильными и политически амбициозными литовскими вождями и их дружинами [Баранаскас, с. 30–39; Великое княжество..., с. 83–84; Віданав, 2000; Дворник, с. 267; Краўцэвіч, 1998, с. 23–24; Краўцэвіч, 2000, с. 180; Семенникова, 2000, с. 68–69]. В итоге, как известно, литовская знать получила доступ к обширным ресурсам Поднепровских земель, а восточнославянские верхи – не увязшую во взаимных склоках и усобицах силу, способную организовать не только сопротивление агрессорам, но и самим проводить активную внешнюю политику³. Так в Поднепровье сложилось государство с преобладающим восточнославянским православным этносом, соответствующими языком и культурой, и литовским названием [Археологія, с. 5; Великое княжество..., с. 88–89; Дворник, с. 268; Насевіч, Сергеев, с. 260, 294; Свяжынскі, Kosman, s. 54–64]⁴.

Впрочем, литовская знать, хотя и не чуралась интеграции со славянско-православной элитой, но сохраняла свою особость и, очевидно,

¹ Вотчина Гедимины располагалась, по мнению Э. Гудавичюса, примерно в междуречье средних течений Немана и Няриса [Гудавичюс, 1985, с. 37].

² Польский исследователь отмечает редко встречаемый симбиоз в создании единого государства [Kosman, s. 50].

³ По сути, литовские дружинники в данном случае сыграли ту же роль, что и норманны при создании Нормандского герцогства (X в.), Сицилийского королевства (XI в.), а также и в активизации процесса государствообразования в Древней Руси. Если пользоваться известными идеями Л.Н. Гумилева о пассионарности, к тогдашним литовцам это понятие вполне подходит. Тем более что в процессе расширения политического влияния литовских князей и создания ВКЛ ими и их дружинниками, по-видимому, осознавалась прежняя, балтская принадлежность Верхнего Поднепровья и Подвинья [Топоров].

⁴ Полагаю вполне резонным замечание немецкого историка Матиаса Ниендорфа, отметившего, что распространенная в белорусской историографии попытка интерпретировать ВКЛ как первоначально белорусское государство неубедительна. Но важно учитывать восточнославянско-православный характер ВКЛ, а не только польско-католический, который был лишь историей шляхты [Вялікае княства...]. Однако и определение ВКЛ как белорусско-литовской державы также вызывает возражения, ибо, по мнению А.О. Гурбика, не только не отражает тогдашние реалии, но и игнорирует двухсотлетнее пребывание в нем украинских земель. По его мнению, точнее было бы – *Литовско-Русское государство*, что отражает эпоху, когда под Русью понимали и белорусские, и украинские земли [Гурбик, с. 11]. В целом же, следует согласиться с констатацией И.А. Марзалюка, заметившего, что, «*да нашага сорама, на сённяшні дзень мы не маем ніводнай навуковай сінтэзнай працы па гісторыі ВКЛ*» [Марзалюк, 2001а, с. 144]. Это же констатировалось и спустя 15 лет, на первой в Беларуси научной конференции по истории Великого Княжества Литовского, состоявшейся в Минске 5–6 ноября 2015 г.

в качестве противовеса, проявляла заинтересованность в связях с западом, где располагался другой естественный ее союзник в борьбе с крестоносцами – Польша. Через нее, как отмечалось в предыдущей главе, вместе с католичеством пришли и элементы западноевропейской цивилизации, которые в течение XV–XVI вв. существенно преобразовали внутреннюю жизнь славянского населения ВКЛ. С упадком и гибелью Византии здесь усилилось и западное культурное влияние: в XIV–XVI вв. распространяется готика, а с середины XV в. – и ренессансные мотивы [Тумаш, с. 463–467]¹.

Особенно это стало заметно в XVI–XVII вв., когда западное влияние проявилось и в аграрных преобразованиях, разрушавших общинные традиции и укреплявших права индивидуальных землевладельцев, и в укоренении сословных привилегий шляхты, и в развитии городского самоуправления, и в формировании своеобразной сословно-представительной монархии. Даже боярами там назывались, в отличие от Московии, не верхушка, а служилые люди довольно невысокого статуса. Идет процесс формирования действительно единого сословия, обладающего всей полнотой политических прав. И они были закреплены в первом Литовском статуте (1529 г.). В нем были гарантии прав личности, прав собственности².

Эти процессы означали наступление зрелого феодализма (преобладание феодального уклада) в его центральноевропейском варианте [Белозорович; Болбас; Гурбик, с. 38–133; Данилова, 1993а, с. 51–56; Дворниченко, с. 121 сл.; Дмитриев, Елизаров, Елизарова; Калядзінскі; Корзун; Король; Матыс; Мисаревич; Нарысы, с. 525–526; Похілевіч, 1950; Сагановіч, 1997; Семенникова, 2000, с. 75; Флиер; Флоря, Яковенко, с. 15–16, 33]³. И все это на фоне усиливавшегося противостояния с Московским государством, претендовавшим, особенно после гибели Византии, на гегемонию в православном мире. В итоге среди наиболее динамичных общественных слоев у сформировавшихся в это время белорусов и украинцев – дворянства и бюр-

¹ Те же западные традиции активно проникали тогда же в Новгород и вообще в Северо-Западную Русь [Семенникова, с.162]. Там, внутри Руси, был свой Запад [Яковенко, 2000, с. 107]. Но попытки провести параллели между Новгородом и Полоцком XII–XIII вв. некорректны [Семянчук]. Ведь Полоцк тогда был не республикой, а центром княжества. Впрочем, и Новгород не являлся аналогией североитальянским средневековым городам-государствам, ибо он управлялся олигархами, в число которых входили окрестные феодалы.

² Например, в отличие от Московского государства, за вину человека отвечал только он, но не его семья.

³ Здесь следует согласиться и с тем, что аграрные процессы в Беларуси XIV–XVI вв. изучены еще плохо, догматично [Спірыдонаў, 1990, с. 114].

герства – происходит переориентация на западные нормы и ценности, что может означать включение их в круг центральноевропейской цивилизационной модели¹. Через обучение на Западе в эти слои проникают идеи гуманизма, в городах утверждается Магдебургское право. Крестьянство, естественно, было более консервативным². Но и в его среде, прежде всего в западных областях, усиливается роль индивидуального землепользования и других западных ценностей, что отразилось и активном распространении унитарства³.

Таким образом, приднепровские славяне в силу геополитической ориентации Великого Княжества Литовского как бы перешагнули, в цивилизационном смысле, в Центральную Европу⁴. Но такой переход, в силу исторической скоротечности существования данного государства, не успел закрепиться, укорениться в глубинных, корневых элементах народной культуры⁵. Его успели осуществить лишь менее связанные с традициями, более гибкие и пластичные шляхетско-бюргерские слои. Но с ликвидацией Речи Посполитой они оказались оторванными от возможностей влияния на общество и, чтобы не оказаться маргиналами, вливались в более устойчивые католические или православные элиты Польши и России. Оставшееся один на один с российской имперской администрацией, крестьяне, за исключением проживавших на крайних западных территориях, так и неуспевшие перестроиться на центрально-европейский лад, вернулись в лоно восточноевропейской цивилизации.

¹ Больше, как представляется, это касается белорусских земель.

² Тем более что втягивание региона в общеевропейские хозяйственные процессы привело к массовому закреплению крестьянства, начавшемуся в середине XV в. и завершившемуся к середине XVI в. [Вернадский, с. 15–16, 219–220; Гистория сялянства, с. 47–95; Гурбик, с. 8; Спиридонов, 1981; Спирыдонаў, 1990; Спиридонов, 1993; Юхо, с. 95]. Аграрные реформы XVI в. не уничтожили общину, за которой оставались угодья и некоторые общие повинности [Похилевич, 1948, с. 129–130]. Прежде всего, это касалось государственных земель и делалось для их сохранения [Пьянков; Kosman, s. 109–111]. Но введение подворного землепользования существенно изменило соотношение «своего» и «общего» в крестьянском мире, усиливало права хозяина.

³ Показательно, что на востоке ВКЛ эти процессы были выражены слабее. Здесь, в Поднепровье и Подвинье, сохранились общинные традиции и власти, заинтересованные в лояльности населения (учитывая близость Москвы), шли на сохранение «старин», даже вопреки интересам землевладельца (Голубеў, 2001; Голубев, 2001а; Голубеў, 2003; Голубеў, 2008, с. 120–124). Также и в городах, в их архитектуре западное влияние было существенным именно на западнобелорусских землях [Кушнярэвіч]. Не это ли способствовало сохранению и поныне различий между коренными жителями западных и восточных областей Беларуси и Украины?

⁴ Западное христианство, как известно, более ориентировано на персональную ответственность личности, усиливает чувство самоидентификации и индивидуализма [Radzik, s. 191].

⁵ Не отсюда ли и современные дискуссии о цивилизационной идентификации белорусов? [Гістарычны альманах, с. 189–196].

Рассуждая о том, почему в попытке объединить под знаком Виленской Погони всю Восточную Европу, ВКЛ, равная по материальным ресурсам тогдашней Москве, потерпела от последней поражение, Акиншевич справедливо заметил, что западная культура прививалась к иному культурному пню. Это делало новый росток хилым, тогда как перед ним стояли другие восточноевропейские общества, почти не затронутые западной культурой. И далее: чем более «западной» делалась «Литва», тем сильнее была сила их сопротивления. Чем полнее была вестернизация ВКЛ (XVI–XVIII вв.), тем больший отпор она встречала и внутри страны и, особенно, снаружи, с востока. Это обострилось, когда великий князь принял католичество, а белорусский и левитский шляхтич заговорили по-польски. В итоге, чем результативнее была вестернизация «Литвы», тем слабее и менее единым становилось общество. Хотя такого активного выступления против вестернизации, как в Украине при Богдане Хмельницком, в Беларуси не отмечалось; но и тут в XVII в. появлялись казаки¹, и было бы наивно думать, что борьба между католиками и униатами, с одной стороны, и православием, с другой – была результатом только религиозных воззрений. Это была великая борьба двух культурных основ. Западные правовые нормы принесли в Литовско-Белорусское государство, в белорусское, украинское и левитское общества принципы равенства, юридической ответственности, значение частной собственности и т. д., причем были творчески переработаны на базе традиций княжеской эпохи. Но реально шляхта нарушала это законодательство. И, завершает свою статью автор, ВКЛ – общество переходного типа, в котором боролись западные и восточные цивилизационные влияния. Некоторая, кстати внешняя, победа западного влияния оттолкнула от белорусско-литовской державы соседние земли с восточноевропейской культурной основой и отдала их в руки Москвы. А в самом ВКЛ борьба двух цивилизационных основ не привела к здоровому, органичному их синтезу. В этом причина того, что в конце XVIII в. ослабленное и внутренне истощенное ВКЛ стало легкой добычей России [Акиншевич, с. 452–453].

На это же обратил внимание и А.Я. Флиер, заметивший, что Польша оказала неосознанную услугу Москве, усиливая католическое влияние в ВКЛ, а затем – притесняя православие, что сделало невозможным объединение всех русских (по Флиеру) земель под эгидой Великого княжества [Флиер, с. 103–104]. О том же писал и надолго, к сожалению, забытый оригинальный белорусский мыслитель начала XX в. И. Канчевский [Канчэўскі].

¹ О появлении казаков см.: [Тимоховцев].

Мы не удержались от столь пространных заимствований из статьи Акиншевича, опубликованной еще в 1953 г., ибо, не будучи с ней знакомы, как и вообще с эмигрантской историографией¹, пришли к аналогичным выводам [Риер, 1999; Риер, 1999а; Рыер, 2000б]. Эти выводы уточнил И.А. Марзалюк, подчеркнувший, что обособление приднепровского населения от будущего великорусского началось с XIV в. и к XVI в. этот процесс завершился: население рассматриваемых территорий вошло, в цивилизационном плане, в восточную часть Центральноевропейского региона [Марзалюк, 2000]². Представляется, однако, что «вестернизацию» средневековых белорусских земель нельзя преувеличивать, ибо она не успела «произвести устойчивую поросль» (пользуясь аллегорией Акиншевича) на восточнославянской почве. Но и отвергать историческую особость белорусов, как это повелось со времен появления так называемого «западнорусизма» в русской и советской историографии, так же неверно. Здесь вновь уместно вспомнить Канчевского и Акиншевича. Первый привел мысль Ф. Скорины: *«Над зімнімі хвалямі Дзвіны я быў візантыйцам – Юрыем, а ў Кракаве, куды мяне пацягнула за еўрапейскай ведай – лацінікам Францышкам. А дапраўды, я не быў ні Юрыем, ні Францішкам, незалежным духам, якога вы шукаеце, духам агульначалавечым толькі ў беларускай скуру. Шукайце ж!»*. Второй отметил, что место белорусского народа нельзя четко и априорно найти среди вышерассмотренных цивилизационных комплексов [Акиншевич, с. 451; Канчэўскі, с. 75]. Представляется, определение «объема» этой особости и анализ ее исторических корней еще ждут непредвзятого исследования³.

¹ Она легально пересекла нашу границу лишь спустя полстолетия в антологии белорусской мысли, изданной в Варшаве.

² Выразим благодарность И.А. Марзалюку, который в ходе дискуссии представил публикации этого и других очень интересных авторов из белорусской эмиграции. Сама же дискуссия, частично отраженная на страницах сборника «Край», свидетельствует о необходимости более внимательного изучения сложного переходного периода белорусской истории – времени с конца XIII до второй половины XV в.

³ Сказывалось позднее, именно в это переходное время, формирование белорусского этноса и его географически определенной территории, за которой в XVII в., наконец, закрепилось название «Белая Русь», что отразило формирование всего комплекса белорусской культуры [Белы; Пазднякоў; Пилипенко, 1991, с. 4, 91–107; Піліпенка, 1992; Піліпенка, 1993а; Старасценка, 2001]. Здесь представляется уместным привести точку зрения украинского исследователя А.Ткаченко, зачитанную на III Конгрессе белорусистов 6 декабря 2000 г. Не имея должных ресурсов, Беларусь всегда стремилась к федерации с соседями (ВКЛ, Польша, теперь – Россия). В отличие от Украины, Беларусь не имела казачества. Отсутствие традиций существования частной собственности не позволило создать в Беларуси необходимых условий укрепления своей национальной буржуазии, которая, добавим, и формировала везде традиции независимости. Впрочем, уместно вспомнить и другое: *«...Такое великое дело, как возрождение нации, не может совершиться быстро, безболезненно и без усилий»* [Меир, 178].

В рассуждениях об исторических путях белорусских земель в средние века и упущенных возможностях нельзя не отметить, что, несмотря на приближение ВКЛ к западным нравам, шанс создать Русь, изначально более близкую Западу, был упущен выбором литовской верхушки – Кревской унией 1385 г., с которой начался процесс полонизации и католизации православных жителей ВКЛ. В результате первоначальная литовско-восточнославянская государственность неуклонно переходила в польско-литовскую, а затем и польскую¹. *«Но слабо подверженная западному влиянию, лишенная западной рациональности и эффективности феодальная Речь Посполитая не генерировала энергию западного накала. Самоуверенность слабой державы, отдавшей иезуитам свою восточную политику, стала невольным барьером на пути вовлечения (приднепровских славян. – Я.Р.) в западное гравитационное поле»* [Уткин]. Ощущение собственного отличия от Запада, породившее в польской шляхте его отторжение – сарматизм – также не способствовало сближению региона с западными нормами [Аніпяркоў; Астапенка; Уткин, с. 50–51]. В дальнейшем *«конфедеративность ВКЛ сыграла с ним дурную шутку»* [Филюшкин, 2004, с. 600], как, впрочем, и Речи Посполитой, став причиной потери независимости.

Можно лишь констатировать: славянская основа и, одновременно, связь с западной культурой, позволили белорусскому населению стать мостом между западным и православным типами культур в XVII в.² Украинская культура тогда более сохраняла православную ориентацию [История культуры..., с. 386; Полуцкая]. Это, очевидно, объяснялось тем, что после Люблинской Унии 1569 г. Беларусь и Украина были отделены друг от друга в политическом отношении: белорусские земли остались в структурах ВКЛ, а украинские отошли непосредственно к Польше, что породило жесткое сопротивление православного украинского населения [Вернадский, с. 263–264]. Впрочем, в современной украинской историографии по этому поводу существует широкий спектр мнений [Українознавчий альманах].

Таким образом, цивилизационное развитие Восточной Европы в средние века отличалось разнообразием. Гомогенным оно было лишь

¹ В литовской историографии существует мнение, что причиной полонизации Литвы был собственный выбор литовской элитой «учителей» для вступления в западную цивилизацию. Несчастье Литвы в том, что в XVI в. вместо глубокой европеизации произошла полонизация [Bumblauskas].

² Есть предостережения против безоговорочного включения культуры народов ВКЛ в западные культурные процессы [Елманова]. С другой стороны, В. Тумаш писал, что именно польское влияние в XVII–XVIII вв. парализовало дальнейшее развитие белорусской культуры [Brahа, s. 7].

в раннем средневековье, в рамках так называемого древнерусского общества.

Затем, в силу, прежде всего, политических коллизий XIII в., западная, побужско-днестровская (Галиция, Волынь) и приднепровская части региона оказались в составе Великого Княжества Литовского, сблизилась с западными соседями и начали впитывать западноевропейские цивилизационные признаки, причем в том виде, в каком они были восприняты Польшей, то есть еще более опосредованно, с соответствующим временным лагом. Проникавшие «сверху» порядки, подробно рассмотренные выше, так и не стали за почти 500 лет существования ВКЛ и Речи Посполитой органичными для населения указанных регионов Восточной Европы¹. Очевидно, сказалась территориальная, историческая (общие происхождение и прошлое), культурная (языковая и конфессиональная) близость с остальным восточнославянским (великорусским) обществом. В итоге здесь сложилась своеобразная контактная зона, с двойственными цивилизационными чертами². Разрушение государственности на пороге нового времени явилось следствием, в том числе, и непрочности западных цивилизационных основ. Влияние восточнославянских традиций, подкрепленное деспотическим, и потому более организованным (вернее, отомобилизованным) Московским государством, оказалось сильнее. Так сказать, «ветер с востока довлел над ветром с запада»³. Там же, где западные нормы, пусть и ограниченные, все же успели укорениться – в Польше, Прибалтике, Финляндии – российское господство не ослабило западную

¹ При этом надо, безусловно, иметь в виду, что время активного распространения западноевропейских цивилизационных норм было более коротким, едва ли более 200 лет, в XVI–XVII вв. Для изменения цивилизационного «кода» этого, безусловно, мало.

² Теперь общим местом в белорусской историографии, особенно среди философов, стало подчеркивание двойственности белорусского менталитета, сочетавшего как западные, так и восточные черты. Представляется, что менталитет – это хотя и неосознанные, но целостные представления. Анализируя традиционную культуру белорусов, надо констатировать не двойственность, а известное диалектическое единство противоположностей [Гістарычны альманах, с. 189]. Но важным фактором менталитета белорусов, сложившегося в рассматриваемое время, было господство сельских представлений [Глеханова], консервативных по определению. Поэтому городская, бюргерская культура, пришедшая с Запада, оказалась здесь неорганичной. Схожая, но более сложная из-за обширности территории, разных природных зон, южных и центральноевропейских (Галиция) этнических включений, была ситуация в украинских землях.

³ Не потому ли и в современном белорусском обществе более сильна память о восточнославянском единстве, чем о довольно продолжительном существовании в Центральной Европе (не географически, естественно, а культурно-политически). Второе свойственно лишь носителям книжной культуры, да и то далеко не всем, первое же хранится где-то в подсознании, то есть на уровне ментальности.

ориентацию. Ибо там сохранилась память о нормах частной собственности и элементах гражданского общества¹.

Развитие Московской Руси, долгое время отягощенное борьбой с кочевым миром, отдалило ее от остальной Европы и привело, в конечном счете, к формированию, с XV–XVI вв., общества с восточными цивилизационными чертами: с господством государственной собственности на землю, что создавало основу для неограниченной власти монарха и всепроникающего всеислия бюрократии. Но эти черты оказались для русского общества вполне приемлемыми, ибо, как и на Востоке, опирались на нерасчлененную общину и связанную с нею патриархальность (подробнее см. в следующем разделе). Дальнейшая восточная экспансия еще более усилила деспотические начала, углубляя специфичность, двойственность российской цивилизации, ее противоречивость, несформированность в ней устойчивого срединного ядра, устойчивой самоидентификации [Ерасов, 1995, с. 101; Лурье, с. 154].

С одной стороны, российская цивилизация не столько в силу размещения, но и в своих этнических, культурных, конфессиональных основах, а также широким спектром хозяйственных связей связана с остальной Европой. Именно периодически возникающая потребность определиться: сближаться ли с Европой и приступать к реформам, или же сохранять свою самобытность и оставаться такой же консервативной, как Восток, и составляет основную драму развития российской цивилизации: Россия – не Запад, но и не Восток. Она есть великий Востокозапад. В этом сложность и загадочность русской души [Бердяев, 1990, с. 111].

Необходимость модернизации архаичных обществ, неспособных прокормить себя, а также дать человеку гарантии его гражданского и личного достоинства, признается [Панарин, 1995а, с. 38]. Нежелание воспринимать западные ценности, но и неприятие восточного образа жизни – сказываются европейские корни – порождают периодические поиски «третьего пути» (отсюда и «неоевразийство»). Возможен ли этот

¹ Кстати, как остроумно заметил французский славист Жорж Нива, «в эмиграции русские как будто раскрывают крылья во всех смыслах – интеллектуальном, экономическом. Как будто чего-то не хватает у них в России... Почему человек лучше развивается за границей? Ответа на это нет, кроме одного: во-первых, он пребывает в рамках, где есть точные законы, точные правила игры, в то время как в России эти правила игры очень нестабильные» [<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24621142...>]. Данное наблюдение демонстрирует исходную «европейскость» русской ментальности, в отличие от «азиатской». Ибо люди Востока адаптируются на Западе куда в меньшей степени, за исключением, пожалуй, интеллектуальной, научной элиты. Но тут уже влору говорить об «интернационале интеллектуалов», о котором писал Даниил Гранин в биографии биолога Н.В. Тимофеева-Ресовского.

путь, не является ли поиск его фантомным? Попыток создания идеальных, справедливых обществ в истории хватало¹. Но все эти идеи оказывались утопичными, а попытки их реализовать – безрезультатными, что, представляется, неслучайно. Причем больше их наблюдалось именно в истории Востока, как например, склонность к созерцательности, которая свойственна и российскому обществу, не имевшему, как и восточные, развитых гражданских традиций. Отсюда: «*Общественный договор по-европейски – это соглашение подданных и власти об обоюдообязательном основном законе; общественный договор по-русски – это их молчаливый сговор об обоюдной безнаказанности при нарушении закона*» [Соловьев Э.Ю., с. 23].

Как видно, древнерусская эпоха действительно оказалась колыбелью, причем не только нескольких близких народов, но и основой для двух путей их средневекового развития. Как заметил философ, «...*Киевская Русь разделилась на свой Запад (Западная Русь) и Восток (Орда). В рамках Востока обнаруживается тяготеющая к западу Новгородская республика и смотрящая на восток Москва*» [Яковенко, 107]. Проследовавшее затем, в конце XVIII в., включение (скорее, даже, поглощение) российской цивилизацией западных территорий Восточной Европы – междуречья Днестра, Западного Буга и земель Днепровского бассейна не привело к воссозданию единого восточнославянского сообщества, не завершило поиски самобытности. Как показывают современные процессы, в регионе сохраняется потенциал для разных путей дальнейшего развития.

¹ Интересны своей сбалансированностью и внутренней логикой евразийские идеи философа А.С. Панарина [Панарин, 19956].

Раздел II ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

Глава 1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Предварительные замечания

Восток здесь понимается в европоцентристском смысле – как не-Европа, причем не столько в географическом, сколько в цивилизационном аспекте, ибо к Востоку будут отнесены азиатские, африканские и американские средневековые общества¹. Отказаться от такого подхода сложно, ибо автор связан с той средой, в которой он сформировался, и это влияет на его оценки даже на уровне подсознания...

Структура дальнейшего изложения в данном разделе будет отличаться от предыдущего. Начнем с общих характеристик и лишь затем обратимся к региональной специфике. Ибо, в отличие от Европы, цивилизационное развитие на Востоке было более гомогенным, опиравшимся, при всем многообразии, на серию сходных черт, и прежде всего – в формах собственности и организации власти [Фадеева, 2001, с. 15 сл.]². Хотя, безусловно, Восток воспринимается как целое лишь в сравнении с уникальностью Запада в мировой истории, в сопоставлении противоположности этих миров. Для самих же людей Востока он еще более разнообразен, чем для европейцев их континент.

Проблема периодизации. Как отмечалось во Введении, история Востока имеет иную, отличную от европейской, хронологию. Здесь не было резких смен форм общественного устройства. И в средние века продолжались прежние, сформировавшиеся в древности линии разви-

¹ *Европоцентризм* – это только одна из форм *этноцентризма*, который проявляется в «глобализации» той или иной культурно-исторической общности, в переносе ее ценностных критериев на весь остальной мир [Ферро, 1993, с. 16]. Здесь также заметим, что традиционно «Восток – это условное обозначение обществ, существовавших на территории Азии и Северной Африки в конце IV тысячелетия до н.э. – XVIII / начале XIX в. н.э., являвшихся «цивилизациями» по схемам Ф. Энгельса и Г. Чайлда» [Захаров]. Мы же, из-за типологической близости, добавляем сюда и доколумбову Америку.

² Вспоминаются приведенные одной из газет слова китайского таможенника, что все европейцы для него – на одно лицо. Нам же похожими друг на друга кажутся именно жители огромных азиатских регионов.

тия. Некой *особой эпохи*, как в Европе, здесь не было [Крюков..., 1987, с. 3]. Поэтому в данном контексте термин *средние века* употребляется скорее как «этикетка», удобная для обозначения хронологических рамок и синхронизации исторических процессов.

Проблема, однако, в правомерности переноса на восточную почву привычного для Европы соотнесения средневековья с феодализмом. Если в Европе переход к феодализму довольно четко очерчивается второй половиной I тыс. н.э., то по Востоку единого мнения не было даже среди советских историков, воспитанных на одной методологической основе. Если древнюю историю считать эпохой рабовладения, а средневековье рассматривать как эпоху становления и господства феодальных отношений, то к Востоку это отнести трудно¹. И в древности там существовало крестьянское сословие с мелким земледелием, общинами на государственных или господских землях, и в средние века там сохранялся рабовладельческий уклад в разных формах, а также прежние землевладельческие порядки. Отсюда возникло представление о существовании единой общественной системы, существовавших в цивилизациях Востока и в древности, и в средневековье. Причем преобладание именно поземельной власти и зависимости позволяет видеть феодальные отношения и на древнем Востоке. Отсюда – концепция «*большой феодальной формации*» [Алаев, 2000, с. 549–551; Васильев, 1966; Васильев, 1981; Илюшечкин, 1986; Илюшечкин, 1987а; Эволюция восточных обществ..., 30–32]². А если сопоставить генезис восточного феодализма со схемой синтеза в Европе, то на Востоке был синтез развитых земледельческих обществ с первобытной или раннегосударственной (чаще кочевой) периферией, что отнимало значительные силы, усиливало роль центральной власти – государства и сдерживало общее развитие [Эволюция восточных обществ..., с. 37]. Отсюда, при более раннем, чем в Европе, начале складывания феодализма – его замедленное развитие. Впрочем, если отказаться от европоцентристского стереотипа, то, может, именно динамика Востока соответствует общечеловеческим ритмам, а лишь небольшой полуостров Евразии – Западная Европа – с начала II тыс. нарастила темпы развития...

Однако, несмотря на отсутствие столь резких как в Европе, перемен, именно в I тыс. н.э. на Востоке отмечается постепенное нара-

¹ Тех, например, кого на Востоке называли рабами, обычно жили семьями, имели имущество и определенные права. В древнем Китае вообще не было ни термина «свободный», ни термина «раб» [Илюшечкин, 1986, с. 56; Рубин, с.129; Семенов, с. 83].

² В.П. Илюшечкин вообще считал, что *феодализм* означает определенную форму политико-правовой организации общества, а *рабовладение* – форму собственности в некоторых древних обществах. То есть эти понятия несопоставимы, а использование их в рамках формационной схемы – упрощение 30-х гг. XX в. [Илюшечкин, 1987, с. 81–84].

тание «удельного веса» феодальных признаков. Потому с его начала ведут отсчет и «восточного средневековья» [Васильев, 1994, с. 250]. Действительно, в начале новой эры гибнут древние монархии в Иране, Индии и Китае. В последнем со II в. укрепляется магнатское землевладение сильных домов, которые брали под патронат крестьянские хозяйства, получая с них натуральные поборы – феодальную ренту, прикрепляли крестьян к земле и подчиняли своему суду. Близкие процессы происходили и в Иране III–VII вв. [Дьяконов, с. 73–74, 81–92]. В Индии уже в конце I тыс. до н.э. началось превращение рабов и кабальных должников в арендаторов феодального типа, а свободных общинников – в зависимых. Завершение этого процесса наблюдают в V–VIII вв., когда доля рабов существенно уменьшилась, а земли часто передавались в кормление сановникам в награду за службу или в наследственное владение [Алаев, 1998, с. 109–110; Алаев, 2000, с. 549–551; Бонгард-Левин, с. 461–471; Ким, Ашрафян]. С VII–VIII вв. начинается история государств Юго-Восточной Азии, Тропической Африки, Арабского халифата, Кореи и Японии. То есть в средние века происходит существенное расширение ареала восточных цивилизаций – в исторический процесс активно включаются многие ранее первобытные племена [История Востока, 1999, с. 6]. И общества в них формируются на основе феодального уклада.

Отсюда – сохранение в историографии и традиционной точке зрения, согласно которой суть средневековья на Востоке, как и в Европе – генезис и развитие феодализма. В соответствии с этой концепцией, феодализм на Востоке формируется в первые века н.э. Время с VII по IX–X в. обозначено как раннефеодальное, в течение которого в большинстве восточных цивилизаций отмечалась натурализация экономики, упадок древних городов, раздача «кормлений» должностным лицам, преобладание мелкой частной феодальной собственности с эксплуатацией посаженных на землю безземельных работников и лишь частично – эксплуатация крестьян. Начало расцвета феодализма – домонгольский период – X(XI) – XII вв., характерный усилением централизованных государств, высоким уровнем развития культуры. В XIV–XV вв. происходит замедление развития, консервация и застой сложившихся порядков, сопровождавшиеся усилением деспотизма. Концом XV – началом XVI в. открывается период драматичной «встречи» Востока и Запада, имевшей важные последствия для всего хода мировой истории. Придав дополнительный импульс динамичному развитию Европы, ее торговая и колониальная экспансия в XVI–XVIII вв. прервала нормальный исторический процесс на Востоке, деформиро-

вала развитие азиатских и североафриканских стран [История Востока, 1999, с. 5, 628–639]¹. Здесь нельзя не вспомнить, что встречались условный Восток и условный Запад и раньше. Это и греко-персидские войны, в ходе которых у греков сложилось понимание своих отличий от персов, выразившихся в роли свободных граждан. Тогда впервые и появилось противопоставление Европы и Востока. Вспомним и арабские завоевания, остановленные франками при Пуатье в 732 г., когда в хрониках впервые возникло понятие европейцы. Наконец – крестовые походы конца XI – второй половины XIII в., на которые теперь нередко ссылаются в мусульманском мире как на христианскую агрессию, о которой помнят и теперь дают отпор. Но надо заметить, что эти походы, во-первых, затронули лишь западную окраину исламского мира, а во-вторых, были слишком хаотичными и в итоге не привели к каким-либо изменениям на территориях, куда были направлены.

Но, тем не менее, такой определенности, как в отношении Европы, в периодизации Востока нет, ибо вышеназванные вехи процессов феодализации не были для древних цивилизаций Азии чем-то радикально новым. Отсюда – дискуссии о начале средневековья на Востоке, о сути восточного феодализма, о чем речь впереди. Столь же неясно и время завершения средневековья на Востоке, ибо такого рубежа, как рождение капитализма, там не было, и феодальные порядки в той или иной явной (талибский Афганистан, например, или нынешняя попытка воссоздать халифат на Ближнем Востоке) и скрытой форме сохраняются и теперь. Указанная выше европейская экспансия в восточные (в цивилизационном смысле) земли тоже не может считаться рубежом, ибо законсервировала существовавшие там порядки.

Итак, проблема периодизации отражает сам характер развития Востока, к анализу которого и перейдем.

Основополагающие элементы цивилизационного развития Востока

Географические факторы. Поскольку, как известно, все древние и средневековые общества были крайне зависимы от природной среды, обратимся к географическим условиям Азии.

Характерна значительная удаленность от морей большинства ее территорий. Береговая линия при этом мало изрезана, что затрудняло мореплавание и связи между различными регионами. Если в Европе 1 км берега приходится примерно на 30 кв. км суши, то в Азии – на 60 кв. км [Эволюция восточных обществ..., с. 48]. Пригодные для проживания земли, сконцентрированные в бассейнах отдельных речных систем, чередуются с пустынями и горными системами. В итоге, хотя именно на

¹ То же относится и к Америке.

Востоке, в водосборах нескольких крупных рек сформировались древнейшие, самые ранние на Земле очаги земледельческих цивилизаций, на всем протяжении доиндустриальной эпохи они оставались изолированными регионами, разделенными обширными, циклопическими по европейским меркам, территориями, в силу своего рельефа, климата и характера почв непригодными для развития многоукладного хозяйства. При этом жители тундры и тайги, а также многих горных систем, наиболее мощная из которых сформировалась в Центральной Азии и включает Тибет, Гималаи, Памир, Тянь-Шань, в силу ограниченности ресурсов, практически все историческое время вели замкнутую жизнь, практически не контактируя с внешним миром.

Большую активность проявляло население периферийных, пограничных, горных массивов, таких как Кавказ и Малая Азия, географически связанных с соседними земледельческими обществами. В них нередко, в условиях локальной автономии, даже складывались очаги общественного устройства, напоминая древнегреческие полисы с элементами демократического устройства. Ибо в небольших анклавах с малопродуктивными землями у аристократии не хватало ресурсов для прочного единовластия¹. Но таким обществам не хватило «погруженности в море», то есть хозяйственного многообразия, многоукладности, что составляло уникальность древней Греции [Коротаев]. В других случаях, при более благоприятных условиях, формировались древние монархии, как, например, в Закавказье, Малой Азии, Йемене. Но они довольно рано исчерпали внутренние ресурсы для своего развития, в дальнейшем потеряли свою самостоятельность и превратились в периферийные объекты притязаний более активных соседей, среди которых выделялись многочисленные кочевые сообщества².

Кочевники представляли вторую составляющую населения Востока. Причем, если в Северной Америке они волею судеб и географических особенностей мало контактировали с земледельцами, в Старом Свете, особенно в Азии, было совсем наоборот. Представляется, что именно кочевой мир сыграл, наряду с природными факторами, главную роль в формировании специфики Востока³.

¹ Такое же наблюдалось и в горных массивах Европы: на Балканах, в Астурии, Альпах и Скандинавии.

² В отдельных случаях частично проблемы ограниченности ресурсов решались эмиграцией наиболее активного населения таких земель, что произошло, например, с частью армян, осевших в малоазийской Киликии. Такое, впрочем, как известно, произошло и в Европе с норманнами. Но в этих случаях население в диаспоре постепенно ассимилировалось коренными жителями или более многочисленными соседями.

³ Впрочем, активность кочевников тоже напрямую была связана климатическими колебаниями. Например, именно в пики похолоданий на Китай обрушивались волны

Кочевое хозяйство от природы агрессивно, ибо оно было экстенсивным, рассчитанным на постоянный поиск новых пастбищ, так как в естественных условиях восстановление кормовой базы отстает от роста поголовья скота. Отсюда и враждебность к земледельцам, в которых кочевники видели препятствие к расширению своих пастбищ. Потребности кочевников в земледельческих и, особенно, многих ремесленных изделиях, которые сами они не производили, при отсутствии возможностей для эквивалентного, взаимовыгодного обмена с оседлыми соседями, тоже провоцировали их агрессивность. Организация же кочевого быта с его подвижностью, отсутствием привязанности к определенному месту в сочетании с физической выносливостью, навыками всадников и постоянной готовностью к силовому отпору делали кочевников потенциально сильнее оседлого населения в военных столкновениях. И даже если последние, в конечном счете, одерживали победы, им потом приходилось затрачивать огромные усилия на восстановление своих усадеб, ирригационных систем, городов и дорог [Виноградов, с. 64; Литаврин, 2001, с. 6].

Вместе с тем, вполне оправдано фактами мнение тех, кто считает, что видеть в кочевниках только отсталые дикие орды – заблуждение. Дикарям не под силу создавать мощную политическую организацию, способную противостоять густонаселенным земледельческим цивилизациям, разрабатывать хитроумную политику, позволяющую выживать в суровых природно-климатических условиях и пополнять экономику своего общества дополнительными источниками существования. Элементы такой политики кочевников прослеживаются в отношениях между византийцами и печенегами, древнерусскими княжествами и половцами, Русью и монголами, Литвой и Крымским ханством [Крадин]. Добавим, тех же монголов с Китаем. Но, считая кочевников создателями оригинальной мобильной культуры степи, трансляторами многих инноваций [Першиц], нельзя забывать, что эти общества были жестко ограничены в развитии невозможностью создания многоукладного хозяйства. Все они могли существовать лишь за счет экстенсивной экономики. Возникавшие ограничения приводили их или к деградации (вспомним дальнейшую историю монголов), или к оседанию на землю и изменению всего жизненного уклада (венгры).

Но земледельческим цивилизациям кочевники наносили огромный урон, особенно непоправимый в Азии, где сельское хозяйство было основано на ирригации. При жарком климате и обилии солнечных дней водный режим был крайне неуравновешенным. Плодороднейшие до-

кочевников [Крюков..., 1987, с. 90–94]. Гунны, как известно, из-за похолодания добрались в IV в. и до Западной Европы.

лины крупнейших рек Востока страдали от периодической смены паводков засухами. Устойчивое земледелие было возможно лишь при наличии сложной системы по отводу, накоплению и сбережению воды. Это требовало огромных затрат времени и сил, что вело к усилению роли государственной власти и сложению централизованной, *так называемой* государственной собственности на землю.

Так называемой, ибо реально она всегда была собственностью конкретных властителей и объектом исполнения их интересов, далеко не всегда, естественно, совпадавших с интересами подданных. В принципе, думается, после выхода из первобытности, в истории реально существовал только один вид собственности – *частная*. Но в одних случаях она была и есть прямой, непосредственной, что наиболее полно было отражено еще в римском праве. В других она завуалирована корпоративными (коллективными и потестарными) формами, но ведь управляют, то есть распоряжаются ею все равно конкретные лица.

Централизация была необходима и для оперативного отпора кочевникам, а также для восстановления разрушенного (хотя это удавалось не всегда)¹. Строительство гигантских оборонительных сооружений (той же Великой Китайской стены) и содержание постоянных воинских контингентов требовало огромных затрат. В итоге значительные ресурсы приходилось тратить нерационально, что замедляло развитие Востока [История Востока, 1999, с. 633–634]². В условиях государственной собственности на землю централизация вела к деспотии [Илюшечкин, 1993, с. 30; Красильщиков, с. 7], которая затрудняла развитие рыночных отношений тогда, когда экономика уже была к ним готова (вспомним, что в Европе капиталистические отношения стали раньше всего формироваться в раздробленной Италии).

Зависимость от природы не прощала и экологических ошибок. Например, интенсивное орошение уже в IX в. привело к засолению Месопотамии и заболачиванию многих ее районов.

В Европе же, чем дальше на запад, к Атлантике, тем, в конечном счете, природа была благосклоннее к человеку. Не очень плодородная, в целом, земля, но при умеренном климате и устойчивом водном режиме давала пусть небогатый, зато стабильный урожай и не требовала значительных коллективных усилий для земледелия. Равнинный, по преимуществу, рельеф с изрезанной береговой линией и развитой речной сетью способствовал как поликультурности хозяйства, так и установлению связей между народами. Отсутствие непосредственного

¹ Вспомним о цветущих государствах Средней Азии, чьи земли были засыпаны песками после монгольского нашествия и не восстановлены в значительной степени и поныне.

² Борьба с кочевниками способствовала увеличению ренты с крестьян до 40–55%. В условиях централизации и элита потребляла до 15–20% национального дохода, тогда как в Англии XVI в. – только 5–7% [Мельянцева, 1996, с. 65].

контакта с кочевниками не требовало усиленной политической консолидации и затрат на оборону.

С другой стороны, жаркий и солнечный климат Востока не стимулировал прогресса в агрикультуре. В долине Нила, например, уже в древности снимали до трех урожаев в год. Также не было нужды в теплой одежде и обогреве жилищ. Это способствовало более высоким поборам с крестьян и затрудняло накопление ресурсов и собственности у труженников [Кульпин, с. 101].

Природа Востока требовала лишь ее понимания и сохранения. Отсюда – консерватизм, вера в мудрость предков, стремление ничего не менять, что, естественно, вело к застою, а порой и к деградации. Например, урожайность в некоторых местах Индии в середине XIX в. была почти в два раза ниже, чем в XVI в. То есть сохранение примитивных технологий вело к низкой производительности труда. Отсюда – бедность, а также большая роль принуждения и иерархии. Ибо труд сам по себе не позволял человеку выделиться и обогатиться, что делало главной целью занятие определенного места в обществе, причем без учета эффективности реальной деятельности индивида. В итоге вся его энергия направлялась не в труд, а в борьбу за место. А поскольку рутинное производство не поспевало за потребностями растущего населения, самым почетным становилось участие в распределении. В тогдашних условиях это вело, в ряде случаев, и к росту роли военного сословия [Геллнер]. При этом низкий технический уровень вполне мог соседствовать со значительными достижениями в науке и искусстве, как, например, в Тропической Африке и доколумбовой Америке [Красильщиков, с. 11–12].

Сказывались и другие природные особенности, в частности, жаркий климат, который снижал работоспособность в полтора-два раза по сравнению с Европой. Жара в сочетании с переувлажненностью ряда местностей провоцировала развитие многих болезнетворных микроорганизмов, что вызывало различные эпидемические болезни, очагами которых Восток богат и поныне.

В Европе же рост населения при невысокой продуктивности сельского хозяйства в умеренных широтах стимулировал не только расчистки новых площадей, но и технические усовершенствования, введение новых агроприемов и т. п., то есть способствовал прогрессу в агрикультуре¹. Хотя возникали и отрицательные явления. Если на Востоке человек был созерцателем, то в Европе возобладали потребительский,

¹ Заметим, что цивилизации Востока возникли и развивались на пространстве к югу от примерно 40° северной широты, а в Европе они появились в полосе между 45°–55°, то есть там, где на Востоке земледелия вообще не знали [Павлов, с. 260].

агрессивный подход к природе, что со всей тяжестью проявилось, однако, лишь в наше время экологическими кризисами и катастрофами.

Общественное развитие. Соседство с беспокойным и агрессивным кочевым миром имело для народов Востока и более серьезные последствия. Волны кочевых набегов, периодически накатывавшиеся на цивилизации Востока и даже на Восточную Европу, если не разрушили вообще эти цивилизации, то настолько их ослабляли и дезорганизовывали, что пережившие набеги и периоды подчиненности народы нередко вынуждены были все начинать сначала.

Вспомним основные события. Персидское государство первой половины I тыс. и отчасти Византию в VII–VIII вв. разрушили арабы. Их, в свою очередь, в XI в. разгромили турки-сельджуки. Тех в XIII в., а заодно опять Персию, а также ряд древнерусских княжеств и других государств разгромили и опустошили монголы. На Малую Азию в конце XIII в. накатилась новая волна – турки-османы. А в XIV в. – Тимур и – новые опустошения. То же происходило и на Дальнем Востоке: на Китай IV–VI вв. нападали сяньбины, в X в. – кидани, в XIII в. – все те же монголы. Такие же волны накатывались и на Индию с середины I до середины II тыс. Каждое завоевание – это не только гибель людей и хозяйственное разорение. Происходила смена господствующих слоев, раздачи прав и земель новым господам, которые по-новому организовывали государственные структуры (финансы, законы и т. д.). перераспределялись и росли налоги. И так продолжалось не один раз. Например, турки-сельджуки и турки-османы дважды за несколько столетий на одной территории и фактическим одним этносом начинали сначала; и этот разрыв в три столетия сохранился до XX в. Ведь в XIV в. османам пришлось вновь создавать служилое сословие со специфическими формами землевладения, восстанавливать то, что уже существовало при арабах и сельджуках (икта, мюльк и др.). В Индии с VI в. система пожалований стала разлагаться и усиливалась частная собственность, которая начала играть весьма существенную роль к XIII в. Но затем мусульмане в Северной Индии все вернули к икта. Когда эта система под влиянием частнособственнических устремлений служилого сословия в Делийском султанате вновь стала разлагаться, монголы в конце XIV в. и начале XVI в. опять все возвращали на круги своя.

В Японии, защищенной морями, таких катаклизмов не было, и она развивалась в итоге динамичнее: в XII в. распространилась система поместного землевладения – сёэн, в XVII в. был установлен абсолютизм, а в 1868 г. уже произошла первая в Азии буржуазная революция.

Почему же кочевники так отрицательно влияли на азиатские общества? Общинные права на пастбищные земли у них перерастали в собственность на всю землю правителей. Условия хозяйственной деятельности способствовали сохранению клановости (ведение кочевого – максимумно экстенсивного – хозяйства было под силу только большим семьям, родам). Отсюда возвышение одного рода вело не к присоединению к нему других знатных родов и складыванию господствующего сословия, а просто к превращению всех родичей из правящего клана в господ. Свержение такого клана означало и гибель всего созданного таким образом потестарного образования, ибо исчезал его стержень. Поэтому уместно и называть его не государством, а сложным вождеством¹. В государства оно не успевало развиться и периодически, со сменой династий, начинало формироваться заново.

Захватывая земледельческие территории на Востоке, номады заставляли там тоже общинную и государственную земельную собственность из-за, как отмечалось, необходимости ирригации и страха перед ними же. В общем-то, номады не изобрели эти формы собственности, но постоянно подпитывали и укрепляли их в земледельческих обществах Востока [Эволюция восточных обществ..., с. 34].

Особенности восточного феодализма. Итак, специфические географические условия Востока (необходимость ирригации и соседство с кочевниками) сделали невозможной индивидуализацию хозяйственной деятельности². В итоге здесь не сложились предпосылки для формирования устойчивой частной собственности на землю и феодализм развился в форме централизованного управления обществом на основе единой – государственной формы собственности на землю (власть – собственность), централизованного сбора ренты и централизованного же ее распределения. Верность подданных гарантировалась не дарообменом, как на Западе, (сеньор вассалу – землю, тот – верную службу), а отсутствием у подданных гарантированных прав на землю – основного источника существования.

Такая форма общественных порядков Востока, противоположная западноевропейской, была замечена, как известно, в середине XIX в., когда развитие исторической мысли в Европе на фоне нарастания источников о жизни Востока в рамках его колониального освоения привело к размышлениям о локальных особенностях жизни разных народов.

¹ Тем более что «в кочевых культурах, в отличие от оседлых, понятие «государство» прежде всего связано с народом, а не с конкретной территорией или границами» [Дмитриев, Кузьмин, 2012, с. 12].

² Иное было в Японии, что и сближало многие черты ее общества с европейскими, о чем – ниже.

Европейские интеллектуалы не только обратили внимание на глубокие отличия их мира от восточного – это было известно и раньше. Но появилось стремление объяснить эти различия. Хрестоматийными являются рассуждения К. Маркса об *азиатском способе производства*, его формула: отсутствие частной собственности – «ключ к восточному небу» [Маркс, т. 28, с. 215, 221].

Но еще до Маркса к анализу причин восточной общественно-исторической специфики обратился, как отмечалось выше, Л.И. Мечников, проследивший тесную связь цивилизационного развития с природной средой. Он, пожалуй, первым в европейской историографии объяснил, что в основных водных бассейнах – «*колыбелях цивилизаций*» – Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхэ возникшее деспотическое устройство вызывалось потребностью в ирригации. Назвав эти цивилизации «*речными*», он указал, что отличная от них европейская цивилизация, выросшая из античного мира, формировалась как «*морская*» [Мечников]. В середине XX в. востоковеды Ж. Пиренн и К. Виттфогель уже более основательно увязали «речные цивилизации» Востока с деспотическими режимами. К. Виттфогель назвал такие деспотии, связанные с ирригацией, «*гидравлическими*», подчеркнув, что восточное общество в силу необходимой централизации формировалось на отрицании прав собственности индивидов, заменяя их системой тотального контроля над всеми основными ресурсами, что в итоге и порождало деспотизм, ибо лишало не только отдельных членов сообществ, но и локальные коллективы (общины) возможностей самообеспечения. С территориальным и демографическим разрастанием такого государства росла и роль посредников между верховной властью, правителем и подвластным населением – той самой бюрократии, людей «*аппаратного государства*» [Wittfogel]. И хотя впоследствии некоторые выводы Виттфогеля подвергли сомнению опиравшиеся на новейшие исследования антропологи, но с тем, что «*крупномасштабная ирригация там, где она осуществлялась... способствовала... росту мощи и размеров государства*», они согласились [Карнейро, 2006, с. 68]¹. И – обратный пример: в Древнем Китае наиболее широкомас-

¹ Подробнее концепция К. Виттфогеля нами уже рассматривалась [Риер, 2016, с. 43–47]. Там же приведена и соответствующая библиография. Дополним краткой, но яркой характеристикой публициста и писателя Ю.Л. Латынину: «*Виттфогель – марксист, и это человек, который все объяснял из экономики, и Виттфогель написал в своей книге, что все древние восточные империи, поскольку земледелие питалось не водой, которая падала с неба, а каналами, которые надо было копать, эти каналы копало государство, поэтому государство там было такое могущественное...*» [<http://www.echo.msk.ru/programs/code...>]. Краткое изложение основных выводов Виттфогеля также см.: [[http://www.gramotey.com/...](http://www.gramotey.com/)].

штабные ирригационные работы проводились при самом деспотичном режиме, в годы правления Цинь Шихуанди [Кульпин, 1999, с. 29–30, 40–42, 79–80, 93].

В силу рассмотренных особенностей власть государя на Востоке стала всеобщей, опиралась только на традицию и не нуждалась в правовом оформлении. Она оказалась выше права, имела мистическое происхождение, не требовала доказательств. Отсюда – гипертрофия государственной собственности и вообще власти государства (в лице конкретных правителей). А все непричастные к власти – безликая масса подданных. Даже если среди них выделялись группы, обладавшие значительным имуществом, по отношению к правителям они все равно – рабы. Ибо у них не было никакой правовой защиты от произвола власти.

Неограниченность власти происходила от того, что привилегии всех слоев не были зафиксированы ни в законе, ни в обычае. Государство как аппарат оказывалось не выразителем интересов всех землевладельцев, а структурой, надстроенной над основными сословиями. Права индивида сохранялись только по отношению к другому индивиду, а его права по отношению к государству отсутствовали [История Востока, 1999, с. 621–623]. Лишь традиционные объединения – касты, общины, кланы – как-то защищали. Отсюда прочность и консерватизм этих традиционных сообществ.

Конечно, с развитием хозяйства, разделением труда, ростом городов и рыночных связей частная собственность появлялась. Особенно к ней стремилась знать, пытаясь приватизировать права на землю. Но, даже объединяясь, группировки знати не могли подняться над произволом центральной, государственной власти, хотя периодически ослабляли правителей. Конечно, это не значит, что на Востоке не существовало частных владений у лиц, причем, не только знатных, принадлежащих к правящим слоям, но также у крестьян и горожан. И владениями этими можно было распоряжаться: передавать по наследству, дарить, продавать. Но не было правовых гарантий собственности частных лиц любого ранга. Законы, юридические нормы, если и существовали, не соблюдались властью [Алаев, 1998, с. 96–97, 117–119; Алаев, 2000, с. 258; Васильев, 1998, с. 26–33, 41–46; Гайдар, 1997, с. 85; Фадеева, 1998, с. 78–93; Частная собственность..., с. 11–13].

При наблюдении за развитием стран Востока замечается парадоксальное явление. С ослаблением власти государства из-за стремления знати оградить себя от произвола власти усиливается произвол по отношению к труженикам. Они, естественно, считали виновными в этом частных собственников – непосредственных эксплуататоров, которые

своим сепаратизмом ослабляли центральную власть. В итоге «простой народ» обычно поддерживал очередного соискателя верховной власти, который, как правило, обещал порядок в управлении и уравнение всех подданных в правах (то есть, по сути, обещал вернуться к нарушенной норме – всем быть рабами власти). В результате вновь усиливалась верховная власть и ослабевала частная. Иными словами, происходил передел собственности в пользу государства (монарха и его чиновников). Затем – новая хозяйственная стабилизация – новый рост реальной частной собственности знати и усиление ее сепаратизма – ослабление государства – недовольство простого народа и... так по кругу. Такую цикличность еще в XIV в. подметил арабский философ Ибн Хальдун [Бациева; Игнатенко; Ионов, 2004, с. 170–171; Ионов, 2007, с. 143–150].

Это происходило, очевидно, потому, что общественные кризисы преодолевались не изменениями в организации производства, которые бы улучшали материальное положение широких слоев общества и совершенствовали социальные отношения в нем, а наоборот, усилением, с помощью тех же широких слоев, деспотических форм управления.

Органический порок деспотической системы – слабость обратных связей. В процессе общественного развития центральная власть настолько усиливалась, что ломала хребет обществу, и оно свергало очередную династию [Мургузин, с. 39–44]. Что и было характерно для Востока – развитие по кругу как закономерность его исторической судьбы.

Но в этом – и источник стабильности Востока. Разложение и гибель старых государств с «заевшейся» властью и несказанно разбогатевшей аристократией не только возвращала собственность государству и уравнивала тем самым разные слои общества, но и омолаживала власть за счет прихода более энергичных и способных людей из низов (вспомним историю арабов, Китая) или из завоевателей. Эта закономерность начала размываться лишь в колониальную эпоху.

Тем не менее постоянное наличие в обществах Востока тенденций к укреплению частных прав, особенно на землю, показательно. Очевидно, стремление это заложено в природе человека; если он способен самостоятельно удовлетворять свои потребности, ему не нужен внешний контроль. Поэтому власть постоянно стремилась сократить возможности для частной жизни и хозяйственной самостоятельности своих подданных, что и сохраняло всеобщую зависимость от государства в лице монарха и его чиновников. Но так как сама власть на местах состояла из все тех же людей с их естественным стремлением к само-

стоятельности, возникал, если его называть в современных терминах, «конфликт интересов» и, как результат – клановые дрязги, усобицы, заговоры, все эти страсти и жестокости Востока.

Итак, основным признаком восточных цивилизаций являлось преобладание государственной собственности на землю и, отсюда, неограниченная власть главы государства над подданными, лишенными гарантированной собственности. Частная собственность рассматривалась как арендованная, которую можно отнимать. Права же государя на землю не нуждались в юридическом оформлении, то есть была выше права, имела мистическое происхождение, не требовала никаких доказательств [Алаев, 1988, с. 31]. В результате правовое положение и рядового труженика, и знатного сановника оказывается одинаково необеспеченным¹. Это создавало простор произволу, сдерживаемому лишь традициями, уходящими корнями в патриархальную древность. В таком постоянном обращении к прошлому – тоже причины консерватизма и застойности Востока [Васильев, 1994, с. 127, 484–493].

Важнейшим, пожалуй, гарантом патриархальности, противостоявшей произволу, оберегавшей человека, была община. В ней доминировало коллективистское начало, что, кстати, почти гарантировало крестьян от обезземеливания многие столетия и тоже консервировало средневековые порядки. Община, препятствовавшая обособлению крестьянских домохозяйств тормозила и развитие агрикультуры, что способствовало общему застою, характерному для цивилизаций Востока [Кульпин, 1999, с. 44, 143–162; Кульпин, 2014, с. 167, 173–175, 216–223, 237].

В итоге при всех региональных различиях община на Востоке сохраняла верховенство в хозяйственной деятельности, не достигла того уровня индивидуализации, как германская община-марка [Алаев, 1998; История Востока, 1999, с. 614–615; Ким, Ашрафян, 1987]. Причина все та же – господство государственной собственности. В свою очередь, государственная собственность опиралась на коллективистские общинные традиции. Она и выросла из патриархальной общины: монарх – из общинного старейшины, все общинники – его дети, судьбой которых он распоряжался как старший. Личность при этом была полностью поглощена коллективом, лишь лидеры, превращавшиеся в патриархов, могли проявлять индивидуальность [Васильев, 1982; Васильев, 1990; Васильев, 1994, с. 30, 52; Павленко, 1993, с. 59].

¹ Это можно рассматривать как наиболее чистую форму феодализма, выраженную во всеобщей связанности через дарения и службы, в бесправии большинства и вселили немногих, нерасчлененности управленческих и эксплуататорских функций [Алаев, 1987]. В западной средневековой цивилизации в эту систему вмешивались индивидуальные права, основанные на традиционном и правовом признании частной собственности.

Так произошло потому, что в силу рассмотренных географических условий государственная организация на Востоке возникла до начала формирования частных прав на землю [Политическая интрига..., с. 11–12]. Государство и стало гипертрофированной всеобщей общиной¹. Но такая огромная община не могла каждодневно воздействовать на своего главу, как на старейшину в деревне. Патриарх отдалялся от народа, вынужден прибегать к помощи слуг. Ничем, кроме традиции, он не был ограничен. Окруженный слугами, отдаленный и отделенный от народа, патриарх отдалялся и от традиций. В итоге возникала деспотия. Писанные законы, конечно, были. Но их наличие сути не меняло. При монопольном праве на собственность власть сама же себя и контролировала. Естественно – человек слаб – законы могли и не соблюдаться.

Частная собственность на землю, которая всё же формировалась из монарших дарений, пожалований, складывалась только в среде приближенных к власти, то есть у высшей прослойки господствующего сословия, причем сверху, как дополнение к правам на сбор налога. Собственность же остальных была редкой, неполной, подверженной произволу, что отрицательно влияло на хозяйственную инициативу и тоже вело к застою.

Важен и моральный фактор – отсутствие гарантий прав личности. Даже знать подвергалась телесным наказаниям. Свободные государства – продукт общества. Деспотические государства – творцы общества. Деспот должен воплощать основные чаяния простых людей о сытой жизни. Еще Конфуций писал: *«Народ не в состоянии понять правильный путь, его следует заставить идти по нему»*. Отсюда насилие, даже террор, ибо нужен страх. Без постоянного страха деспотический режим распадается [Монтескье, с. 39–40].

При отсутствии четко оформленных сословий (кроме Японии в позднем средневековье) критерии выделения в правящий слой были субъективны. Богатство создавалось не из собственности и ренты с нее, а от близости к правителю и перераспределения налогов, что вело к коррупции и в итоге – к нерациональному проеданию огромной доли производимых богатств.

Особенности хозяйственных процессов. В них наиболее наглядно проявились результаты специфики Востока, причины его относительно медленного развития по сравнению с Европой.

¹ Хотя в Китае, например, серия земельных реформ постепенно разрушила общину в деревне, но сложилась как бы единая община на государственных землях, где была введена надельная система для всех подданных, по сути, единая община с уравнительным землепользованием. То есть надельная система воссоздавала все ту же передельную крестьянскую общину, но в общегосударственном масштабе [Данилов и др, с. 18–19].

В новую эру Восток вошел не только с огромным опытом исторического развития, накопленным с древности, но и с уровнем, опережавшим тогдашнюю цивилизованную Европу – античное общество. Согласно подсчетам В.А. Мельянцева, по среднегодовым доходам на одного человека ханьский Китай несколько опережал Рим эпохи принципата: в Китае этот доход составлял в пересчете на цены 1980 г. 340–400 долл., а в Риме – 300–400 долл. Урожайность зерновых в Китае составляла 8–10 ц/га, в Риме – 6–8 ц/га. Уровень урбанизации (наличие городских поселений с населением свыше 5 тыс. жителей) в Китае – 11–12% всех поселений, в Риме – 9–10%, средняя продолжительность жизни: в Китае – 24–28 лет, в Риме – 22–26 лет. В течение I тыс. на Востоке отмечен даже скачок в развитии. В Китае, например, к концу I тыс. сбор зерновых вырос в полтора раза при росте урожайности до 1–16 ц/га, что превышало тогдашний европейский уровень в 4–5 раз. Железа в Китае в XI в. производилось по 1,5 кг в год на человека. В Европе этот уровень был достигнут в середине XVI в. Темпы роста денежного дохода в Китае за вторую половину I тыс. (в два раза) соответствовали темпам, отмеченным в Голландии и Англии в XVI–XVIII вв., то есть когда там интенсивно «строили капитализм». В XI в. средние денежные доходы в Китае составили 600–700 долл. на человека в год, в Индии – 550–600 долл., в Египте – 470–530 долл., что было в 1,5–2 раза выше, чем в Западной Европе. В Китае к началу второго тысячелетия в городах (с числом жителей более двух тысяч) проживало не менее 20%. В Западной Европе этот показатель не превышал 11–13 %. Доля грамотных в Китае X–XII вв. достигала 30–40%, а в Западной Европе эта цифра не превышала 1–2%. В целом Запад в XI в. отставал от Востока примерно в два раза¹. Причины тогдашнего превосходства Востока: накопленный с древности опыт, грамотность, общая культура. Однако именно в первую половину II тыс. те социокультурные системы, которые теперь принято называть цивилизациями, достигли на Востоке потолка в своем развитии. Они оказались неспособными обеспечить растущие потребности увеличивавшегося населения. В XI–XVIII вв. число жителей в Китае выросло в пять раз, в Индии – в три раза, на Ближнем Востоке осталось примерно на одном уровне. Но среднедушевой продукт не только не рос, но даже несколько сократился, то есть наступил застой (стагнация) [Ерасов, 2000, с. 44–45; Мельянецв, 1993; Мельянецв, 1996, с. 55–60]. Еще раз обратимся к причинам.

¹ Впрочем, не следует слишком выпячивать превосходство товарно-денежных отношений на Востоке над Европой, ибо роль этого фактора в средневековой Европе ранее недооценивалась [История Востока, 1999, с. 615].

Конфронтация с кочевниками вызывала на Востоке такой уровень военных расходов, который в Европе не знали. Как это влияло на экономический и жизненный уровень – понятно. Но еще более существенным было вмешательство в экономику деспотического государства, при котором жизнь целых обществ зависела от мудрости (или глупости), других добродетелей или пороков какого-либо правителя. Хозяйственная самостоятельность не поощрялась. Отсюда – приниженная роль генераторов экономического развития в средние века – городов. Это было связано с несколькими факторами.

На Востоке ремесло имело древние корни. Но оно выросло, прежде всего, как производство для нужд знати. В Европе же специализированное ремесло возникло относительно поздно, но для нужд самой экономики, для нужд производства и всего населения. Отсюда самостоятельность ремесла в Европе, необходимая для общественного прогресса в целом. Этому способствовали традиции индивидуального хозяйствования, принесенные в создававшиеся в средневековой Европе города ремесленниками – бывшими аллодистами, а также независимыми от еще слабой власти торговцами. На Востоке же города остались включенными в систему государственной бюрократической власти с мелочным контролем и регламентацией экономической жизни, что подавляло хозяйственную инициативу. Правители могли давать городам, как и частным лицам, привилегии, но могли и отнять. Функция городов как центров ремесла и торговли на доколониальном Востоке все же уступала функции обслуживания деспотического государства. Накапливаемые в городах, особенно в торговле, огромные средства, вследствие подчиненности горожан, изымались властями из оборота и тратились на содержание многочисленной армии (и военных, и чиновников). Огромные средства и право бесконтрольно ими распоряжаться в условиях деспотической власти развращали правителей – неисчислимые суммы уходили в роскошь, сокровища, гаремы, то есть попросту растрчивались. Широкое государственное вмешательство в сферу внутренней и внешней торговли осуществлялось в во многих странах Востока в форме установления разного рода монополий, государственного контроля за поставками продовольствия и сырья, жесткой регламентации внутренней торговли отдельными видами товаров и т. п. В связи с этим в городах Востока не сложилось сословной корпоративности и не выработалось само понятие «горожанин» в противовес понятию «селянин» [Вебер, 1923, с. 21; Город..., с. 139–143; Мельянцев, 1996; Фадеева, 2001, с. 54–55]¹.

¹ В таких условиях не возникали и условия для конкуренции – этого двигателя экономического прогресса, что подчеркнул министр иностранных дел Беларуси В.В. Макей:

Итак, деспотическая власть на Востоке препятствовала формированию политической автономии и хозяйственной самостоятельности городов, что затормозило их экономическое развитие. Восточное цеховое ремесло практически так и не переросло в стабильное мануфактурное производство. То есть на Востоке город до появления там европейцев оставался средневековым. И это имело самые отрицательные последствия. На Ближнем Востоке технологический упадок был замечен уже в XII–XIII вв. (во время крестовых походов). В Китае количество изобретений сокращалось с XIV в. Производство железа там с примерно 1,5 кг на человека в год в XI в. уменьшилось к середине XVII в. до 0,8–1,2 кг. Энерговооруженность в XIII в. в Китае уступала западноевропейской в 2,5–3 раза, а в XVI в. – уже в 4–5 раз. В итоге – доля накопления в национальном доходе, например, Индии XVI–XVII вв. стала меньше, чем в Риме I в. и Западной Европе XI–XIII вв. (0,8% против 3–5% национального продукта). На Востоке это компенсировалось ростом населения, которое количеством заменяло энерговооруженность. В этом проявлялась и незаинтересованность властей в хозяйственном развитии (им хватало) и простых людей (из-за увеличения поборов при дополнительных доходах, то есть: больше сделаешь – больше отберут). Быть богатым было опасно. Выбиться в люди можно было, лишь заняв какую-либо должность. Крупные мастерские чаще принадлежали казне и были основаны на внеэкономическом принуждении, а не на товарном производстве. При избытке рабочих рук в городах преобладал мелочный обмен – существовала гипертрофия базара. В результате уровень урбанизации Западной Европы в XI–XVIII вв. вырос с 8–9% до 11–13%, а в Китае – уменьшился с 10–14% до 6–8%. На Ближнем Востоке количество крупных городов увеличилось, но сократилось общее число городов. [Илюшечкин, 1987а; Мельянцев, 1993; Мельянцев, 1996; Петров; Сунягин, с. 16–19, 28–30].

Такое отношение властей к экономике вело к деградации основного источника жизни на Востоке – сельского хозяйства. Например, в Египте отмечено сокращение посевных площадей с 2–2,2 млн га в XII–XIII вв. до 1,2–1,3 млн га в XVIII–XIX вв. (на душу населения – с 0,5 до 0,3 га). В Китае – 0,4 га в XI в. (на человека) до 0,2 га в XVI–XIX вв.¹ То же происходило и с орошаемыми землями. После успехов в древности и раннем средневековье, во II тыс. на Востоке нарастало истощение природной среды при неизменности методов адаптации к ней. Новые

«...В крупных империях Евразии не возникали условия, подобные европейским: внутри этих империй не было основ для внутренней конкуренции и, следовательно, последующего индивидуалистского взгляда на мир» [<http://news.tut.by/politics>].

¹ В Китае, впрочем, это было связано и с интенсивным ростом населения.

подходы не выработывались. В Европе же во II тыс. сказался эффект «раскованного Прометея» – высвобождения творческой энергии личности [Мельянцев, 1993; Мельянцев, 1996].

Особенности духовной жизни. Все рассмотренное, естественно, отразилось на религии и культуре. Во всех восточных религиях велика роль магии, мистики, ибо в таком мире маленький человек бессилён и перед природной стихией, и перед бюрократией. Государство воспринималось как нечто абстрактное и непостижимое, почти сверхъестественное, в котором нельзя что-либо отстаивать, а надо беспрекословно подчиняться, как божеству¹. Обожествление государства вело и к сакрализации монарха – правитель и *Государство* как бы заменяли Бога [Зубов; Фадеева, 2001, с. 5].

Общим для Востока являлся контроль за самореализацией каждого подданного, но без вторжения во внутренний мир. Лишь бы соблюдалась внешняя лояльность². Отсюда – показное, для европейцев даже нарочитое, благочестие, подмеченное в людях Востока ещё греками и римлянами, склонность к мистике, постоянное упование на внешние силы. В христианской Европе в средние века это тоже проявлялось, но не в такой степени, в условиях большей роли личности. Самореализация на Востоке поэтому была возможна только в отстранении от власти [Васильев, 1990; Павленко, 1993; Петякшева].

Всевластие государственной системы создало и ещё один феномен восточной культуры – представление о возможности достижения идеала на земле. Вера в возможность это осуществить – основа для мессианских идей³. При этом неважно, что они, как правило, не реализовывались. Все, что не вписывалось в идею, попросту игнорировалось. Это вошло даже в повседневную практику. Так, если какой-либо чиновник в Китае не хотел приветствовать коллегу, их свиты раскрывали веера и считалось, что чиновники друг друга не видят⁴.

Восточные религии консервировали пассивность. Если в Западной Европе католицизм «со скрипом», но все же подстраивался к общественному развитию, а в XVI вв. дополнился более соответствующим капиталистической идеологии протестантизмом, то на Востоке все

¹ Государство на Востоке не воспринималось как результат общественного договора, и потому не вызывало раздражения, что договор был плохо составлен [Померанц, с. 84].

² Личность была ценна не сама по себе, а как инструмент [Буйда].

³ Это было характерно и для восточного христианства, что сближало его с культурой собственно Востока [Зубов].

⁴ Не отсюда ли сегодняшнее игнорирование реалий, рождающее озлобление и агрессивность у всевозможных фундаменталистов?

древние и средневековые религии практически сохранились в неизменности. Индуизм консервировал кастовый строй, мешавший развитию товарно-денежных отношений. Буддизм уводил от реальности в область духовных абстракций и был против проявления жизненной активности.

Ислам, который поначалу способствовал прогрессу арабов, их включению в круг мировых цивилизаций, постепенно стал тормозом в общественном развитии из-за, во-первых, объединения светской и духовной власти в единое целое, сочетания монархии и теократии. В конечном счете ислам стал господствовать в светской жизни, чем воспрепятствовал прогрессу в науке и технике, особенно там, где нужны были заимствования из немусульманского мира (книгопечатание появилось у мусульман только в XVIII в.)¹. Господство шариата привело к отсутствию женского образования в исламских обществах. Неграмотные, приниженные женщины мало что могли дать своим детям. Знаменитый индийский деятель первой половины XX в. М. Ганди говорил: «Обучая мужчину, вы обучаете человека, обучая женщину – вы обучаете целую семью».

Во-вторых, ислам застрял на первой стадии ленной системы землевладения (с временным пользованием землей без права частной собственности). Это произошло от консервации патриархального обычного права в мусульманском кодексе, исламском праве (земля принадлежит Аллаху). От имени Аллаха землей распоряжается правитель. Так же по исламскому праву государство в лице правителя распоряжалось и движимостью правоверных. Отсюда – произвол, припрятывание имущества, невозможность пустить его в дело. Не случайно – даже в восточных сказках это заметно – купцы, ремесленники всегда прибедняются, ходят чуть ли не в лохмотьях, заискивают перед всемогущими вельможами. Ислам запрещал ростовщичество (христианство лишь осуждало его). В результате ростовщики были, но в подполье (брали деньги как бы за услуги, заключали фиктивные сделки купли-продажи). Это тормозило рынок, рождало теневую, то есть подпольную экономику (не платившую налогов), с коррупцией и уголовщиной.

В-третьих, для ислама был характерен фатализм: все определено Аллахом. Отсюда – покорность судьбе, подрыв предприимчивости, инертность, которые сменили раннесредневековую активность арабов [Еремеев]. Постепенно консерватизм ислама превратил его в систему, неспособную реагировать на изменения жизненных реалий, что приве-

¹ Первая типография появилась в Османской империи еще в конце XV в., но сразу же была запрещена и вновь открыта лишь в XIX в. Деградировали науки, перестали изучаться иностранные языки [Мельянцев, 1996, с. 232–233].

ло к сохранению средневековых черт в мусульманском сообществе и агрессивную реакцию фундаменталистов на изменения современного мира [Гусейнов]. Возможно, дело и в том, что, например, в отличие от Библии и Евангелий, написанных людьми, в Коране излагаются слова Бога и, соответственно, они должны восприниматься однозначно. Отсюда – крайнее доктринерство [<http://inosmi.ru/world/20140706...>]. То есть ислам создал «нормативную цивилизацию» [<http://inosmi.ru/Atlantico...>].

Все это, естественно, отразилось в особенностях политической мысли и культуры Востока. Прежде всего – в консерватизме, преобладании традиционного образа мыслей и миропонимания, разрыв с меняющейся действительностью по принципу: «если жизнь не укладывается в сложившиеся представления, тем хуже для жизни». Авторитаризм Востока не позволял включаться в общественную жизнь широким слоям населения. Это влияло не только на проявление инициативы и предприимчивости, но и на взаимопонимание общества и его верхов. Отсутствие парламентаризма даже в его урезанном средневековом виде делало невозможным влияние на власть, которая полностью отрывалась от нужд общества или понимала их искаженно. Так, например, в Османской империи практически игнорировалось развитие торговли, что привело в XVII в. это огромное государство к серьезной экономической зависимости от Западной Европы (особенно от Англии и Франции). Не сложилась в восточных цивилизациях и культуры компромисса, что характерно для сообществ с равными правами индивидов на собственность.

Не хотелось бы, однако, быть обвиненным в европоцентризме. Поэтому процитирую китайского исследователя: «Чужую культуру нельзя оценивать с позиций «своей» культуры. Так, если Китай оценивать по европейским меркам, то в нем не было личной свободы и самосознания личности, представлений о человеческих правах. А если исходить из категорий китайской традиционной культуры, то европейцы оказываются лишенными толерантности, уступчивости из-за своего индивидуализма. В Европе не формировалось качеств совершенной личности с высокой степенью общественного самоуправления» [Чэнь Чжихуа, с. 132]. Впрочем, попытки понимать Восток как бы изнутри предпринимали и европейские ученые [Любимов].

Следует заметить, что по восточному пути пошло подавляющее большинство древних и средневековых народов. Это – генеральное

направление развития на Земле, ибо оно естественно выросло из первобытнообщинных порядков. Для западного же пути развития нужно было уникальное стечение обстоятельств в античном Средиземноморье.

Но все же – генезис восточного пути – это выделение власти не из имущественных прав, а, как отмечалось, из патриархальных традиций подчинения главе общины, который распоряжался общим имуществом и распределял его. Прочность власти зависела от умения удачно распоряжаться общим достоянием. Так была заложена основа административно-командной системы Востока. Европейский феодализм с условной земельной собственностью, личным подчинением, возвышением знати над законами – «дитя» Востока. Это не удивительно из-за разгрома Рима варварами. И лишь соединение римского наследия с особенностями германской общины вернули Европу (Западную) на свой особый путь.

На Востоке же собственность так и осталась лишь приложением к власти, а экономика – приложением к политике. Отсюда и право являлось и является не всеобщим, а избирательным. Поэтому, при наличии уже с древности правовых актов, сводов законов, они оставались формальными, необязательными для власти. Соответственно, и в обществе не формировалась традиция уважения к правовым нормам, а естественное стремление отстаивать частные интересы вело к коррупции. Как заметил юрист В.А. Четвернин, на Востоке сложился *потестарный* социокультурный тип, в противоположность западноевропейскому – *правовому* [<http://polit.ru/article/2013/05/25...>]. Первый основан на вертикали власти, второй – на гарантированных правах социума. Вертикаль предполагает жесткую конструкцию всеобщего подчинения, сковывающую общественную инициативу, а значит, и развитие. Поэтому и современные авторитарные режимы мало отличаются от древних и средневековых. Общества же, построенные на признании прав всех его членов, продемонстрировали пусть и медленную, но радикальную эволюцию от ограниченной демократии античности (только для свободных полноправных политов), через ее расширение в средние века для европейских горожан к юридическому и электоральному полноправию всех граждан.

Как показывает исторический опыт, быстрее развивается и динамичнее накапливает потенциал для благосостояния лишь общество, воспроизводящее западноевропейскую модель развития, в которой определяющими постепенно становились хозяйственные, экономические интересы, как обеспечивавшие фундаментальные основы существования людей – их основные жизненные потребности. На этой основе еще с античных времен формировалось понимание необходимости соблюдения интересов людей (полноправных свободных в античности, затем – в средневековье)

через общие правовые нормы. Очевидно, опора на права личности, в том числе (и прежде всего) на имущественные, более всего соответствует человеческой природе. Доказательство этому – современное развитие тех азиатских обществ, которые восприняли юридические основы западных порядков – гарантии собственности и демократию.

Таким образом, основа специфики Востока – гипертрофия государственности. Но, естественно, в таком огромном регионе с богатейшей историей существовали региональные различия.

Глава 2 ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЦИВИЛИЗАЦИИ ИНДИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Индийская цивилизация, как и китайская, имела древние корни. Для нее было характерно, в отличие от многих других, отсутствие сплавивавшего военного начала. Его заменило культурное – буддизм. Но в социально-экономическом и политическом отношениях для всего средневековья была характерна раздробленность¹. Этому способствовала особая роль общины, сложившаяся в древности. Такая община была сложной организацией, охватывавшей значительные территории, с серьезной имущественной и социальной дифференциацией. В ней были объединены и крупные землевладельцы, и мелкие земледельцы. Политические катаклизмы ее мало затрагивали, что делало устойчивым, но консервативным индийское общество и его специфическую особенность – кастовый строй. Тем более что государство почти не вмешивалось в землепользование и землевладение [Алаев, 2000, с. 6, 190; Вагасин; История Востока, 1999, с. 624–625]².

На развитие индийского общества в средние века существенно повлияли внешние вторжения – мусульманские, затем монгольские. Но показательно, что они, приносящие чуждые местным порядкам традиции, не изменили облика индийской цивилизации, что свидетельствует об устойчивости ее основных признаков, отраженных как в специфической духовной культуре, так и в не менее специфических внутренних связях – общинных и кастовых, которые позволяли преодолевать политическую нестабильность многих столетий [Ванина].

¹ Собственно, Индия как таковая – продукт XX в.

² Но утверждение Дж. Неру о том, что индийская цивилизация была гораздо более преуспевающей, чем любая возникшая на Западе [Неру, с. 222], понятное из политических соображений, едва ли может подтвердиться историей.

Для **китайской цивилизации** характерно сохранение древней традиции сочетания государственной монополии на собственность со своеобразным внесословным вниманием к человеку, положение которого определялось его способностями и заслугами. Это делало общество более мобильным, чем в Индии. Но отсутствие жестких сословных перегородок (вернее, их проницаемость) при господстве государственной собственности делали положение всех слоев общества неустойчивым. Государственная власть могла вторгаться в судьбу каждого; согласно конфуцианству человек подчинен государству, расположен под ним. Показательно, что в китайском языке нет различий между словами *государство* и *страна* [Галенович, 2011, с. 40–41; Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5]¹.

С III в. до н.э. для Китая стала характерной централизованная бюрократическая империя. А когда она распадалась, складывалось несколько ее уменьшенных копий. То есть эта форма не имела в Китае альтернативы. Хотя единства в стране не было. Существовали значительные различия между провинциями, что неудивительно для огромной территории Китая. Фундаментальной особенностью китайской империи был формально-рационалистический характер ее уклада, созданный по универсальным законам бюрократического правления. Государственная власть не санкционировалась обществом или какими-либо лицами. Она – сакральна, исходит от божества – Неба. Империя считалась земной формой универсального, космического порядка. Управление ею – священнодействие. Поэтому человек и не имел значимости сам по себе – не было ни «естественных прав», ни «голубой крови» в виде сословий [Крюков, 1987, с. 10–11].

Указанное устройство, с одной стороны, определяло, а с другой, подкреплялось специфической формой земельной собственности. При бесспорном наличии государственной собственности на землю (верховный собственник – император), существовала и собственность феодалов, иногда в литературе называемая частной. Действительно, обладатели наследственных прав на землю могли ее продавать, дарить, сдавать в залог и аренду, делить между своими детьми или внуками. Этот комплекс имущественных прав создавал иллюзию частной собственности, возникшую у ряда европейских авторов. Но государственная власть, подчеркивает О.Е. Непомнин, как бы не замечала ее, постоянно вторгалась в права частных владельцев, не признавала

¹ Государство – это и народ, и все его достояние. Поэтому и под правами человека в Китае понимают то, что государство через свой аппарат делает для народа, что противоположно западному пониманию прав человека как свободы для индивидуального развития, без государственного вмешательства [Платковский].

земельных операций, если те не были оформлены властями, часто конфисковывала или дарила императорским родственникам и сановникам частные земли. Принцип верховной собственности государства на все земли в стране изначально предполагал, что перед лицом могущественного государства юридические права на владение землей никому не давали гарантий безопасности его имущества, в том числе от произвола бюрократии. Традиционные документы вообще не знали термина «собственность»; для обозначения земельного владения употреблялось понятие «имущество». Индивидуального владения землей не было вообще – низшей ступенью земельных владений были семейные. Власти вмешивались и в хозяйственный дела землевладельцев: в период Мин в принудительном порядке устанавливалось, какие сельскохозяйственные культуры и в каком количестве крестьяне должны были сеять и возделывать. При господстве верховной собственности на землю и крупные землевладельцы, и крестьяне оказались неполноправными субъектами имущественного права. А господствовавшие в глубинке «большие дома», «местные деспоты» могли отобрать любую приглянувшуюся им землю, если ее владелец не имел «связей» и «поддержки наверху». В итоге, и это было другой особенностью Китая, правил не закон, а чиновник [Непомнин]¹.

Следующей особенностью Китая было специфическое сосуществование с северными кочевниками. Характерно, если иностранные синологи признают, что кочевые этносы не ассимилировались бесследно, а влияли на земледельческую цивилизацию Китая, то китайская историография этого не замечает. В ней господствуют представления о единой китайской нации как совокупности всех народов страны, а пришельцы так и оставались иностранцами [Буданова, 2000а, с. 209–210; Крюков, 1987, с. 6–8]. В таком подходе, вероятно, отражаются внутренние представления об исключительности китайской цивилизации, что важно для самоидентификации ее носителей. Действительно, несмотря на многочисленные завоевания и разорения, китайское общество сумело сохранить древние основополагающие принципы, что отразилось, хотя бы, в продолжающейся актуальности конфуцианства. Безусловно, не обошлось без географической специфики, создавшей условия для изолированности от иных цивилизаций. Все нападавшие на Китай до середины XIX в. стояли на несравнимо более низких ступенях развития и их влияние на страну было незначительным. То есть практически всю свою историю китайцы развивались гомогенно, черпали

¹ Более осторожно пишет о земельной собственности в Китае Н.И. Тяпкина. Но она, обращаясь к традиционным порядкам, рассматривает их с позиций начавшихся изменений нового времени [Тяпкина].

энергию из одних и тех же источников, что и обеспечило своеобразие китайской цивилизации.

В европейской и вообще западной историографии давно распространено мнение, согласно которому китайское общество тысячелетиями топчется на одном месте [Гердер]. И это несмотря на то, что «за долгие века своей истории до 1400 г. Китай набрал поразительный технологический импульс, развиваясь, насколько мы можем судить, не менее, а то и более быстро, чем Европа. Многие китайские инновации со временем проникли в Европу, будучи либо непосредственно заимствованы, либо изобретены заново» [Мокир, цит. по: [http://postnauka.ru/longreads/...](http://postnauka.ru/longreads/)]. Как заметил американский русист Лорен Грэхем, «китайцы изобрели колесную тачку, стремя, упряжь, компас, бумагу, книгопечатание, порох, фарфор. Эти изобретения, однако, не нашли широкого коммерческого применения и в какой-то момент были забыты, в то время как на Западе им нашли достойное применение на практике. Причины застоя в Китае историки относят именно на счет удушливого, въедливого контроля над всеми аспектами жизни общества со стороны бюрократии с ее идеологией небесного мандата на управление империей» [<http://www.svoboda.org/a/27797500...>].

Есть точка зрения, что в XVI–XVIII вв. в Китае постепенно складывались, хотя и в неразвитом виде, элементы внутренних предпосылок для исторически назревших перемен. То есть общество уже не было «традиционным». Хотя перемены не следует преувеличивать. И были они не во всех регионах [Березный, с. 77–79]. Но в целом период от XIV в. до насильственного «открытия Китая» европейцами в середине XIX в. не отмечен кардинальными сдвигами в состоянии общества. Внутренних ресурсов для изменений в стране было еще недостаточно [Крюков, 1987, с. 4–5]. К XVII в. ВВП Англии на душу населения уже на 60% превышал ВВП Китая [<http://postnauka.ru/longreads...>]. И причина этого видится в констатации того факта, что «никакая другая сила в Китае не могла заменить государство в качестве движущей силы технического прогресса. Взять на себя такую функцию было некому. Именно вследствие того, что в Европе технические изменения осуществлялись силами частных лиц в децентрализованном, политически конкурентном окружении, они могли происходить на протяжении долгого времени, делать большие скачки и не терять своего импульса, несмотря на серьезные откаты и препятствия» [Мокир, цит. по: [http://postnauka.ru/longreads/...](http://postnauka.ru/longreads/)]. В этом – яркий пример тормозящей силы гипертрофии государственной централизации, присущей восточным цивилизациям, причины которой рассмотрены выше.

Японская цивилизация существенно отличалась не только от соседних, но и вообще от восточных. Не только возникновение ее переключается с европейской средневековой хронологией. Наблюдается и немалое типологическое сходство, прежде всего с западноевропейским миром. Здесь также, как еще в варварском, германском обществе, сложились благоприятные условия для развития индивидуального земледелия и, как следствие, частновладельческих прав на землю, что стало одним из определяющих факторов генезиса японского общества, отличавшего его от всего остального Востока. Другим основополагающим элементом было изолированное расположение страны, не изведавшей захватов и оккупаций [Васильев, 1998, с. 51]. Отсюда самобытность японского общества, не позволяющая подходить к нему с континентальными азиатскими мерками.

Становление японского средневекового общества из первобытного напоминало развитие бессинтезных регионов Европы. Отсюда – замедленность и размытость процессов. Сложность в подборе аналогов из иных регионов вызвала разные подходы к периодизации японского феодализма. Ибо в названных условиях традиционное для феодализма служилое сословие формировалось здесь очень медленно. Первые поместья – сёэн – были отмечены еще в VIII в. Тогда же появились и первые профессиональные воины – самураи. Но массовыми и сёэн, и самураи становятся лишь после падения надельной системы – в течение X–XIII вв. При этом в условиях царившей с X–XI вв. раздробленности самураи не были служилым слоем в государстве, а обслуживали интересы представителей аристократических кланов или вообще жили сами по себе на небольших наделах. И в общественном сознании они до XV в. также не рассматривались как ветвь господствующего сословия. И сами поместья-сёэн не являлись феодальными в европейском понимании. За них не надо было нести службу.

То есть процессы феодализации в Японии протекали самобытно и попытки в литературе «одеть» их в европейские схемы раннего и развитого феодализма едва ли правомерны¹. Были вехи: VII–VIII вв. – начало феодальных преобразований; X–XII вв. – развитие мелкого господского землевладения (сёэн); XIV–XV вв. – консолидация землевладельцев и превращение самураев в сословие. Если в VII/VIII–X/XII вв. еще сосуществовали владельческий и мелкокрестьянский (от первобытности) уклады, то в XII–XIV вв. почти все крестьяне уже были зависимыми. И в этом смысле феодализм уже сложился.

¹ Характерный пример см.: [Подпалова].

В условиях изолированности и медленного закабаления крестьянства замедленно выделялись города, ставшие таковыми, по сути, лишь в XIV–XV вв. Катализаторами новых отношений они тогда не стали. Зато аграрные отношения в Японии X–XV вв., выразившиеся в господстве частновладельческого феодализма, практически не испытывавшего вмешательства государства – уникальны для всего Востока [История Востока, 1999, с. 624–625]. В результате, история Японии XI–XVIII вв., в отличие от других стран Востока, отмечена прогрессом в хозяйственном развитии, выраженном в росте подушного валового внутреннего продукта. Отсутствие иностранных вторжений до середины XIX в, горный ландшафт, препятствовавший централизации, способствовали длительному сохранению независимых княжеств и относительной свободе городов, укреплению самостоятельности отдельных социальных слоев (в том числе ремесленников и купцов). При Хидэёси, в конце XVI в., объединились уже относительно развитые части страны. При этом права собственности торговцев были защищены в Японии более, чем в других землях Азии [Мельянцеv, 1996, с. 241–245].

В результате, если восточный феодализм, в целом, эволюционировал не в сторону его преодоления, а в сторону все большей зрелости и рафинирования, Япония стала исключением [История Востока, 1999, с. 626]. Но едва ли можно категорично утверждать, что ее пример демонстрирует, наличие помимо, европейского, иных путей к капитализму [История Востока, 1995, с. 430]. Ибо модернизация страны началась и происходила при активном впитывании западных достижений. Не случайно в середине XIX в. в Японии появился лозунг – «японская душа – европейские наука и техника» [Цивилизации в «третьем мире», с. 18]. И, главное, основа этого пути сложена из тех же «материалов», что и на Западе, – традиций частного хозяйствования и невмешательства государства в экономику.

Таким образом, по социально-экономическим параметрам японская цивилизация принадлежит Востоку лишь географически и, скорее, относится не к Дальнему Востоку, а к «Дальнему Западу». Но, при отсутствии деспотии, как и везде на Востоке, неписанные законы в Японии не уступали по значимости писанным [Можно ли..., с. 103]. И в целом духовная культура японцев, несомненно, принадлежит Востоку. Показателен пример из японского фольклора: в популярной сказке о соревновании между зайцем и черепахой в скорости достижения цели при всех вариантах в конце сказки побеждает неспешная, но мудрая черепаха [Кириенко, с. 18].

И в целом японское общество демонстрирует, что восприятие западной экономической модели не мешает самобытности. Но, вероятно, такой симбиоз не вызывает внутреннего отторжения и потому успешен при наличии внутренних социально-экономических предпосылок

в самой японской цивилизации. Однако современный опыт Тайваня, Сингапура, Южной Кореи может свидетельствовать и о более широких возможностях западной модели в конкретных исторических условиях.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

При всех локальных различиях Ближний и Средний Восток характеризуется синтезом местных древних культур с кочевниками-арабами. Отсюда – большая роль исламизированной военной знати. Господствующие сословия формировались заново за счет людей удачливых, способных, обладавших знаниями в исламе и, что существенно, не связанных с определенным этносом. Последнее – космополитизм ислама и его относительная (в первые столетия существования) идеологическая терпимость – было существенным объединительным фактором в регионе, характерном многовековым смешением культур, народов и даже рас. В итоге обширная территория с обществами, не менее древними, чем китайское и индийское, в средние века оказалась охваченной новой, так называемой **исламской цивилизацией**.

Политическое единство халифата на несколько столетий обеспечило бурное развитие вошедших в него земель и создание высокого уровня материальной и духовной культуры. Но все та же географическая специфика (потребности ирригации и соседство с кочевниками) постепенно исчерпали мобилизованные ресурсы и к XIV–XV вв. в регионе начался застой со всеми вытекающими от близкого соседства, теперь уже с Европой, последствиями. Однако укоренение ислама оказалось настолько прочным, что все дальнейшие политические перипетии не разрушили сложившееся в раннее средневековье религиозно-культурного единства населявших регион народов.

Очевидно, что мусульманская идеология отразила глубинные черты всех этих народов, причем настолько, что сумела сивелировать казалось бы противоположные черты и кочевников (арабов и тюрок), и земледельцев (иранцев и др.)¹. Но нынешние проблемы региона, про-

¹ Арабы, особенно после завоевания ими сасанидского Ирана и огромной территории иных древних ближневосточных государств, унаследовали от более древних народов развитую традиционную восточную систему администрации и основные формы социально-политической организации. Вместе с тем в арабском раннесредневековом исламском обществе сохранилось немало архаичных доисламских норм, в том числе связанных с организацией семейно-клановых отношений и форм наследования. Коран в этом смысле непоследователен и противоречив, что, безусловно, отражает позиции пророка Мухаммада, искавшего при решении этой важной проблемы «золотую середину» и

воцирующие агрессивность, и внутреннюю, и внешнюю, не свидетельствуют ли о глубоком кризисе этой цивилизации, застывшей на средневековом миропонимании, отраженном в Коране?

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

Средневековье стало временем зарождения и значительного числа африканских государств¹. В восточном Судане продолжалось существование Эфиопии – наследницы возникшего еще в середине I тыс. до н.э. Аксума. Тесно соприкасавшаяся с ближневосточным миром, оттесненная арабами от побережья Индийского океана на малопродуктивное Абиссинское плоскогорье, Эфиопия по социально-экономическим параметрам была близка ближневосточной цивилизации, существенно отличаясь от нее религией.

С VII–VIII вв. начался генезис собственно африканской цивилизации в Центральном и Западном Судане. Для социально-экономических отношений там была характерна многоукладность. В зависимости от местных условий и стадий общественного развития преобладали рабовладельческие (более ранняя стадия) или раннефеодальные (более поздняя стадия) отношения. Но наличие во всем регионе значительного слоя крестьян-общинников способствовало развитию феодальных элементов как ведущей тенденции. Рассмотренный тип общественных отношений, в целом был более близок средневековым цивилизациям Востока. Но, в отличие от них четко выраженных социальных групп – сословий здесь не было до XIX в. Происходило своеобразное вращение родового строя в государство, что и составило специфику африканской цивилизации.

Своеобразие этой цивилизации, вероятно (есть разные мнения), вызывалось тем, что господствующие слои здесь начали выделяться не в силу появления избыточного продукта в рутинно развивавшемся земледелии, а в процессе борьбы за доходы от транзитной торговли, которая была наиболее активна в Западном Судане. Земледельческое население не нуждалось в предметах этой торговли и не участвовало в ней. Поэтому в деревне долго сохранялись первобытнообщинные порядки, на которые сверху накладывалась определенным образом организованная власть родовой аристократии.

не решавшегося на полный разрыв с традицией [Фадеева, с. 67–68].

¹ Север континента, как известно, с древности входил в круг средиземноморских цивилизаций. А собственно африканским государством был в ту эпоху лишь расположенный на побережье Гвинейского залива Бенин.

Государства здесь складывались без выделения социальных групп и частной собственности. Правящий слой – это не только сначала, но и долгое время, до прихода европейцев – большие семьи-кланы. Их главы становились вождями. Служилыми людьми при них оказывались родичи, которым в силу родственных связей не платили за службу земель. Поэтому не возникала и частная собственность на землю. Низший правящий слой в общинах был представлен главами семейств, которые становились одновременно и как бы администраторами. В таких условиях, естественно, отделение правящего слоя от основной массы населения, превращение его в особое сословие, а тем более в класс происходило очень медленно, во многих местах не завершилось и поныне. Стадиально это – очень затянувшийся ранний этап становления феодализма, который в Европе, например, преодолевался за 100–150 лет [Бондаренко; История Тропической Африки; Кобищанов, 1974; Кобищанов, 1977; Кобищанов, 1978; Крылов].

Надо заметить, что феодализм в рассмотренной части Африки не признается теми исследователями, которые понимают под ним только господство крупного землевладения. Автор же, напомним, считает феодальным обществом то, для которого характерен весь комплекс общественно-политических и экономических взаимосвязей средневековья (власть, основанная на личном господстве, существующая за счет различных видов ренты от сидящих на земле пользователей-крестьян). При таком понимании феодальным можно считать общество, жизнь которого определяется субъективными устремлениями землевладельческой знати, подчинявшей своей воле объективно существующие экономические и социальные законы¹. Несовпадение этих двух факторов, игнорирование феодальным сословием названных объективно существующих законов и привело, в конечном счете, к разложению феодальных порядков.

АМЕРИКА

В средние века зародились, но и были разгромлены испанцами основные цивилизации Нового Света. По злой иронии истории именно на них, окруженных огромной варварской периферией, напоролась в начале XVI в. конкистадоры. Собственно, «напоролась» не случайно. Ибо и майя, и ацтеки, и инки создали свои государства в наиболее благоприятной природной зоне континента – в Мезоамерике.

¹ Это в значительной степени относится и к древневосточным деспотиям.

Давая оценку доколумбовым обществам Америки, следует отметить в них причудливую (с точки зрения европейцев) смесь первобытных и раннегосударственных структур и обычаев. От первобытности сохранилась строгая регламентация жизни, идущая от традиций, табу. Например, у ацтеков за лишний шаг в ритуальном танце полагалась смерть. Безусловное подчинение общинным распорядкам переносилось на такое же подчинение правителям. Труд (у инков) воспринимался как долг по отношению к власти; принудительный труд облагораживался старинными ритуалами. То есть эти общества так и не вышли за пределы первобытной ментальности. Консерватизм преобладал над способностью к новациям. Сказалась и технологическая специфика региона – отсутствие тяглых животных, колеса и связанных с ними средств передвижения; общий низкий технический уровень, с которым, однако, не пересекались высокоразвитые астрономия и математика, строительное искусство, а также бытовая культура знати и религия [Красильщиков, с. 11–12].

Политическая система была представлена типичными деспотиями с полным государственным господством над всеми сферами жизни. Особенно ярко это проявилось у инков, у которых сложилась тотально-распределительная система. Очевидно, это было крайнее выражение деспотического режима [Березкин; Вайян; Васюк, Кручковский; Галич; Гуляев; Стингл].

Типологически индейские цивилизации были близки восточным. Быстрое затем подчинение их испанцам стало наглядным примером ущербности сложившихся режимов. При появлении конкистадоров они оказались полностью неспособными к сопротивлению и почти мгновенно пали.

Итак, основное отличие генезиса восточного феодализма от того, что происходило в Европе, уходит в глубокую древность. На Востоке государственная власть сформировалась из первобытного коллективизма [Емельянов, с. 20], то есть раньше, чем возникли сословия и частная собственность. Это, кстати, доказывает, что государственная власть может существовать и без этих элементов. В колыбели же европейских цивилизаций – Древней Греции классической эпохи, наоборот, частная собственность появилась раньше государства¹. Власти в нашем понимании там не было – все должности являлись почетным общественным долгом (тоже традиция родового строя). И когда при Перикле ввели символическую плату за службу, его обвинили в стремлении привить обычаи восточных варваров. То есть уже тогда была заме-

¹ Крито-микенский этап древнегреческой истории – господство типично восточных порядков.

чена разница в формах управления, которые впоследствии Аристотель обозначил как демократия и восточная деспотия. В Европе XIV в. сформировалось представление об азиатской деспотии, связанной с отсутствием частной собственности и правовых гарантий. Нельзя не отметить, что эта концепция, являющаяся общим местом европейской историографии, имеет и критиков. Наиболее известный из них – американский профессор сравнительной литературы и публицист (интеллектуал – по Википедии) арабского происхождения Эдвард Саид, опубликовавший в 1978 г. книгу (памфлет, как он сам говорил) с жесткой критикой европоцентристского высокомерия по отношению к Востоку, в первую очередь – к арабо-мусульманскому [Саид]. Но аргументация автора скорее эмоциональная, чем научная, и поддержки среди специалистов не получила. Востоковеды, среди которых есть и ученые с Ближнего Востока, выявили в его книге множество фактических ошибок и подтасовок. Было написано несколько опровержений, разбивающих положения книги Саида пункт за пунктом [Кобрин; [http://mojdomletaet.dreamwidth...;](http://mojdomletaet.dreamwidth...) [http://polit.ru/article/2009/01/22/...](http://polit.ru/article/2009/01/22/)]¹.

Но почему же в итоге *«диковатые нищие европейцы открыли и Америку, а потом завоевали открытые ими страны и превратили в свои колонии... Приходится признать, что и китайцы, и арабы, и малайцы, которые при желании могли бы совершать кругосветные путешествия задолго до европейцев, не стремились ни к информационному, ни к политическому, ни к энергетическому освоению мира, и в этом смысле по своей психологии были представителями сугубо локальных цивилизаций»* [Буровский, с. 147–148].

Однако по восточному пути пошло подавляющее большинство древних и средневековых народов. Это – генеральное направление развития на Земле, ибо оно, как отмечалось, естественно выросло из первобытнообщинных порядков. Для западного же пути развития нужно было уникальное стечение обстоятельств в античном Средиземноморье². Причем, учитывая территориальное и людское соотношение восточных и западноевропейской цивилизаций, можно считать, что не Восток отстал от Европы, а несколько западных стран вырвались вперед в своем развитии. Впрочем, сути дела это не меняет.

¹ Но в понятии *ориентализм*, которое от Саида превратилось в апологетику Ближнего Востока, непонимаемого Западом, есть и иная, сугубо научная трактовка, принадлежащая, что важно, европейским востоковедам [Любимов, с. 16–26].

² Государственный аппарат везде стремится управлять экономикой и вообще сделать власть безграничной. Но на Западе ему это не удалось, помешали города, усобицы, церковь [Белелюбский, с. 115]. Помешали, добавим, из-за победы уникальных частных правовых отношений. Особенности же *«цивилизационного кода восточных обществ обусловили невозможность спонтанного перехода их к капитализму»* [Шемякин, 96], т. е. к западной модели развития.

Каждому, желающему понять современный мир и действовать в соответствии с этим пониманием, полезно определить на карте современного мира жизнедействующие цивилизации, определить их границы, их центр и периферию, их провинции и воздух, которым они дышат, общие и особенные формы, созданные здесь. В противном случае последуют катастрофические ошибки в определении перспективы.

Ф. Бродель

Глобальный подход к истории не единственно возможный. Можно заниматься историей семьи, деревни, города, страны – и ничем больше не интересоваться. Но такая история всегда будет ущербной, поскольку нет семьи, города, цивилизации, живущих на острове посреди пустынного океана. Без представления об общих закономерностях нельзя понять и самых частных процессов.

Л.Б. Алаев

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Хотелось бы обозначить общий итог предпринятого анализа цивилизационного развития в средние века.

Анализируя средневековую историю, Ф. Бродель пришел к выводу, что Человеческое общество столь многогранно, что его невозможно заключать в какие-либо определенные рамки, схемы, формации и т. д.¹ Для облегчения усвоения опыта прошлого возможно соорудать лишь некоторые ажурные, гибкие конструкции, способные упорядочить изучаемые реалии. Причем конструкции подвижные, гибкие, допускающие внесение в них изменений. Ибо, вслед за известным медиевистом, остается повторить, что, несмотря на все стремление автора к завершенности своего произведения, всегда остаются некие зазоры, шрамы, разрывы [Баткин, 1995, с. 209].

¹ Знание всемирной истории всегда останется потенциальным, так как не только нельзя знать всех деталей, но и сохранять знания в голове [Хейзинга, с. 12]. Справедливо также утверждение о том, что всемирная история не является целостной системой [Белелюбский, с. 121]. Парадигма единого мира нереальна [Хандингтон, с. 51]. Приходится признать, что «схемы всемирной истории столь же разнообразны, как интересы их создателей», а «общая черта всех вариантов схем «всемирной истории» – европоцентризм» [Капица, с. 94–95].

Исходными основами всех проявившихся в истории различий, приведших к сложению ряда локальных цивилизаций средневековья, являются, прежде всего, особенности природной среды, влиявшие на основные формы существования людских сообществ, проявлявшихся в типах хозяйственной деятельности и быта, мировосприятии и, через них, определявшие социально-политическое устройство. Именно природная обусловленность и привела, еще в эпоху античности, к появлению двух основных типов цивилизаций в человеческой истории: восточного и антично-западно-европейского [Кульпин, 1993].

Любой исторический анализ лишь тогда имеет смысл, когда позволяет найти ответ на насущные вопросы, на «вызовы» времени (как выражался А. Тойнби). С этой точки зрения наблюдения за путями цивилизационных процессов в средние века объясняют причины постепенно наступивших изменений в ритмах и темпах развития цивилизаций, что позволяет сделать выводы об обоснованности и перспективности сложившихся современных общественных систем.

Представляется, что проанализированный исторический опыт однозначно демонстрирует, какой из путей цивилизационного развития создал в итоге лучшие условия для жизни людей [Риер, 1998; Риер, 1999б; Риер, 1999в; Риер, 2003]. В эпоху развитого средневековья, примерно с XII–XIII вв., западноевропейское общество, опираясь исключительно на свои внутренние ресурсы, начало опережать медлительный Восток технически и организационно. Причина этого рывка – в раскрепощении индивидуальных творческих начал западного человека, постепенно становившегося свободным тружеником и вершителем своей судьбы, «*в эффекте раскованного Прометея*» [Мельянцева, 1993, с. 21]¹. Восточные же порядки с исторически обусловленным жестким подчинением личности политической власти застопорили общественное развитие и не сумели изменить парадигму развития. Таким образом, современное положение западной цивилизации в мире – не следствие европейского экспансионизма, начавшегося в конце XV в., а результат как динамики внутреннего развития Западной Европы, так и застоя Востока, заметного уже с XIV–XV вв. То есть, причины подъема Запада надо искать в упадке Востока [Франк, с. 27]. «*К новому времени собственное развитие Востока (как бы высоки не были его достижения) явно не подготовило почву, чтобы в дальнейшем двигаться синхронно с Западом или хотя бы глубоко абсорбировать и усвоить привнесенный им темп*» [Петров, с. 30]. Возможно, капитализм в будущем исчезнет, как и другие общественные системы. Он уже мимикрирует. Но пока наиболее соответствует человеческим потребностям [Сухов, с. 28]².

¹ Прав был В.Г. Белинский, писавший, что «*европейские народы скопились в пространстве, недостаточном для их многолюдства, и беспрестанно, так сказать, удалялись друг о друга, как сталь о кремень, чтобы извлекать из себя искры высшей жизни*» [Белинский, с. 128–129]. В итоге сложился тот рынок, который освобождал, давал возможность доступа к иному миру, возможность всплыть на поверхность [Бродель, 1998, с. 10].

² Как заметил, перефразировав У. Черчилля, московский философ О. Ефремов, история доказала, что при всей отвратительности у буржуазного строя «*есть одно явное преимущество: остальные еще хуже*» [Ефремов].

Однако современное общественное развитие не свидетельствует ни о конвергенции, ни о «конце истории», предсказанном американским философом Ф. Фукуямой. Наоборот, события конца II – начала III тыс. как будто подтверждают Р. Киплинга:

О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут,
Пока не предстанет небо с Землей
На Страшный господин Суд [Киплинг, с. 460].

С 60-х гг. прошлого века, с окончанием колониальной эпохи в политической публицистике появилось немало антизападных концепций исторического развития: и антимодернистские теории, и идеи «негритюда», и вышеупомянутый *ориентализм* в интерпретации Э. Саида. Связано это было с тем, что на обобщенном Востоке возникли собственные историософские школы, основанные, кстати, обученными в западных университетах собственными интеллектуалами. Им теперь подыгрывают и некоторые представители западной научной элиты¹, часто их бывшие учителя, которые исходят из пессимистических оценок проблем, с которыми на рубеже тысячелетий столкнулась западная цивилизация.

Это не ново даже для европейской историософской мысли: вспомним Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера. Теперь для евроатлантического пессимизма появляются как будто новые аргументы и в «*образовавшемся вакууме возникают альтернативные идеи мироустройства и дальнейшего развития, предлагаются новые “каналы эволюции”*». Существующая ныне система «*экономического и политического доминирования западноевропейской цивилизации*» [Буровский, с. 143, 154] уже не кажется безальтернативной. Современный западный мир сталкивается с многочисленными негативными процессами и угрозами. Они известны, и их анализ выходит за рамки данной книги.

Однако, как показывает историческая практика, которая, подчеркнем, остается критерием истины, все другие общественные системы – цивилизации не обеспечивают аналогичного западной уровня жизни своему населению. А ведь в этом, по сути, и должна состоять цель человечества. Но в каком направлении оно будет развиваться, какой путь станет магистральным (осевым – по М. Хайдеггеру) и будет ли он единым, представить едва ли возможно. Особенно в условиях развития современных технологий, которые могут быть смертельными в неумелых руках...

Наверное, прав был и С. Мозм, заметивший: «*Знать прошлое достаточно неприятно; знать будущее было бы просто невыносимым*» [Мозм, с. 1]. Но прав и А.И. Уткин: «*История не может учить буквально, но облегчает понимание проблемы, помогает определить объективные возможности развития, исходя из нашей специфики и неимитируемого социально-психоло-*

¹ Здесь надо заметить, что, как известно, в западной университетской среде, особенно среди гуманитарев, распространены левые, антикапиталистические настроения; вспомним, хотя бы Э. Валлерстайна.

гического кода нации. Нет гарантии, что история укажет правильный путь, но пренебрежение ею обрекает на повторение ошибок» [Уткин, с. 9]. И вновь обратимся к Ф. Броделю: «Историю постоянно нужно переписывать, она вечно находится в стадии становления и преодоления самой себя. Ее судьба сходна с судьбой других наук о человеке. Поэтому я не думаю, что книги по истории, которые мы пишем, сохранят все свое значение в течение десятилетий. Нет книг, написанных раз и навсегда. И все мы это знаем» [Бродель, 1993, с. 122].

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов, А.И. Культурно-историческая концепция русской цивилизации К.Н. Леонтьева // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человечества. – М., 1988. – С. 48–62.

Аванесова, Г.А. Теория цивилизаций и культурно-историческая практика // Восток. – 1996. – № 4. – С. 167–170.

Аверинцев, С.С. Григорий Турский и «Повесть временных лет», или О несхожестве сходного // Другие средние века. – М.–СПб., 2000. – С. 6–12.

Акимов, Л.В., Яковлев А.И. Цивилизации – многогранный инструмент исследования общества // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 1. – С. 109–116.

Акимова, О.А. Русь и «степь». Обзор работ Ч.Дж. Гальперина // Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X–XVII вв. (Зарубежные и советские исследования). РС. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 33–67.

Акіншэвіч, Л. Пра «цiвiлiзацыйныя асновы» беларускага гiстарычнага працэсу // Беларуская думка XX стагоддзя. Фiласофiя, рэлігiя, культура (Анталогiя). – Варшава, 1998. – С. 447–454.

Алаев, Л.Б. Формационные черты феодализма и Восток // НАА. – 1987. – № 3. – С. 78–90.

Алаев, Л.Б. Современное состояние проблемы государственной собственности на докапиталистическом Востоке // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. – М., 1988. – Ч. 1. – С. 26–35.

Алаев, Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. – М., 2000.

Алаев, Л.Б., Коротяев А.В. Перспектива применения кросс-культурных баз данных для сравнительного изучения цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 159–180.

Алаев, Л.Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) // Восток. – 2002. – № 4. – С. 51–63.

Алаев, Л.Б. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. – М., 2007.

Алаев, Л.Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича // Восток. – 2009. – № 2. – С. 209–220.

Алаев, Л.Б. Станет ли цивилизационный подход научным методом? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2013. – № 3. – С. 5–14.

Александров, Ю.Г. Судьба общественной собственности в России: Взгляд востоковеда // Частная собственность на Востоке. – М., 1998. – С. 141–200.

Алексеев, С.В. Славянская Европа V–VI вв. – М., 2008.

Алимов, Д.Е. Потестарная организация в славянском мире в IX–X вв.: в поисках «простого вожества» // Ранние формы потестарных систем. – СПб., 2013. – С. 133–163.

Алюніна, І. Брытанская сацыяльная антрапалогія ў XX ст.: ідэі і асобы // Terrahistorica. 1. – Мн., 2002. – С. 85–91.

Андерсон, П. Переходы от античности к феодализму. – М., 2007.

Андреев, А.Ю., Бородин Л.И., Левандовский М.И. История и хаос: новые подходы в синергетике // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 75–103.

Аніпяркоў, В.В. Еўрапеізацыя на беларускіх землях Рэчы Паспалітай у эпоху Асветніцтва // Беларусь и Европа: взаимодействие культур. – Витебск, 2000. – С. 29–32.

Анохин, Г.И. Новая гипотеза происхождения государства на Руси // ВИ. – 2000. – № 3. – С. 51–61.

Астапенка, А.У. Праблемы славян беларуска-польскага і беларуска-літоўскага памежжа: ментальнасць, экуменізм і эканамічныя стасункі // Менталітэт славян і інтэграцыйныя працэсы: історыя, сучаснасць, перспектывы. – Гомель, 2001. – С. 37–38.

Археалогія Беларусі. – Мн., 2001. – Т. 4.

Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. – М., 1991. – Т. 1.

Баландин, Р.К., Бондарев Л.Т. Природа и цивилизация. – М., 1988.

Баранаскас, Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // Castrum, urbis et bellum. – Баранавічы, 2002. – С. 29–44.

Барг, М.А. Место XVII в. в истории Европы // ВИ. – 1985. – № 3. – С. 58–74.

Барг, М.А. Общественная формация в свете нового исторического знания // Средние века. – 1992. – Вып. 55. – С. 31–38.

Барг, М.А. Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование науки? // Цивилизации. – Вып. 2. – М., 1993.

Бардах, Ю. Зачарованы Вялікім Княствам // БГА. – 1995. – Т. 2. – Сш. 1. – С. 41–48.

Бассин, М. Общность по Трубецкому или этнос по Гумилёву? Два взгляда на Евразию // Вестник Евразии. – 2007. – № 4. – С. 5–24.

Баткин, Л.М. Poleмические заметки // Одиссей. – М., 1995. – С. 206–210.

Баткин, Л.М. Начинаящий медиевист – в гостях у Люблинских // Одиссей. – М., 1999. – С. 223–245.

Баткин, Л.М. Несколько нудных замечаний в ответ на увлекательные «детские вопросы» // Одиссей. – М., 2001. – С. 46–50.

Бациева, С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». – М., 1965.

Беляков, С.С. Лев Николаевич Гумилев // Вопросы истории. – 2012. – № 9. – С. 15–39.

Белы, А. Хроніка Беларусі. – Мн., 2000.

Белелюбский, Ф.Б. Существует ли модель всемирной истории? // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 4. – С. 112–121.

Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений. – М., 1954. – Т. IV.

Белозорович, В.А. Исторические условия формирования менталитета западно-белорусского крестьянства // Менталітэт славян і інтэграцыйныя працэсы: історыя, сучаснасць, перспектывы. – Гомель, 2001. – С. 155–156.

Бердяев, Н.О. О русской душе // Диалог. – 1990. – № 3.

Березкин, Ю.Е. Инки: Исторический опыт империи. – СПб., 1991.

Бессмертный, Ю.Л. Климат и сельское хозяйство во Франции (800–1800 гг.) // Общество и природа. – М., 1981. – С. 169–180.

Бессмертный, Ю.Л. «Феодальная революция» X–XI вв.? // Вопросы истории. – 1984. – № 1. – С. 52–67.

Бессмертный, А.Л. Международные отношения в Западной Европе ранне-средневековья // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1986. – С. 163–169.

Бессмертный, Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. – М., 1995. – С. 5–19.

Бердяев, Н.А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. (Антология). – М., 1993. – С. 292–300.

Березный, Л.А. Когда начиналась новая история Китая? Историографические заметки // Проблемы дальнего Востока. – 1997. – № 1. – С. 71–82.

Бибихин, В.В. Новый ренессанс. – М., 1998.

Бицилли, П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. (Антология). – М., 1993. – С. 24–35.

Бицилли, П.М. Место Ренессанса в истории культуры. – СПб., 1996.

Блок, М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1973.

Блок, М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. – М., 2001. – С. 65–93.

Бойцов, М.А. Вперед, к Геродоту! // Историк в поиске. – М., 1999. – С. 144–165.

Бойцов, М., Шукуров Р. История средних веков. – М., 1994.

Болбас, В.С. Абшчынасць і індывідуалізм у менталітэце беларусаў // Менталітэт восточных славян: история, современность, перспективы. – Гомель, 1999. – С. 114–116.

Большаков, О.Г. История Халифата. Т. 3: Между двух гражданских войн (656–696). – М., 1998.

Бонгард-Левин, М.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. – М., 1985.

Бондаренко, Д.М. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: предпосылки сложения и функционирования // Восток. – 1996. – № 3. – С. 30–35.

Борисенков, Е.П. Климат и деятельность человека. – М., 1982.

Бородин, Е.Т. К вопросу об особенностях исторического развития России (XVI–XX вв.) // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 2. – С. 412–451.

Брайант, А. Эпоха рыцарства в истории Англии. – СПб., 2001.

Бродель, Ф. Структуры повседневности. – М., 1986.

Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. – М., 1988. –

Т. 2.

Бродель, Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1993.

Бродель, Ф. Что такое Франция? – М., 1997. – Кн. 2. – Ч. 2.

Бродский, И. Форма времени. – Мн., 1992. – Т. 2.

Буданова, В.П. О некоторых перспективах исследования Великого переселения народов // СВ. – 2000. – Вып. 61. – С. 139–153.

Буданова, В.П. Взаимодействие варварского мира с цивилизациями Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 196–216 (а).

Буйда, Ю. Камикадзе против травоядных // Новое время. – 2001. – № 42. – С. 15–18.

Буланакова, М.А. Основные черты социального опыта английских аристократов стюартовской Англии XVII века // Женщины в истории. – Мн., 2002. – Вып. 2. – С. 121–147.

- Булгаков, С.Н.** Философия хозяйства. – М., 1990.
- Буровский, А.М.** Мировая цивилизация: генезис, сущность, перспективы // Цивилизации. – 2002. – № 5. – С. 141–155.
- Бэрк, П.** Народная культура Эўропы ранняга новага часу. – Мн., 1999.
- Бэцс Рэджынальд, Р.** Канстытуцыйны працэс і палітычная думка ва Усходняй Эўропе // БГА. – Мн., 1999. – Т. 6. – Сш. 1-2. – С. 152–173.
- Ваганов, А.** Нормальная температура исторических цивилизаций // НГ (НГ-Наука). – 11.11.2015 (http://www.ng.ru/nauka/2015-11-11/9_temperatura.html).
- Вагасин, А.А.** О государственности в древней Индии // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 99–101.
- Вайан, Дж.** История ацтеков. – М., 1949.
- Валовая, Т.Д.** Испытание Европы. – М., 1998.
- Ванина, Е.Ю.** Власть и народ: политические воззрения средневековых индийцев // Московское востоковедение. – М., 1997. – С. 124–145.
- Васильев, Л.С.** Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982. – С. 60–99.
- Васильев, А.А.** История Византийской империи. – М., 1998.
- Васильев, Л.С.** Рабовладение и феодализм в древнем Китае // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966. – С. 105–121.
- Васильев, Л.С.** Феодальный клан в древнем Китае // Социальные организации в Китае. – М., 1981. – С. 160–180.
- Васильев, Л.С.** Что такое «азиатский способ производства» // НАА. – 1988. – № 3. – С. 65–75.
- Васильев, Л.С.** Вневременной феномен выдающейся личности и европейский феномен индивидуальности // Одиссей. – М., 1990. – С. 29–31.
- Васильев, Л.С.** История Востока. – М., 1994. – Т. 1.
- Васильев, Л.С.** Возникновение и эволюция частной собственности на Востоке // Частная собственность на Востоке. – М., 1998. – С. 23–63.
- Васильев, Л.С.** Всеобщая история. – Т. 1 : Древний Восток и античность. – М., 2007.
- Васильев, Л.С.** Феномен феодализма // Общественные науки и современность. – 2007а. – № 6. – С. 148–161.
- Васильев, Л.С.** Анклав и вокруг // НГ. – 16.07.2014.
- Васюк, Г.В., Кручковский Т.Т.** Древнейшие цивилизации Латинской Америки. – Гродно, 1998.
- Великое княжество Литовское // Родина. – 1993. – № 3. – С. 81–93.
- Вернадский, Г.В.** Россия в средние века. – Тверь–М., 2000.
- Веселовский, С.Б.** Дневники 1915–1923, 1944 годов // ВИ. – 2000. – № 6. – С. 93–111.
- Вжозек, В.** Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. – М., 1991. – С. 60–74.
- Віданава, І.А.** Значэнне пярэяду феадальнай дробнасці ў сярэднявечнай гісторыі Беларусі // Праблемы гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў. – Мн., 2000. – С. 201–204.
- Віданава, І.А.** Як пераадолець міфатворчасць у беларускай медыевістыцы, або Што такое феадальная дробнасць // Terrahistorica. 1. – Мн., 2002. – С. 92–96.
- Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб., 1999.

Визгрин, В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. – М., 1996. – С. 39–59.

Вин, Ю.Я. Проблемы сельской общины и общинного самосознания жителей поздневизантийской деревни (XIII–XV вв.) // Общности и человек в средневековом мире. – М.–Саратов, 1992. – С. 94–96.

Вин, Ю.Я. Междисциплинарное исследование средневековой сельской общины: социокультурный и историко-психологический аспекты // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 230–258.

Виноградов, В.Н. Цена междоусобиц. Из летописи ранних славяно-османских отношений // Славянские народы: общности истории и культуры. – М., 2000. – С. 61–84.

Вилпер, Р.Ю. Краткий учебный курс истории средних веков. – М., 1993. – Ч. 2.

Віцязь, С. Поліэтночная (індаеўрапейская) канцэпцыя этнагенезу беларусаў і яго перыядызацыя // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства. – Мн., 2001. – С. 28–33.

Вишнянский, Л.Б. Преистория и материалистическое понимание истории // Восток. – 1996. – № 3. – С. 233–236.

Вялікае княства як тэст // БГА. – 1999. – Т. 6. – Сш. 1-2. – С. 256–260.

Гайдар, Е.Т. Государство и эволюция. – СПб., 1997.

Гайдар, Е. Сотворение Европы // Вестник Европы. – 2004–2005. – Т. XIII–XIV. – С. 24–57.

Гайденко, В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века. Общие принципы и учение о движении. – М., 1989.

Галенович, Ю.М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI в. истории России и русско-китайских отношений. – М., 2011.

Галич, М. История доколумбовых цивилизаций. – М., 1990.

Галямичев, А.Н. Город и городское право в средневековой Чехии // Право в средневековом мире. – М., 1996. – С. 22–30.

Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. – 1992. – № 1. – С. 9–16.

Гене, Б. История и историческая культура средневекового Запада. – М., 2002.

Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.

Герро, А. Фьеф, феодальность, феодализм. Социальный заказ и историческое мышление // Одиссей. – 2006. – С. 77–113.

Гиренок, Ф.И. Евразийские тропы // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). – М., 1993. – С. 162–180.

Гістарычны альманах. – Гародня, 2001. – Т. 4.

Гісторыя Беларусі. – Мн., 2000. – Т. 1 : Старажытная Беларусь.

Гісторыя сялянства Беларусі. – Мн., 1997. – Т. 1.

Головных, Ф.И. Россия как цивилизация // Российская цивилизация: истоки, сущность, трансформации. – Смоленск, 1999. – С. 3–5.

Голубеў, В. Эвалюцыя абшчыны як грамадска-тэрытарыяльнай супольнасці на Магілёўшчыне ў XVI ст. // Мінутая і сучасная гісторыя Магілёва. – Магілёў, 2001. – С. 37–41.

Голубеў, В.Ф. Формы сацыяльна-тэрытарыяльнай самаарганізацыі сельскага насельніцтва Беларускага Падняпроўя ў XV–XVI стст. // Проблемы истории и культуры Верхнего Поднепровья. – Могилев, 2001. – С. 32–34(а).

Голубеў, В. Традыцыя ў грамадскім і гаспадарчым жыцці сельскага насельніцтва Магілёўшчыны ў XVI–XVIII ст. // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснае. – Магілёў, 2003. – Ч. 1.

- Голубеў, В.Ф.** Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. – Мн., 2008.
- Горемыкина, В.И.** Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. – Мн., 1982.
- Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 1999. – Т. 1.
- Город в формационном развитии стран Востока. – М., 1990.
- Горский, А.А.** «Земли» и «волости» (К вопросу о территориально-политической структуре Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы : тезисы докладов. – М., 1992. – С. 15–17.
- Горский, А.А.** Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // ВИ. – 1999. – № 8. – С. 43–52.
- Горский, А.А.** Русское средневековье. – М., 2010.
- Грановский, Т.Н.** Лекции по истории средневековья. – М., 1986.
- Грот, Л.П.** Вождество и институт верховной власти в древнерусской истории: истоки проблем изучения // Ранние формы потестарных систем. – СПб., 2013. – С. 98–132.
- Гудавичюс, Э.** По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Феодализм в балтском регионе. – Рига, 1985. – С. 35–44.
- Гудавичюс, Э.** История Литвы. – М., 2005. – Т. 1 : С древнейших времен до 1569 года.
- Гудаков, В.** Русский путь к югу (мифы и реальность) // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX–XX. – С. 56–68.
- Гуляев, В.И.** Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. – М., 1983.
- Гумилев, Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. – М., 2001.
- Гурбик, А.О.** Еволюція соціально-територіальних спільнот в середньовічній Україні (волесть дворище, село, сябринна спілка). – К., 1998.
- Гуревич, А.Я.** Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М., 1970.
- Гуревич, А.Я.** Средневековый мир: культура безмолвного большинства. – М., 1990.
- Гуревич, А.Я.** О генезисе феодального государства // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 101–106.
- Гуревич, А.Я.** Теория формаций и реальность истории // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических исследований : сборник аналитических и реферативных обзоров. – М., 1998. – С. 10–33.
- Гуревич, А.Я.** От пира к лену // Одиссей – 1999. – М., 1999. – С. 7–13.
- Гуревич, А.Я.** Средневековый мир. – СПб., 1999. – Т. 2 (а).
- Гуревич, А.Я.** Избранные труды. – М.–СПб., 1999 (б). – Т. 1 : Древние германцы. Викинги.
- Гуревич, А.Я.** Скандинавистика и медиевистика // Одиссей. Человек в истории. – М., 2001. – С. 94–103.
- Гуревич, А.Я.** К истории понятий. «Феодальное средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. – 2002. – С. 261–293.
- Гуревич, А.Я.** Феодализм перед судом историков, или О средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. – 2006. – С. 11–49.
- Гусейнов, Э.** Ислам перестает быть религией // Известия. – 2001. – 28 декабря.
- Гутнова, Е.В.** Город, бюргерство и феодальная монархия // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 2000. – Т. 4. – С. 8–29.
- Гутнова, Е.В.** Города и сословные собрания // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – С. 29–45(а).
- Гюнтер, Р.** О времени возникновения государства в Риме // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 98.

Гюнтер, Р. Социальные проблемы перехода от античности к средневековью // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 112–118.

Данилевский, И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. – М., 2001.

Данилевский, И. Князья домонгольской Руси: «свои» или «чужие»? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 112–114.

Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб., 1995.

Данилов, В.П., Данилова Л.В., Ростяников В.Г. Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры стран Востока. – М., 1977. – С. 6–48.

Данилова, Л.В. К вопросу о понятии «государственный феодализм» // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 1. – С. 3–17.

Данилова, Л.В. Становление системы государственного феодализма: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 1. – С. 40–92(а).

Данилова, Л.В. Сельская община в средневековой Руси. – М., 1994.

Данилова, Л.В. Крестьянский опыт природопользования в историческом центре средневековой Руси // Традиционный опыт природопользования в России. – М., 1998. – С. 57–76.

Данилова, Л.В. Влияние природных факторов на сельское хозяйство средневековой Руси. Аграрные технологии в России IX–XX вв. // Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Арзамас, 1999. – С. 61–80.

Дворник, Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. – М., 2001.

Дворниченко, А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). – СПб., 1993.

Дворниченко, А.Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (реплика) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2016. – С. 152–160.

Дживелегов, А.К. Средневековые города в Западной Европе. – СПб., 1902.

Дилигенский, Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизации? // ВФ. – 1991. – № 3. – С. 29–42.

Дилигенский, Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Цивилизации. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 44–62.

Динцельбахер, П. Основные тенденции религиозного развития Германии в эпоху высокого средневековья // Другие средние века. – М.–СПб., 2000. – С. 143–165.

Дмитриев, С.В., Кузьмин С.Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток (Oriens). – 2012. – № 3. – С. 5–19.

Дмитриев, С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток (Oriens). – 2014. – № 1. – С. 5–17.

Дмитриев, М.Б., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская Уния 1596 г. и общенационально-политическая борьба на Украине и в Белоруссии во второй половине XVI – начале XVII в. – М., 1996. – Ч. 1.

Довгий, Т.П. Дар Кирилла и Мефодия (пролог русской идеи) // Исследования по зарубежной истории. – Смоленск, 2000. – С. 247–255.

Драгун, Ю. Міф пра тысячагадовую Расею // Спадчына. – 1999. – № 1. – С. 165–187.

Дубровский, И.В. Как я понимаю феодализм // Одиссей. – 2006. – С. 50–62.

Дулов, А.В. Человек и природа на Руси в XVI–XVII вв. // Природа. – 1976. – № 12. – С. 90–105.

Дулов, А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). – М., 1983.

Думанов, Х.М., Смирнова Я.С. К уточнению понятия «обычное право» // Восток. – 2000. – № 1. – С. 32–39.

Дурновцев, В.И., Маникин О.В. Евразийство начиналось так... // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). – М., 1993. – С. 7–15.

Дучыц, Л. Балты і славяне на тэрыторыі Беларусіўпачатку II тысячагоддзя // БГА. – 1995. – Т. 2. – Сш. 1. – С. 15–30.

Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М., 1994.

Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. – М., 1991. – С. 48–59.

Дюби, Ж. История Франции. Средние века (970–1460) от Гуго Капета до Жанны д'Арк. – М., 2000.

Евразийство: за и против, вчера и сегодня // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 3–48.

Елизаров, С.А. Сельская община как механизм формирования восточнославянского менталитета // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы. – Гомель, 2001. – С. 164–166.

Елизаров, С.А., Елизарова Г.В. «Государство – общество – индивид»: исторические реальности и восточнославянская ментальность // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы. – Гомель, 1999. – С. 157–159.

Елманова, Н.С. Рец.: Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. – М., 1996 // СВ. – 2000. – Вып. 61. – С. 358–362.

Елопов, А.П. Концепция Л. Гумилева и православие // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы. – Гомель, 2001. – С. 50–51.

Емельянов, Ю.Н. Основы культуральной антропологии. – СПб., 1994.

Ерасов, Б.С. Цивилизация: слово – термин – смысл // Цивилизации и культуры. – М., 1995. – Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – С. 3–30.

Ерасов, Б.С. Этническое – национальное – цивилизационное в пространстве Евразии // Цивилизации и культуры. – М., 1995. – Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – С. 81–104а.

Ерасов, Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования: опровержение опровержений // Восток. – 1996. – № 4. – С. 173–186.

Ерасов, Б.С. Принципы и возможности цивилизационной компаративистики // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 36–53.

Еремеев, Д.Е. Почему Восток отстал от Запада? // Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 7, 9, 11.

Ефремов, О. Гражданское общество: что нам грозит // Известия. – 2001. – 9 ноября.

Журов, Ю.В. Средняя продолжительность жизни человека как критерий прогресса в историческом развитии // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4-5. – С. 94–105.

- Загарульскі, Э.М.** Заходняя Русь IX–XIII стст. – Мн., 1998.
- Зайкоўскі, Э.** Балты Цэнтральнай і Усходняй Беларусі ў сярэднявекі // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства. – Мн., 2001. – С. 33–41.
- Захаров, А.О.** Проблема понятия государства на традиционном Востоке в отечественной историографии (теоретические размышления) // Восток. – 2005. – № 6. – С. 5–21.
- Зеленина, Г.** Сефардские мудрствующие, фантомная ересь и слава шпанского короля // Ab Imperio. – 2008. – № 3 (<http://polit.ru/article/2009/01/13/zelenina/>).
- Зубов, А.Б.** Харисма власти // Восток. – 1995. – № 2. – С. 80–99.
- Иванов, С.А.** Взаимоотношения Руси и степи в концепциях евразийцев и Льва Гумилева // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 213–218.
- Ивонин, Ю.Е.** Позднее средневековье или ранняя новая история? // ВИ. – 1987. – № 1. – С. 67–77.
- Игнатов, А.** «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // ВФ. – 1995. – № 6. – С. 49–64.
- Игнатенко, А.А.** Ибн Хальдун. – М., 1980.
- Илюшечкин, В.П.** Сословная и классовая стратификация в дубуржуазных обществах // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности. – М., 1986. – С. 45–67.
- Илюшечкин, В.П.** О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // НАА. – 1987. – № 6. – С. 72–85.
- Илюшечкин, В.П.** К вопросу о соотношении закона стадильности и закона неравномерности общественного развития // Философские науки. – М., 1987. – № 3. – С. 35–44.
- Илюшечкин, В.П.** Политические структуры древности и средневековья: сравнительно-исторический аспект // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 1. – С. 18–39.
- Илюшечкин, В.П.** Общественные формации и цивилизации // Восток. – 1994. – № 5. – С. 233–236.
- Ионов, И.Н.** Современные подходы к изучению цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 20–35.
- Ионов, И.Н.** Пути развития цивилизационного сознания в Евразии и проблема евразийства // Цивилизации. – 2004. – № 6. – С. 158–187.
- Ионов, И.Н.** Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия – М.: Наука, 2007.
- Ионов, И.Н., Хачатурян В.М.** Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. – СПб., 2002.
- История Востока. – М., 1995. – Т. 2 : Восток в средние века.
- История Востока. – М., 1999. – Т. 2 : Восток в средние века.
- История Востока. – М., 2000. – Т. 3 : Восток на рубеже средневековья и нового времени.
- История Европы. – М., 1993. – Т. 3.
- История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. – М., 1999.
- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – М., 1985. – Т. 1.
- История крестьянства СССР. – М., 1990. – Т. 2.
- История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. – М., 1999.
- История ментальностей или историческая антропология. – М., 1996.
- История средних веков. – М., 1998. – Т. 1.

- История средних веков. – М., 2000. – Т. 2.
История Тропической Африки. – М., 1984.
Кавелин, К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989.
Каганович, Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей. – М., 1996. – С. 166–167.
Каганский, В.П. Евразийская концепция пространства России // Цивилизации. – 2004. – № 6. – С. 201–216.
Каждан, А.П. Византийская культура (X–XII вв.). – 2-е изд. – СПб., 1997.
Казбекова, Е.В., Юсим М.А. Средневековый город-государство // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 2000. – Т. 4. – С. 45–51.
Калашников, В.Л. Славянская цивилизация. – М., 2001.
Калмыков, В.Н. Менталитет восточных славян // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы. – Гомель, 2001. – С. 56–57.
Калядзінскі, Л. Гароды Беларусі (генезіс і станаўленне) у кантэксце трансэўразійскіх культурных плыняў, X–XVII стст. // Беларусь и Европа: взаимодействие культур. – Витебск, 2000. – С. 27–29.
Канчэўскі, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). – Варшава, 1998. – С. 73–101.
Каняшин, Ю.Н. К вопросу о начальных этапах истории крестьянства в Западной Европе // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. – М., 1993. – С. 51–58.
Каняшин, Ю.Н., Серовайский Я.Д. Социальный состав обладателей общинных прав в Бургундии X–XI вв. // Средние века. – 1995. – Вып. 58. – С. 3–20.
Капагосси Колоньези, Л. Формирование государства в Риме (точка зрения историка права) // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 94–97.
Каппелер, А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – С. 15–32.
Капица, С.П. Общая теория роста человечества. – М., 1999.
Капустин, Б.Г. Рец: В.А. Красильщиков. Превращение доктора Фауста // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 154–156.
Кар, Э.Г. Прычыннасьць у гісторыі // БГА. – 1996. – Т. 3. – Сш. 2 – С. 213–232.
Кар, Э.Г. Гісторык і яго факты // БГА. – 1997. – Т. 4. – Сш. 1-2. – С. 72–92.
Карамзин, Н.М. Избранные сочинения : в 2 тт. – М.–Л., 1964. – Т. 2.
Карнейро, Л. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 84–95.
Карнейро Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 55–70.
Карпов, С. О варягах, юбилеях и нашем образовании // Родина. – 2012. – № 9. – С. 6–10.
Карпюк, С.Г. Климатический детерминизм и история климата в работах В.В. Клименко // Вестник древней истории. – 2007. – № 1. – С. 244–257.
Карпюк, С.Г. Климат и география в человеческом измерении. – М., 2010.
Карсавин, Л.П. Культура средних веков : общий очерк. – Петроград, 1918.
Карсавин, Л.П. Введение в историю: Теория истории // Введение в науку. История. – Вып. 1. – Петроград, 1920.

Квирквелия, О. Легко ли бедному вступить в рай: Бизнес в учении Католической Церкви // НГ – Регионы. – 19 февраля 2003.

Келле, В.Ж. Культура в системе цивилизационных механизмов // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 8–17.
Кенигсбергер, Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы. – М., 2001.

Керов, В.Л. О. Дюмулен. Марк Блок (О. Dumoulin. Marc Bloch. L'Imperimerie Floch. Mayenne. 2000. 332 s.) // ВИ. – 2001. – № 7. – С. 171–173.

Кизеветтер, А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. (Антология). – М., 1993. – С. 266–278.

Ким, Г.Ф., Ашрафян К.З. Некоторые вопросы изучения классов и сословий в докапиталистических обществах Азии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. – М., 1986. – С. 4–15.

Ким, Г.Ф., Ашрафян К.З. Государство в традиционных обществах Востока: некоторые дискуссионные проблемы // Государство в докапиталистических обществах Азии. – М., 1987. – С. 3–16.

Кин, М. Рыцарство. – М., 2000.

Киплинг, Р. Баллада о Востоке и Западе // Р. Киплинг. Избранное. – Л., 1980.

Кириенко, В.В. Временной темпоритм в менталитете белорусов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. – Гомель, 2009. – С. 12–18.

Кириллина, С.А., Родригес А.М. Рец.: История Востока. – Т. III : Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв. // Восток. – 2000. – № 2. – С. 170–174.

Кирпичников, А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. – СПб., 1998. – С. 31–55.

Классен, Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 71–84.

Клибанов, А.И. Реформаторское движение в России в XIV – первой половине XVI в. – М., 1960.

Клименко, В.В. Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. – 2000. – № 1. – С. 5–31.

Клименко, В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX–XVI вв. // Вестник Московского энергетического института. – 1999. – № 2. – С. 85–93.

Клименко, В.В. Климат и история в средние века // Восток. – 2003. – № 1. – С. 5–41.

Кляшторный, С.Г. Россия и тюркские народы Евразии // Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М., 1995. – С. 184–202.

Ключевский, В.О. Курс русской истории. – Ч. 1 // Соч. Т. 1. – М., 1956.

Ключевский, В.О. Курс русской истории // Соч. Т. 2. – М., 1956 (а).

Ключевский, В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983.

Ключевский, В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. – М., 1968.

Кобищанов, Ю.М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. – М., 1974. – С. 85–290.

Кобищанов, Ю.М. Община или класс? // Аграрные структуры стран Востока. – М., 1977. – С. 49–72.

Кобищанов, Ю.М. Системы общинного типа // Община в Африке: проблемы типологии. – М., 1978. – С. 133–260.

Кобрин, К. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема // Неприкосновенный запас. – № 3. – 2008 (http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_59/2678-ot-paternalistskogo-proekta-vlasti-k.html).

Колесников, А. Похищение Азиопы // Известия. – 2000. – 21 ноября.

Колганов, М.В. Собственность. Докапиталистические формации. – М., 1962. Колелания климата за последнее тысячелетие. – Л., 1988.

Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.

Кольчева, Е.И. Огосударствление земель в России во второй половине XVI века // Система государственного феодализма в России. – М., 1993. – Ч. 1. – С. 93–114.

Кон, И.С. Открытие «я». – М., 1978.

Конрад, Н.И. Запад и Восток. – М., 1972.

Конт, О. Дух позитивной философии. – СПб., 1910.

Конюхов, К. Самоуправление Древней Руси // Диалог. – 1998. – № 6. – С. 49–53.

Корневский, А. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // Ab Imperio. – 2001. – № 1-2. – С. 87–124.

Корзун, М.С. Русская православная церковь. Деятельность и мировоззрение. X в. – 1988 г. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Мн., 1993.

Королев, С. Вон из Москвы?... // НГ. – 2000. – 15 ноября.

Король, А.Д. Формирование ментальности восточных славян и Запада: общее и особенное // Менталитет восточных славян: История, современность, перспективы. – Гомель, 1999. – С. 74–76.

Коротаев, А.В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. – 1995. – № 3. – С. 18–26.

Котляр, Н.Ф. Север или Юг (К вопросу о возникновении древнерусской государственности) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы : тезисы докладов. – М., 1992. – С. 29–32.

Котляр, Н.Ф. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1998. – С. 25–28.

Котляр, И.Ф. Древнерусская государственность. – СПб., 1998(a).

Кочубинский, Д.А., Малинин Ю.П. Феномен капитализма и проблемы его становления // Социально-политические проблемы в истории зарубежных стран. – Сыктывкар, 1994. – С. 24–37.

Кошеленко, Г.А. Проблемы становления государственности Древней Греции // Конференция «Проблемы превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное» : тезисы докладов. – М., 1984. – С. 36–41.

Кошеленко, Г.А. К дискуссии о возникновении государства в древнем Риме // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 93–94.

Крадин, Н.Н. Кочевые общества (проблемы функциональной характеристики). – Владивосток, 1992.

Крадин, Н.Н. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток. – 2000. – № 3. – С. 5–16.

Крадин, Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы, 2007.

Крадин, Н.Н. Динамика процессов становления раннего государства на Руси // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2012. – С. 121–126.

Красильщиков, В.А. Превращение доктора Фауста. – М., 1994.

Краснов, Ю. Миссия Беларуси в современном мире и новые функции образования // Молодые гуманитарии Беларуси. – Мн., 1995. – С. 5–25.

Краўцэвіч, А.К. Вялікае княства Літоўскае ў другой палове XIII – пачатку XIV ст. і генэзіс дзяржавы па пісьмовых і археалагічных крыніцах : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук. – Мн., 1998.

Краўцэвіч, А.К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. – Rzeszów, 2000.

Кржевов, В.С. Социально-политическая концепция евразийства и проблема поиска надежных основ интеграции общества // Вестник МГУ. – Сер. 7, Философия. 2005. – № 4. – С. 74–111.

Круглова, Н.И. О конце средневековья и начале нового времени в Германии. Проблемы духовного развития // Идеология и политика в античной и средневековой истории. – Барнаул, 1995. – С. 142–151.

Крылов, В.В. Азиатский способ производства как особая форма рабства или феодализма // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966. – С. 93–94.

Крюков, М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М., 1984.

Крюков, М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М., 1987.

Кудрявцев, О.Ф. Схоласты о собственности // СВ. – 1990. – Вып. 53. – С. 157–166.

Кузьмин, А.Г. Истоки русского национального характера // Вестник МГУ. – Сер. 8, История. – 1993. – № 5. – С. 13–22.

Кузык, Б.Н., Яковец Н.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – Т. I : Истоки и вершины восточнославянской цивилизации. – М., 2006.

Кузык, Б.Н., Яковец Н.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – Т. IV : Истоки и вершины восточнославянской цивилизации. – М., 2008.

Кульпин, Э.С. Традиционный Восток: факторы стабильности (экологический аспект) // Феномен восточного деспотизма. – М., 1993. – С. 88–114.

Кульпин, Э.С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке // Серия «Социальноестественная история». – Вып. XII. – М., 1999.

Кульпин, Э.С. Социальноестественная история. – Волгоград, 2014.

Кушнярэвіч, А.А. Беларускі горад XIII–XVI стст. У кантэксце еўрапейскай архітэктуры // Беларусь і Еўропа: узаемадзеянне культур. – Витебск, 2001. – С. 44–47.

Ле Гофф, Ж. Цивилизации средневекового Запада. – М., 1992.

Лебедев, Г.С. Varangica в контексте отечественной культуры последних десятилетий // Скандинавские чтения 1998 г. – СПб., 1999. – С. 5–17.

Левин, М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // Советская этнография. – 1965. – № 4. – С. 1–17.

Левченко, Е.Н. Россия в современном цивилизационном процессе: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007.

Лесман, Ю.М. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне: этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 12–18.

Либман, М.Я. Позднее средневековье и начало нового времени: опыт комплексного исследования // Мировая культура. Традиции и современность. – М., 1991. – С. 223–228.

Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом // Звезда. – 2006. – № 5 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/5/se8.html#top>).

Литаврин, Г.Г. Проблемы государственной собственности в Византии X–XI вв. // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 8–37.

Литаврин, Г.Г. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.) // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 527–538 (а).

Литаврин, Г.Г. Славяне и протоболгары: от хана Аспаруха до князя Бориса-Михаила // Славяне и их соседи. – Вып. 10. – М., 2001. – С. 6–15.

Лихачев, Д.С. О национальном характере русских // ВФ. – 1990. – № 4.

Ловмянский, Х. Русь и норманны. – М., 1985.

Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения. – М., 1982.

Лурье, С.В. Россия: община и государственность // Цивилизации и культуры. – М., 1995. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – С. 138–155.

Лучицкая, С.И. Заметки на полях дискуссии // Одиссей. – М., 2001. – С. 56–61.

Любимов, Ю. В. Образ другого (Восток в европейской традиции) // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 2. – С. 5–26.

Люкс, Л. Евразийство // ВИ. – 1993. – № 6. – С. 105–114.

Люкс, Л. Россия между Востоком и Западом. – М., 1993(а).

Ляўко, В.М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы // ГАЗ. – 2000. – № 15. – С. 116–122.

М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX–XX. – С. 196–207.

Макаренко, В.В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока // Ориентация – поиск. Восток в теориях и гипотезах. – М., 1992. – С. 131–153.

Макаров, Н. Русь. Век тринадцатый // Родина. – 2003. – № 11. – С. 19–21.

Маке, Ж. Цивилизации Африки южнее Сахары. – М., 1974.

Макова, Е.С. К истории генезиса и развития феодальной земельной собственности у южных и западных славян // Проблемы развития феодальной собственности на землю. – М., 1979. – С. 121–144.

Максимов, С.Н. Место России в концепции «серийной истории» П. Шоню // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. – М., 1995. – С. 174–181.

Малинин, Ю.П., Коцюбинский Д.А. Ранний западноевропейский капитализм и его феодальные истоки // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – СПб., 1996. – С. 23–33.

Манн, Т. Об учении Шпенглера // Собр. соч. – М., 1960. – Т. 9. – С. 610–619.

Марзальюк, І. Дык усё ж такі, да якой цывілізацыі належылі ў сярэднявеччы беларускія землі // Край. – Магілёў, 2000. – С. 27–30.

Марзальюк, І. Вытокі гістарыяграфічных версій сярэднявечковай гісторыі Беларусі // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства. – Мн., 2001. – С. 76–82.

Марзальюк, І. Да пытання пра навуковасць новай беларускай медыевістыкі // Гістарычны альманах. – Гародня, 2001. – Т. 4. – С. 144–146 (а).

Марзальюк, І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11–17 стст. // Гістарычны альманах. – Гародня, 2001. – Т. 5. – С. 3–22 (б).

Мартынюк, И. За оградой славянофильства: Николай Данилевский – шпенгерианец... картезианец // Ab Imperio. – 2001. – № 1-2. – С. 439–463.

Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 19.

Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23.

Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 28.

Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46.

Матыс, Е.А. Социально-транзитивные процессы и эволюция законодательной власти в Беларуси // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы. – Гомель, 1999. – С. 140–142.

Мачинский, Д.А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. – XI в. н.э. (контуры концепции) // Славяне: этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 120–130.

Медведев, И.П. Правовая культура Византийской империи. – СПб.: Алетейя, 2001.

Меир, Г. Моя жизнь. – Чимкент, 1997.

Мелин, Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. – М., 2002.

Мельникова, Е.А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы : тезисы докладов. – М., 1992. – С. 38–41.

Мельникова, Е.А. Киевская Русь и Скандинавия. – М., 2011.

Мельникова, Е.А. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы // Исторический вестник. – 2012. – № 1(148). – С. 24–39.

Мельникова, Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1986. – С. 99–108.

Мельянцев, В.А. Экономическая динамика стран Востока в средние века и новое время // Вестник МГУ. – Серия 13. Востоковедение. – 1993. – № 3. – С. 3–21.

Мельянцев, В.А. Восток и Запад во II-м тысячелетии: экономика, история и современность. – М., 1996.

Метадалагічныя праблемы гістарычнай навукі. – Мн., 1993.

Мечников, Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. – М., 2006.

Милов, Л.В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. – 1985. – № 3.

Милов, Л.В. Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. – 1989. – № 2.

Милов, Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // ВИ. – 1992. – № 4-5. – С. 37–56.

Милов, Л. Если говорить серьезно о частной собственности на землю // Свободная мысль. – 1993. – № 2. – С. 77–88.

Милов, Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 86–87.

Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998.

Миницкий, Н.И. Методы построения научного и образовательного исторического знания. – Минск: БГПУ, 2006.

Мисьяревич, Н.В. Особенности формирования самоуправления у восточных славян (в аспекте формирования менталитета славян) // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы. – Гомель, 2001. – С. 175–176.

Мокир, Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. – М., 2014 (<http://postnauka.ru/longreads/49465>).

Мотрошилова, Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник МГУ. – Сер. 7, Философия. – 2006. – № 4. – С. 49–65.

Мозм, С. Цит. по: Известия. – 8 апреля. – 2000.

Можно ли полагать «восточной» новую российскую демократию // Восток. – 1995. – № 2. – С. 100–117.

Молчанов, А.А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (О роли отдельных компонентов и полиэтнической основы формирования Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы : тезисы докладов. – М., 1992. – С. 44–47.

Монгайт, А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. – М., 1974.

Монгайт, А.Л. Переписка Н.И. Конрада и А. Тойнби // Проблемы истории и теории мировой культуры. – М., 1974. – С. 143–160.

Монтескье, Ш. О духе законов. – СПб., 1900.

Моця, А. Русь на Днепре // Родина. – 1999. – № 8. – С. 19–21.

Мюссе, Л. Варварские нашествия на Западную Европу. – СПб., 2001.

Мучник, В.М. В поисках утраченного смысла истории (Генезис и эволюция исторических взглядов А.Дж. Тойнби). – Томск, 1986.

Назаренко, А.В. Концепция русской истории в синтезирующем труде немецких историков «Руководство по русской истории». (Handbuch der Geschichte Russland. Stuttgart. 1976–1989. Bd. 1) // Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X–XVII вв. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 137–172 (а).

Назаренко, А.В. Рец.: Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums // Средневековая Русь. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 154–185.

Назаров, В.Д. О статусе «слуг» в средневековой Руси // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы : тезисы докладов. – М., 1992. – С. 49–53.

Назарова, Е.Л. Спорный вопрос истории Полоцкой земли в латышской историографии конца XIX – начала XX в. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. – М., 1992. – С. 53–56.

Насевич, В., Свяжынскі У. Міндоўг знаёмы і незнаёмы: погляд літоўскага гісторыка // БГА. – 1999. – Т. 6. – Сш. 1-2. – С. 261–272.

Нарысы гісторыі Беларусі. – Мн., 1994. – Ч. 1.

Независимая газета. 27.11.2012 (http://www.ng.ru/scenario/2012-11-27/13_thousand.html).

Непомнин, О.Е. Иерархия владельческих прав в традиционном Китае // Частная собственность на Востоке. – М., 1998. – С. 414–458.

Неру, Дж. Открытие Индии. – М., 1989. – Кн. 1.

Нестеренко, А.Н. Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии // Вопросы истории. – 2016. – № 1. – С. 103–114.

Неклесса, А.И. Палитра русской цивилизации // НГ. – 13.11.2015 (www.ng.ru/ideas/2015-11-13/5_ideas.html).

Неусыхин, А.И. Общественный строй древних германцев. – М., 1929.

Неусыхин, А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. – М., 1956.

Неусыхин, А.И. Проблемы европейского феодализма. – М., 1974.

Нефедов, С.А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург, 2007.

Николаева, И.Ю. Концепт цивилизации и исследовательская практика // Цивилизации. – № 9. – 2014. – С. 96–120.

Ніпердзій, Т. Актуальнасць Сярэднявечча // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – Сш. 2. – С. 266–278.

Новикова, Л.И. Идея цивилизации в «Методологии истории» Ключевского // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человечества. – М., 1988. – С. 123–140.

Новикова, Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 9–26.

Новикова, Л.И., Сиземская И.Н. Введение // Россия между Европой и Азией? Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993.

Новосельцев, А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. – М., 1986. – С. 35–42.

Новосельцев, А.П. Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 59–72.

Носов, Е.Н. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне. – СПб., 1998. – С. 56–82.

О'Брайен, П. Статус государства и будущее универсальной истории // Цивилизации. – 2002. – № 5. – С. 10–27.

Оболенский, Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М., 1998.

Одиссей. – М., 1999.

Орлова, И.Б. Евразийская цивилизация. – М., 1998.

Оруджев, З.М., Кузнецова Т.В. Культура и цивилизация // Вестник МГУ. – Сер. 7, Философия. – 2005. – № 2. – С. 82–102.

Павленко, Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. – Киев, 1989.

Павленко, Ю.В. Человек и власть на Востоке // Феномен восточного деспотизма. – М., 1993. – С. 26–61.

Павлов, В.И. К стадияльно-формационным характеристикам восточных обществ в Новое время // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. – М., 1979. – С. 173–329.

Пазднякоў, В.С. Да этнічнай гісторыі Беларусі // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. – Мн., 1993. – Ч. 1. – С. 6–8.

Панарин, А. Между атлантизмом и европейством // Свободная мысль. – 1993. – № 11. – С. 3–15.

Панарин, А.С. Евразийский проект в микросистемном контексте // Восток. – 1995. – № 2. – С. 66–79.

Панарин, А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. – Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М., 1995. – С. 31–50а.

Панарин, А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Цивилизации и культуры. – Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М., 1995. – С. 51–67б.

Партноў, А. Леў Акіншэвіч // БГА. – 1999. – Т. 6. – Сш. 1-2. – С. 248–255.

Пашуто, В.Т. О мнимой соборности в Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. – М., 1952. – С. 163–214.

Перхавко, В.Б. Выводы и своды купцов феодальной России // Купечество в России. XV – первая половина XIX в. – М., 1997.

Першиц, А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. – М., 1994.

Першиц, А.И. У истоков эксплуатации // Восток. – 2005. – № 1. – С. 25–29.

Петраускас, О., Терпиловский Р. К вопросу о балто-славянских отношениях в I тысячелетии н.э. // Час, помнікі, людзі. – Мн., 1993. – С. 98–100.

Петров, А.М. Восток и Запад: экономические контакты как отражение разнотемповости развития // Азия и Африка сегодня. – 1982. – № 12. – С. 30–34, 58.

Петрухин, В.Я. Норманны и хазары на юге Руси // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: тезисы докладов. – М., 1992. – С. 60–62.

Петрухин, В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. – Смоленск – М., 1995.

Петякшева, Н.И. Диалог цивилизаций: Восток – Запад // ВФ. – 1993. – № 6. – С. 173–176.

Пешков, М.А., Петров А.М., Бондаренко Д.М., Гордон А.В., Рашковский Е.Б., Иванов С.М. Рец.: Л.Б. Алаев. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время // Восток. – 2000. – № 6. – С. 171–178.

Пилипенко, М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. – Мн., 1991.

Піліпенка, М.Ф. Новы погляд на этнагенез беларусаў // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі. – Мн., 1992. – С. 34–40.

Піліпенка, М.Ф. Фарміраванне пачатковай этнічнай тэрыторыі беларускага народа // Да этнічнай гісторыі Беларусі // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. – Мн., 1993. – Ч. 1. – С. 24–25.

Пименова, Р.А. Историческая специфика российской цивилизации // Российская цивилизация: истоки, сущность, трансформации. – Смоленск, 1999. – С. 8–10.

Пиотровский, М. Интервью // Новое время. – 2005. – № 1-2.

Пискорский, В.И. Крепостное право в Каталонии в средние века. – Киев, 1901. Письма Е.А. Косминского Е.В. Гутновой. Предисловие и комментарии А.А. Сванидзе // Новая и новейшая история. – 2001. – № 1. – С. 113–129.

Пичета, В.И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. – Мн., 1927. – Ч. I.

Платковский, А. Первооснова... // Известия. – 17.02.1998.

Плеханова, И.Г. Национальный менталитет как фактор формирования отношений общества к людям с ограниченными возможностями и инвалидам // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы. – Гомель, 2001. – С. 137–138.

По, М. Изобретение концепции «Москва–Третий Рим» // Ab Imperio. – 2000. – № 2. – С. 61–86.

По, М. Выбор пути: Почему Московия не стала Европой // Родина. – 2003. – № 11. – С. 25–27.

Подпалова, Г.И. О типологии японского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.

Поляков, А.Н. Цивилизация как социальная система: теория, типология и метод // Вопросы истории. – 2007. – № 11. – С. 52–64.

Поляков, А.Н. Киевская Русь как цивилизация. – Оренбург, 2010.

Политическая интрига на Востоке. – М., 2000.

Полуцкая, С.В. Брестская церковная уния 1596 года – ответ на культурно-религиозный вызов Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. – М., 1995. – С. 101–115.

Померанц, Г.С. Шэньши как тип средневекового книжника // Общество и государство в Китае. – М., 1971. – Вып. 1. – С. 70–86.

Попов, В.А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках: Проблемы генезиса и стадиально-формационного развития этнополитических организмов. – М., 1990.

Попов, В.А. Концепт «племья», или этничность и потестарность «в одном флаконе» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2015. – № 2. – С. 13–20.

Поповский, М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга // Октябрь. – 1990. – № 2. – С. 3–100.

Похилевич, Д.Л. Селяньска громада в західніх воеводствах ВКЛ після аграрної реформи Сігізмунда Августа // Ученіє запискі Львівського універсітета. – 1948. – Т. X. – С. 103–130.

Похилевич, Д.Л. Движение феодальной земельной ренты в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв. // Исторические записки. – М., 1950. – Т. 31. – С. 191–221.

Пришвин, М. Дневник за 1931–1932 годы // Октябрь. – 1990. – № 1.

Прокофьева, Г.П. Становление категории «цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса : автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Хабаровск, 2001.

Пти-Дютайи, Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. – СПб., 2001.

Пушкарева, Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). – М., 1997.

Пушкарева, Н.Л. Как женщин сделали ведьмами // Женщины в истории. – Мн., 2001. – Вып. 1. – С. 20–55.

Пчелов, Е.В. Был ли древнерусский Рюрик Рориком Ютландским? // Вопросы истории. – 2012. – № 10. – С. 97–109.

Пьянков, А.П. Основные формы феодальной зависимости сельского населения Руси, Украины, Белоруссии и Литвы в XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 1962. – Мн., 1964. – С. 101–109.

Рассадин, С.Е. Первые славяне. – Мн., 2009.

Рассадин, С. Актуальные проблемы славянского этногенеза // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мн., 2011. – Вып. 26. – С. 185–189.

Рассел, Д.Б. Колдовство и ведьмы в средние века. – СПб., 2001.

Рассел, Д.Б. Люцифер. Дьявол в Средние века. – СПб., 2001(a).

Ратобильская, А.В. Венгерский туранизм // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 219–228.

Рашковский, Е.Б., Хорос В.Г. Проблема «Запад-Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1988. – С. 110–142.

Рашковский, Е. Латинская Америка и Россия: цивилизационные параллели // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 104–110.

Рашковский, Е. Судьбы России: цивилизационный анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2008a. – № 3. – С. 70–80.

Репина, Л.П. Социальная история и историческая антропология: Новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. – М., 1990. – С. 167–181.

Репина, Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. – М., 1996. – С. 25–38.

Репина, Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная антропология. – М., 1998. – С. 11–52.

Решин, А.И. Дар и некоторые аспекты становления феодализма // Средние века. – 2004. – № 65. – С. 3–44.

Риер, Я.Г. Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных // ВИ. – 1988. – № 10. – С. 123–127.

Рыер, Я.Р. Да метадалогіі новых падыходаў выкладання гісторыі сярэдніх вякоў у беларускай школе // Магілёўская даўніна. – 1994. – № 2. – С. 80–86.

Риер, Я.Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных // РА. – 1996. – № 1. – С. 114–121.

Риер, Я.Г. Очерки истории средневековых цивилизаций. – Могилев, 1997.

Риер, Я.Г. Сколько путей проложила для нас история? // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 1998. – № 1. – С. 59–74.

Рыер, Я.Р. Месца беларускіх зямель у гісторыі сярэднявечча: цывілізацыйны аспект // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 1999. – № 2-3. – С. 67–74.

Риер, Я.Г. Восточная Европа: место в средневековой истории (К поискам истоков региональной специфики) // Гісторыя Беларускага Падняпроўя. – Магілёў, 1999. – С. 79–84(а).

Риер, Я.Г. Восточнославянская цивилизация в контексте средневековой истории // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы. – Гомель, 1999. – С. 125–126(б).

Риер, Я.Г. Опыт сравнительного анализа средневековых цивилизаций // Российская цивилизация: истоки, сущность, трансформации. – Смоленск, 1999. – С. 61–63(в).

Риер, Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. – Могилев, 2000.

Риер, Я.Г. Заметки на полях одной книги // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2000. – № 2-3. – С. 175–187(а).

Рыер, Я. Беларускія і польскія землі ў сярэднявеччы: пошукі цывілізацыйнай спецыфікі // Край. – Магілёў, 2000. – С. 16–26(б).

Риер, Я.Г. Белорусские земли в контексте европейских цивилизаций: размышления об историческом пути // Беларусь и Европа: взаимодействие культур. – Витебск, 2000. – С. 8–10(в).

Риер, Я.Г. Заметки на полях одной книги: Орлова И.Б. Евразийская цивилизация // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2000а. – № 2-3. – С. 175–187.

Рыер, Я.Р. Сярэднявечныя цывілізацыі і Беларусь // Кулешовские чтения. – Могилев, 2001. – С. 34–38.

Риер, Я.Г. Россия между Западом и Востоком: поиски «особости» // Менталитет восточных славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. – Гомель, 2001. – С. 181–182(а).

Риер, Я.Г. Приднепровье в средние века // Lietuvos archeologija. – № 21. – 2001. – P. 293–298(б).

Рыер, Я.Р. Сярэднявекавыя цывілізацыі і Беларусь // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства. – Мн., 2001. – С. 24–27 (в).

Риер, Я.Г. Средневековые города как индикаторы цивилизационных различий в Европе // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире. – Витебск, 2002. – Ч. 1. – С. 24–27.

Риер, Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003.

Риер, Я.Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. по археологическим данным. – Могилев, 2010.

Риер, Я.Г. Реплика по поводу статьи: Шнирельман В.А. Слово о «голом (или не вполне голом) короле» // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2012. – № 1. – С. 94–96.

Риер, Я.Г. Климат и исторические процессы: по поводу исторических представлений проф. В.В. Клименко // Человек и природа в пространстве и времени. – Серия «Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». – М.: ИАЦ-Энергия, 2012. – Вып. XXXVI. – С. 261–298.

Риер, Я.Г. Клиометрия и история: некоторые комментарии к междисциплинарным подходам (на примере книги П.В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») // Природа и общество в эпоху перемен. – Серия «Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». – М., 2014. – Вып. XXXVIII. – С. 221–253.

Риер, Я.Г. Древнерусские земли в контексте цивилизационных процессов // Магілёўшчына. – Магілёў, 2014а. – Вып. XII. – С. 11–19.

Риер, Я.Г. Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. – Могилев, 2016.

Рогожин, Н.М. Проблемы развития государственности России X–XVII в. // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. – М., 2006. – С. 22–46.

Розин, Э. Ленинская мифология государства. – М., 1996.

Ронин, В.К. Хёш Э. Культура восточных славян // Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X–XVII вв. (Зарубежные и советские исследования). РС. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 114–136.

Россия на грани, или Постыжение Путина // НГ. – 2000. – 15 ноября.

Рубин, В.А. Благородный муж и власть в классическом конфуцианстве // Восток. – 1994. – № 5. – С. 127–144.

Рутенбург, В.И. Ранние буржуазные революции // ВИ. – 1984. – № 3. – С. 72–81.

Рыбаков, Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. – М., 1993.

Рэвяка, К., Фядосік В. Старажытная Грэцыя і Беларусь // БГЧ. – 2001. – № 1. – С. 8–15.

Рюриков, Ю. Три влечения. Любовь: вчера, сегодня и завтра. – М., 1967.

Рябов, И. Революция антисемитов // Новое время. – 1998. – № 52. – С. 26–27.

Сагановіч, Г. У пошуках сярэднявечча // БГА. – 1997. – Т. 4. – Сш. 1-2. – С. 3–17.

Сагановіч, Г. Medievaliaucrainica: Менталіць та історія ідэі // БГА. – 1999. – Т. 6. – Сш. 1-2. – С. 291–295.

Саид, Э. Ориентализм. – СПб., 2006.

Самусенко, Г.П. Российская цивилизация : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Армавир, 2009.

Сванидзе, А.А. О феномене средневекового урбанизма: заметки в связи с конференцией // СВ. – 1995. – Вып. 58. – С. 88–94.

Сванидзе, А.А. Требования шведских крестьян в восстании XV века // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. – М., 2001. – С. 48–63.

Сванидзе, А.А. Рец.: Филлипов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема феодализма // Средние века. – 2003. – Вып. 64. – С. 382–389.

Сванидзе, А.А. Феодализм перед судом истории // Средние века. – 2006. – Вып. 67. – С. 253–256.

Свердлов, М.Б. Образование древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: тезисы докладов. – М., 1992. – С. 62–66.

Свердлов, М.Б. Спорные проблемы становления феодализма на Руси: комплексный метод в сравнительно-историческом анализе // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1993. – С. 68–70.

Свод этнографических понятий и терминов. – М., 1986.

Седов, В.В. Очерки по археологии славян. – М., 1994.

Седов, В.В. Славяне в раннем средневековье. – М., 1995.

Седов, В.В. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов // РА. – 1998. – № 2. – С. 54–65.

Седов, В.В. Русский каганат XI в. // Отечественная история. – 1998. – № 4. – С. 3–125.

Седов, В.В. XII Международный конгресс славистов // РА. – 1999. – № 3. – С. 239–242.

Селицкий, А.И. К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев // Скандинавские чтения 1998. – СПб., 1999. – С. 58–81.

Селунская, Н.А. «Сеньория, община и вассалитет простолюдинов», или «Презумпция невиновности Рейнольдс» // Одиссей. – 2006. – С. 114–133.

Семенникова, Л.И. Цивилизации в истории человечества. – Брянск, 1998.

Семенникова, Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск, 2000.

Семенов, И.Г. К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX – первой половине X века // Славяноведение. – 2010. – № 2. – С. 3–11.

Семенов, Ю.И. Проблема социально-экономического строя древнего Востока // НАА. – 1965. – № 4.

Семянчук, Г. Полацк і Ноўгарад у IX–XIII ст. // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства. – Мн., 2001. – С. 16–23.

Сергеев, А.Л. Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. – Владимир, 1997.

Сергеевич, В.И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей, 1867.

Серовайский, Я.Д. Географический фактор в научном творчестве А.И. Неусыхина // История и историки. – М., 1990. – С. 318–322.

Сідарцоў, У. Сучасныя метадалагічныя праблемы гістарычнага пазнання // БГЧ. – 2001. – № 2. – С. 3–10.

Симоненко, Л.П. Евразийство в русской культуре // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы. – Гомель, 2001. – С. 74.

Симонова-Гудзенко, Е.К. Рец.: История Востока. – Т. 2: Восток в средние века. – М., 1995 // Восток. – 1997. – № 2. – С. 192–196.

Славяне и Русь: проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. – М., 1998.

Следзевский, И.В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке: проблемы типологии. – М., 1978. – С. 61–132.

Слепцов, А. История климата Восточной Европы в последние два тысячелетия // Природа и самоорганизация общества. – Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». – М., 2002. – Вып. XXII. – С. 210–211.

Смирнов, С. Коммунизм как русская национальная идея // НГ. – 19.06.2000. – С. 11

Смит, А. Исследование о природе и причинах богатств народов. – М., 1962.

Современная мировая историческая наука. – Мн., 1996.

Соколов, А.К. Природно-демографические факторы в истории России // Традиционный опыт землепользования в России. – М., 1998. – С. 356–373.

Соловьев, С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. – М., 1991. – Кн. VII. – Т. 13.

Соловьев, Э.Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. – М., 1991.

Солоневич, И. Народная монархия. – М., 1991.

Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

Спигел, Г.М. К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей. – М., 1995. – С. 211–220.

Спиридонов, М.Ф. Закрепощение крестьянства Белоруссии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Мн., 1981.

Спірыдонаў, М.Ф. Асноўныя праблемы гісторыі Беларусі XIV–XVI стст. у савецкай гістарыяграфіі // Весці АН БССР. – 1990. – № 1. Сер. грамад. навук. – С. 107–114.

Спиридонов, М.Ф. Закрепощение крестьян Беларуси (XV–XVI вв.). – Мн., 1993. Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000.

Старасценка, В. Этнанімія беларусаў у XI–XVII стст. // Магілёўская даўніна. – 2001. – № 9. – С. 33–40.

Старасценка, В.У. Фама Іяўлевіч // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2003. – № 1.

Стародворцева, Н.П. Между Востоком и Западом: Россия на перепутьях истории // Российская цивилизация: истоки, сущность, трансформации. – Смоленск, 1999. – С. 5–8.

Стефанович, П.С. Боярская служба в средневековой Руси // Одиссей. – 2006. – С. 151–160.

Стингл, М. Государство инков. 1986.

Суворов, О. Наши беды от того, что мы родом из «Шинели» // Известия. – 1998. – 21 ноября.

Сунягин, Г.Ф. Промышленный труд и культура Возрождения. – Л., 1987.

Сухов, А.Д. Прогресс и история. – М., 1982.

Сюзюмов, М.Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии) // ВВ. – 1968. – Т. 29. – С. 32–44

Тавризян, Г.М. Современный кризис западной культуры и перспективы цивилизации в трудах Й. Хейзинги // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человечества. – М., 1988. – С. 87–110.

Тацит, Корнелий. Сочинения в двух томах. – Л., 1969. – Т. 1 : Анналы. Малые произведения.

Телепень, С.В. Исторические горизонты восточнославянской ментальности // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы. – Гомель, 1999. – С. 150–152.

Темушев, С.Н. Древнерусская народность: реальность или реконструкция историков // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы. – Гомель, 1999. – С. 135–137.

Темушев, С.Н. Налоги и дань в Древней Руси. – Мн., 2015.

Тимоховцев, Н.М. Из истории возникновения украинского казачества // Проблемы історії старажытнага свету і сярэдніх вякоў. – Мн., 2000. – С. 207–209.

Тишков, В.А. Историческая эволюция и императив выживания // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М., 1989. – С. 128–148.

Тойнби, А.Дж. Постигание истории. – М., 1991.

Толочко, П.П. Задачи историко-археологического изучения Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. – К., 1990. – С. 3–6.

Толочко, А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – К., 1992.

Топоров, В.Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (руско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. – М., 1990. – С. 4–14.

Трепавлов, В.В. «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. – М., 1995. – С. 165–174.

Тржештик, Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальные и политические структуры раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С. 124–131.

Три каравеллы на горизонте («круглый стол») // Латинская Америка. – 1987. – № 5. – С. 50–85.

Тумаш, В. Важнейшыя мамэнты культурных працэсаў Беларусі // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). – Варшава, 1998. – С. 455–485.

Турарбекова, Л. Евразийская маргинальная зона в контексте современной номадологии // Вестник Евразии. – 2007. – № 2. – С. 5–21.

Турчин, П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. – М., 2010.

Тяпкина, Н.И. Система землевладения и формы отчуждения земли в традиционном Китае (вторая половина XVII – начало XX в. // Частная собственность на Востоке. – М., 1998. – С. 364–413.

У Цюрыху пра Полацк // БГА. – 1998. – Т. 5. – Сш. 1. – С. 205–209.

Уваров, П.Ю. История историка. Думают ли историки? А если думают, то зачем? // Одиссей. – 2003. – С. 303–331.

Українознавчий альманах. – К., 2015. – Вип. 18.

Урманова, Л.П. Отношение Эразма Роттердамского к собственности // Эразм Роттердамский и его время. – М., 1989. – С. 112–119.

Уроки для Беларусі // БДГ. – 2000. – 31 августа.

Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. – Мн., 1993. – Ч. II.

Уткин, А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. – М., 2000.

Фадеева, И.Л. Формы владения и собственности в Европе и на Ближнем Востоке в древности и средневековье // Частная собственность на Востоке. – М., 1998. – С. 64–93.

Фадеева, И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. – М., 2001.

Федотов, Г.П. Судьба и грехи России. – СПб., 1991. – Т. 1.

- Фельштинский, Ю.** Мой ответ А.И. Зевелеву // ВИ. – 1999. – № 8. – С. 172–175.
- Ферро, М.** Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., 1992.
- Ферро, М.** Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // Метаморфозы Европы. – М., 1993. – С. 10–16.
- Филиппов, И.С.** Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема феодализма. – М., 2000.
- Филюшкин А.** Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. – 2004. – № 4. – С. 561–600.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1987.
- Флиер, А.Я.** Об исторической типологии Российской цивилизации // Цивилизации и культуры. – М., 1994. – Вып. 1. – С. 94–115.
- Флиер, А.Я.** Культурология для культурологов : учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – М., 2000.
- Флиер, А.Я.** Историческая культурология как область знания // Культурологический журнал. – 2011 (http://www.cr-journal.ru/files/file/09_2011_23_21_35_1316632895.pdf).
- Флори, Ж.** Идеология меча. Предыстория рыцарства. – СПб., 1999.
- Флоровский, Г.В.** Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. (Антология). – М., 1993. – С. 237–265.
- Флоря, Б.Н.** «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С. 142–151.
- Флоря, Б.Н.** Эволюция социальных и общественных структур и возникновение государства // Раннесредневековые государства и народности. – М., 1991. – С. 190–207.
- Флоря, Б.Н.** «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественные записки. – 1992. – № 2. – С. 56–74.
- Фоменкова, А.В.** Недвижимая собственность в западных гётских землях (Согласно старшей редакции Вестгёталага) // СВ. – 2000. – Вып. 61. – С. 47–63.
- Формации или цивилизации? // ВФ. – 1989. – № 3.
- Франк, А.Г.** Формационные переходы и мифологемы способов производства // Восток. – 1992. – № 2. – С. 19–31.
- Фроянов, И.Я.** К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 57–93.
- Фукуяма, Ф.** Конец истории? // ВФ. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
- Фурсов, А.И.** Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное становление европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 13–70.
- Фядосік, В.А.** Праблемы метадалогіі святовай гісторыі ў Беларусі // Гістарычны альманах. – Гародня, 2001. – Т. 4. – С. 48–60.
- Хазанов, А.М.** Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. – М., 1979.
- Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–57.
- Ханкевич, О.И.** Политико-правовые аспекты развития античной демократии // Проблемы гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў. – Мн., 2000. – С. 70–76.

Харичев, И. Повод стать Европой. Размышления на фоне кризиса // 23 июля 2009 (<http://www.polit.ru/article/2009/07/23/cult/>).

Хачатурян, В.М. Истоки и рождение евразийской идеи // Искусство и цивилизационная идентичность. – М. : Наука, 2007. – С. 289–301.

Хачатурян, Н.А. Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. – М.–Саратов, 1992. – С. 17–23.

Хачатурян, Н.А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. – 2007. – Вып. 68(1). – С. 6–35.

Хвостова, К.В. История: проблемы познания // Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 61–71.

Хвостова, К.В. Особенности византийской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000. – С. 181–195.

Хейзинга, Й. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. – Лондон, 1992.

Хомяков, А.С. Политические письма 1848 года // ВФ. – 1991. – № 3. – С. 109–132.

Хорошкевич, А.Л. Русский средневековый город XI–XV вв. в историографии ФРГ (1974–1983) // История СССР в современной западной немарксистской историографии. – М., 1990. – С. 135–157.

Хоружий, С.С. Карсавин, евразийство и ВКП // ВФ. – 1992. – № 2. – С. 78–87.

Хоскинг, Дж. Может ли Россия стать национальным государством? // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – С. 33–50.

Цатурова, С.К., Алтухова Н.И. «Культурное средневековье»: обсуждение «Словаря средневековой культуры» // Средние века. – 2005. – Вып. 66. – С. 265–273.

Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человечества. – М., 1988.

Цивилизации. – М., 1992. – Вып. 1.

Цивилизации. – М., 1993. – Вып. 2.

Цивилизации и культуры. – М., 1994. – Вып. 1 : Россия и Восток: цивилизационные отношения.

Цивилизации в «третьем мире» // Восток. – 1992. – № 3. – С. 13–21.

Частная собственность на Востоке. – М., 1998.

Чекалова, А.А., Поляновская М.А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. – М., 1996. – С. 5–24.

Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. – М., 1996.

Черняк, Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизации. – М., 1996.

Чжао, Янь. Проявление русской традиционной культуры в сельской общине // Вестник МГУ. Сер.12, Политические науки. – 2006. – № 3. – С. 76–84.

Чубайс, И. Новый компас в социальном времени и пространстве. (Русская идея как социально-философская категория) // НГ. – 17.04.2002. – С. 11.

Чань, Чжихуа. О некоторых методологических принципах сравнительного изучения китайской и западной культур // Цивилизации. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 131–134.

Шаповалов, В.Ф. Понятие современной российской цивилизации // Вестник МГУ. – Сер. 7, Философия. – 2006. – № 2. – С. 39–51.

Шартье, Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предположения // Одиссей. – М., 1995. – С. 192–205.

Шаскольский, И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. – 1985. – М., 1986. – С. 95–99.

Шевеленко, А.Я. Природный фактор и европейское общество V–X веков // ВИ. – 1969. – № 10. – С. 87–105.

Шемякин, Я.Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80-х годов // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 86–103.

Шиманская, О.К. Природный и социальные факторы цивилизационной динамики в концепции культурно-исторических типов // Человек и природа в пространстве и времени. Серия «Социоестественная история». – М., 2012. – Вып. XXXVI. – С. 10–15.

Шинаков, Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. – М., 2009.

Шинаков, Е.А. Что есть «славянское племя»? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2016. – С. 18–37.

Шнирельман, В.А. Русские, нерусские и евразийский феодализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы // Славяноведение. – 2002. – № 4. – С. 3–20.

Шнирельман, В. А. Слово о «голом (или не вполне голом) короле» // Историческая психология и социология истории. – М., 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 6–27.

Шутова, О.М. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии // Женщины в истории. – Мн., 2001. – Вып. 1. – С. 55–74.

Шпенглер, О. Закат Европы. – Мн., 1998.

Штаерман, Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. – 1989. – № 2. – С. 76–94.

Штаерман, Е.М. К итогам дискуссии о римском государстве // ВДИ. – 1990. – № 3. – С. 68–75.

Шушарин, Д.В. Две Реформации: очерки по истории Германии и России. – М., 2000.

Щеглов, А.Г. «Феодальная мутация»: шведский вариант? (Обзор материалов сборника: Birgerjarlstid – enbrytningtid? Sex föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 2001. Stockholm, 2002) // Средние века. – 2005. – Вып. 66. – С. 128–140.

Шукин, М.Б. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. – Л., 1989. – С. 56–62.

Эволюция античных обществ. – М., 1984.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М., 1984.

Эксле, О.Г. Миф о средневековье // Одиссей. – М., 1999. – С. 271–284.

Эксле, О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. – М., 2001. – С. 170–198.

Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. – 1988. – № 10. – С. 88–104.

Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3.

Юхо, И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. – Мн., 1978.

Юшко, А.А. Московская земля : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1992.

Юшко, А.А. К итогам археологического изучения Москвы и Подмосковья // РА. – 1997. – № 4. – С. 79–92.

Юшко, А.А. Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. // РА. – 2001. – № 1. – С. 45–55.

Яковенко, И.Г. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 6.

Яковенко, И.Г. О субстанции локальной цивилизации // *Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход)*. – М., 2000. – С. 104–117.

Яковец, Ю.В. История цивилизации. – М., 1997.

Янин, В. Русь на Волхове // *Родина*. – 1999. – № 8. – С. 22–24.

Янссон, И. Русь и варяги // *Викинги и славяне*. – СПб., 1998. – С. 19–30.

Ясперс, К. Истоки истории и ее роль. – М., 1991. – Вып. 1.

Ясно, В.Н. Евразийство как идея русской исторической исключительности // *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы*. – Гомель, 2001. – С. 85–86.

Braha, Symon. Na Zachad i Úschod // *Спадчына*. – 1999. – № 1. – С. 7–28.

Braudel, F. *On History*. Chicago. – 1980. – P. XXXIII, 210–211.

Bumblauskas, A. Kolisие historiograficzne w kwestii charakterystyki Wielkiego Księstwa Litewskiego // *Lituania*. – 1995. – N 1(14). – S. 29–47.

Chesneaux, J. Le mode de production asiatique: guelgues perspectives de recherche // *La Penses*. – Paris. – 1964. – N 114.

Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. Bis 12. Jarhhundert. – Berlin, 1985.

Donat, P. Haus und Hof // *Die Slawen in Deutschland*. – Berlin, 1970. – S. 138–147.

Donat, P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. – Berlin, 1980.

Durdik, T. Nástin vývoje českých hradů 12-13 století // *AH*. – 1978. – No. 3. – S. 41–52.

Fiala, A., Habovštiak A., Štefanovičová T. Opevnené sídliská z 10.-13. Storočia na Slovensku // *AP*. – 1975. – R.27. – S. 429–444.

Goehrke, C. Frühzeit des Ostslawentums. – Darmstadt, 1992.

Gringmuht-Dallmer, E. Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft auf der Territorium der DDR unter besonderer Berücksichtigung der Siedlungsgebiete. – Berlin, 1985.

Guerquin, B. *Zamki Śląskie*. – Warszawa, 1957.

Halperin, Ch. Feudalism in Russia, then and now: Vladimir Shlapentokh's Concept of a 'Feudal Society' // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2015. – № 2. – Pp. 208–226.

Hejna, A. K počátkům opevňených středověkých sídel // *VVM*. – 1973. – R. 35. – Č. 3. – S. 240–251.

Herrmann, J. *Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland von 7. – Bis 13. Jahrhundert*. – Berlin, 1965.

<http://ideo.ru/cancerocracy.html>

<http://inosmi.ru/Atlantico/20121127/202686758.html>

<http://inosmi.ru/world/20140706/221474344.html>

<http://mojdomletaet.dreamwidth.org/11964.html>

<http://news.tut.by/politics/356489.html>

<http://polit.ru/article/2007/01/29/kuznezov/>

<http://polit.ru/article/2009/01/22/oriental/>

<http://polit.ru/article/2009/11/05/istpolit/>

<http://polit.ru/article/2011/10/27/chaadaev/>

http://polit.ru/article/2012/05/22/politeia_seminar_1c/

<http://polit.ru/article/2012/07/06/margo/>
<http://polit.ru/article/2012/07/19/hist/>
<http://polit.ru/article/2012/07/25/pipes/>
<http://polit.ru/article/2013/05/25/jus/>
<http://polit.ru/article/2014/07/18/eurasia/>
<http://postnauka.ru/longreads/26664>
<http://www.diletant.ru/polls/131/>
http://www.echo.msk.ru/blog/ruskiysvet_dot_narod_dot_ru/937111-echo/
<http://www.echo.msk.ru/blog/yasin/850805-echo/>
<http://www.echo.msk.ru/programs/code/922981-echo/>
http://www.gramotey.com/?open_file=1269007000
<http://www.inosmi.ru/europe/20120111/182588923.html>
<http://www.novayagazeta.ru/comments/58582.html>
<http://www.polit.ru/lectures/2010/03/23/history.html>
<http://www.snob.ru/selected/entry/69908>
<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24485936.html>
<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24621142.html>
<http://www.svoboda.org/a/454685.html>
<http://www.svoboda.org/a/27797500.html>
<http://www.svoboda.org/content/transcript/25432588.html>

Jankuhn, H. Einführung in die Siedlungsarchäologie. – Berlin–New York, 1977.

Kajzer, L. Zamki i społeczeństwo: Przemiany architektury budownictwa obronnego w Polsce w X–XVIII wieku. – Łódź, 1993.

Kamińska, J. Grodziska stożkowane śladem posiadłości rycerskich XIII–XIV wieku // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. – 1960. – No. 13. – S. 43–78.

Kamińska, J. Siedlątków, obronna siedziba rycerska z XIV wieku // Ibid. – 1968. – No. 15. – S. 15–88.

Kašička, F. Tvrze středních Čech. – Praha, 1984.

Lamb, H.H. Climate: Present, Past, and Future // L.: Barnes and Noble Publ., 1977. – Vol. 2.

Lange, E. Botanische Beiträge zur mittelalterlichen Siedlungsgechichte zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit. – Berlin, 1971.

Kosman, M. Historia Białorusi. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1979.

Le Goff, J. Świat średniowiecznej wyobraźni. – Warszawa, 1997.

Leciejewicz, L. Nowa postać świata. Narodziny średniowiecznej cywilizacji europejskiej. – Wrocław, 2000.

Łosiński, W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII–X/XI). – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.

Łowmiański, H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. – Wilno, 1931. – T. 1.

Meřzinský, Z. Čechy v dobe Slovanskej // AH. – 1985. – No. 10. – S. 506–508.

Nekuda, V., Unger J. Hrádky a tvrze na Moravě. – Brno, 1981.

Norkūnas, A. Gentinė Lietuvių tauta rytuose. – Vilnius, 2001. – P. 160–169.

Pirrenne, J. Les grands courants de l'histoire universelle, De. 1-7, Neuchâtel / Paris 1945–56.

Pitterová, A. Typy nejstarších slovanských sídlišť vesnického charakteru a jejich vývoj ve světle archeologických pramenů // Česky lid. – 1968. – R. 55. – Č. 2-3. – S. 169–179.

- Radzik, R.** Między zbirowością etniczną a wspólnotą narodową. – Lublin, 2000.
- Reynolds, S.** Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. – N.Y.; Oxford, 1994.
- Steuer, H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. – Göttingen. – 1982. – No. 128.
- Šolle, M.** Staroslovanské hradisko: Charakteristika, funkce, vývoj a význam. – Praha–Vyšehrad, 1984.
- Willerding, U.** Über Klimaentwicklung und Vegetationsverhältnisse im Zeitraum Eisenzeit bis Mittelalters // Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. – Göttingen, 1977. – S. 357–405.
- Wittfogel, K.A.** Oriental Despotism. Yale university Press. – Massachusetts, 1957.
- Wyroszumski, J.** Czy późnośredniowieczny kryzys feudalizmu dotknął Polskę? // Homines et societas. Czasy Piastów i Jagellonów. – Poznań, 1997. – S. 103–113.
- Zabiela, G.** Laidosena pagoniškojoje Lietuvoje // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 1998. – N 15. – P. 351–379.

СОКРАЩЕНИЯ

- БГА** – Беларускі гістарычны агляд.
- БГЧ** – Беларускі гістарычны часопіс.
- БДГ** – Белорусская деловая газета.
- ВВ** – Византийский временник.
- ВДИ** – Вестник древней истории.
- ВИ** – Вопросы истории.
- ВФ** – Вопросы философии.
- ГАЗ** – Гісторыка-археалагічны зборнік.
- НАА** – Народы Азии и Африки.
- НГ** – Независимая газета.
- РА** – Российская археология.
- РС** – Реферативный сборник.
- СВ** – Средние века.
- АН** – Archæologia historica.
- АР** – Archeologia Polski.
- VVM** – Vlastivědný věstník moravský.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
Раздел I. ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРОПЫ	44
Глава 1. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА.....	44
Глава 2. ВИЗАНТИЯ.....	79
Глава 3. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА	83
Глава 4. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.....	93
Раздел II. ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА	132
Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	132
Глава 2. ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	154
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	165
ЛИТЕРАТУРА.....	169
СОКРАЩЕНИЯ	198

Научное издание

Риер Яков Григорьевич

ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ

Монография

Технический редактор *А. Л. Позняков*
Компьютерная верстка *А. Л. Позняков*
Корректор *Г. В. Карпенкова*

Подписано в печать .12.2016.
Формат 60x84/16. Гарнитура Arial.
Усл.-печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 100 экз. Заказ № .

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», 212022, Могилев, Космонавтов, 1
Свидетельство ГРИИРПИ № 1/131 от 03.01.2014 г.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
МГУ имени А. А. Кулешова. 212022, Могилев, Космонавтов, 1